

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

Матэрыялы
навукова-практычнай
канферэнцыі

2017

Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2017 г.)*

Мінск
«Медысонт»
2019

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Бей)я43

М35

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнай рады
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Укладальнік:

намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках
М35 навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага
гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2017 г.) / уклад. Т. У. Явіч.—
Мінск: Медысонт, 2019.— 212 с.

ISBN 978-985-7228-08-9

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі
адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культуролагам.

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Бей)я43

ISBN 978-9857228-08-9

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны
музей-запаведнік, 2019
© Афармленне. ТАА «Медысонт», 2019

ЗМЕСТ

Авчинникова Ю. А.

Застройка исторического центра г. Полоцка в первой половине
20-х гг. XX в. (ул. Ленинская, ул. К. Маркса, ул. Советская) 5

Андреева Н. А.

К вопросу о применении технологии увлекательного обучения
(Edutainment) в экспозиции Детского музея 37

Ашуева В. Я.

Асноўныя падыходы да вывучэння жыцця і дзейнасці Ф. Скарыны
ў другой палове 1940-х — 1950-я гг. 45

Воднева І. П.

Завяшчанне полацкага архіепіскапа Антонія Сялявы як прыклад
рэлігійнай культуры грамадства Рэчы Паспалітай 53

Гаўрылава С. В.

Народная гаспадарка Полацка ў 1960—1980-х гадах 61

Гриб Е. П.

Полоцкая мебельная фабрика в составе Витебских
производственных объединений (1971—1992 гг.) 69

Довгун О. М.

Стационарная выставка полоцких фотографов
конца XIX — начала XX вв. Концепция 78

Кисляк А. В.

Литейно-механический завод г. Полоцка в 1945—1970 гг. 85

Копыл С. П.

Санитарное обеспечение боевых действий 22 армии
Западного фронта в июне — июле 1941 г. 92

Кочерягина Ю. Н.

Некоторые аспекты работы с текстом художественных
произведений в экспозиции 3-го зала Детского музея 107

Магалінскі І. У. Фрагменты кіўотнага крыжа пач. XIII ст. з музейных збораў НППКМЗ	115
Нарейко К. А. Партизанская бригада «Неуловимые»: история создания, боевая и диверсионная деятельность на Полотчине в 1942—1943 гг.	118
Рудаков П. С. Организация обороны г. Полоцка и его окрестностей немецкими войсками в 1943—1944 гг. по данным партизанской разведки	133
Ситдикова Н. И. Использование мультимедийных технологий на музейно- педагогических занятиях с детьми 4—5 лет в условиях образовательного дошкольного учреждения	141
Сілкоў С. І. Канцэпцыя і рэалізацыя выставачнага праекта «зДрэва.by» у Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я	148
Смирнова Т. Р. Теория и практика использования игровых форм работы с детской аудиторией 3-х — 6-ти лет в музейно-педагогической деятельности Детского музея	155
Соловьёв А. А. Архитектурно-археологические исследования дома № 7 по ул. Евфросинии Полоцкой	164
Сыревич И. В. Боевая деятельность Отдельного Смоленского партизанского полка особого назначения И. Ф. Садчикова на Полотчине в 1943—1944 гг.	179
Торгашова М. О. Полоцкий комбинат строительных материалов. 1945—1969 гг.	189
Шафран О. А., Якимович О. А. Тонирование фрагментов стенописи XIX в. Спасо-Преображенского храма в городе Полоцке: результаты и проблемы	195
Шыпіла Н. А. Канцэпцыя і рэалізацыя выставачнага праекта «Жывёльны свет у традыцыйнай культуры беларусаў» у Музеі традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я	201

ЗАСТРОЙКА ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА Г. ПОЛОЦКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В. (УЛ. ЛЕНИНСКАЯ, УЛ. К. МАРКСА, УЛ. СОВЕТСКАЯ)

Авчинникова Ю. А.

магистр исторических наук,

заведующий научно-реставрационным отделом НПИКМЗ

Историческая планировочная структура г. Полоцка окончательно оформилась в XIX в. и функционировала без существенных изменений до начала XX в. После революционных событий 1917 г. градостроительные преобразования касались в основном отстройки повреждённых пожарами зданий, а также возведения и приспособления новых построек в границах существующих кварталов [4, с. 41]. Такая ситуация была обусловлена многими факторами, в том числе отсутствием у нового советского правительства необходимых материальных ресурсов для каких-либо масштабных преобразований городской застройки, дефицитом профессиональных кадров, первоочерёдностью иных задач.

Серьёзный урон зданиям исторического центра г. Полоцка был нанесён в ходе Первой мировой и советско-польской войны (1919—1921 гг.). Результатом девятимесячной осады города польскими войсками и ежедневных бомбардировок стали значительные утраты жилого фонда и административных зданий, пострадали многие ценнейшие исторические объекты (Николаевский собор, здания архитектурного комплекса бывшего иезуитского коллегиума, храмы Борисоглебского монастыря и др.). Согласно докладу Комиссии по реставрации города коммунальному отделу при поветовом военревкоме около 1 200 домов из 3 000 стали непригодными для жилья вследствие разрушений крыш и стен. Кроме того, серьёзные повреждения были нанесены зданию электростанции, мостовым, тротуарам, колодцам и пр. Положение города было крайне тяжёлым [5, с. 366].

В соответствии с Рижским мирным договором 1921 г., подписанным РСФСР и Польшей, граница между двумя государствами пролегла по линии Дисна — Вилейка — западнее Минска — Лунинец — Сарны — Ровно — линия р. Збруч. Таким образом г. Полоцк оказался на соединении двух границ СССР — с Польшей и Латвией. Польская граница находилась в 25—30 км от города, латышская — в 70 км. Статус приграничного города, а также наличие таких важных стратегических объектов, как узловая железнодорожная

станция, пункты пересечения связующих автомагистралей, грунтовых дорог и водных путей по р. Двине стали важными факторами применения в г. Полоцке ряда организационно-правовых мер по обеспечению безопасности западных приграничных районов, осуществляемых советским государством в 20—30-е гг. XX в. [2, с. 217]. В этой связи составить более-менее полное представление о планировке, застройке города, внешнем виде и состоянии зданий в данный период крайне сложно по причине практически полного отсутствия картографических материалов и фотодокументов.

Одним из немногочисленных источников, в некоторой степени отражающих градостроительную ситуацию, сложившуюся в г. Полоцке в 20—30-е гг. XX в., являются отчётные документы коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета (Полоцкого уисполкома), составленные в ходе реализации мероприятий советского правительства по муниципализации жилищного фонда [6; 7].

Начало комплексу данных мероприятий было положено Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» [3]. Согласно этому закону отменялось право частной собственности на землю, находящуюся под жилыми и административными строениями. Городской жилищный фонд поступил в распоряжение местных советов, которые определяли начальный размер стоимости и доходности недвижимых владений, устанавливали арендную плату за землю, обладали правом застройки, назначали наёмную плату. Бывшие собственники муниципализированных домов получили право пользования жилой площадью на общих основаниях (предусматривалось не более одной комнаты на члена семьи) и были обязаны нести расходы наравне с другими квартиросъёмщиками. Малые дома в городах, служившие жильём для их владельцев, оставались в частной собственности при государственной собственности на земельные участки [1, с. 107; 3].

В первую очередь переводу в государственную собственность подлежали здания, ранее сдававшиеся в наём, дома буржуазии, крупные каменные и этажные дома, жилые здания, расположенные в центре города или имеющие торговые площади. Деревянные одноэтажные дома, а также бесхозные и недостроенные здания составили значительную часть коммунального фонда [1, с. 107].

Следует отметить, что под управление Полоцкого окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уисполкома поступил достаточно многочисленный фонд зданий и строений. Согласно городской переписи, проведённой в конце 1920 г., в г. Полоцке насчитывалось

2 239 жилых домов, 1 580 нежилых зданий, 424 разрушенные здания и 41 недостроенное [5, с. 359].

Центральными органами по управлению государственным жилищным фондом стали отделы коммунального хозяйства местных исполнительных комитетов (в г. Полоцке — коммунальный отдел уездного исполнительного комитета). Они приступили к юридическому оформлению муниципализации. С этой целью проводилась регистрация строений, списки которых утверждались НКВД. Завершающим этапом формирования законодательной базы муниципализации явилось постановление ЦИК и СНК БССР «Об условиях национализации строений и о предельном сроке составления списков национализированных строений», принятое 25 июля 1924 г. В соответствии с этим законодательным актом городские исполнительные комитеты должны были предоставить списки жилых и общественных строений, перешедших в собственность города или государства, к 10 сентября 1924 г. Кроме перечня представленных к муниципализации домов, в НКВД сообщались сведения об основании для обобществления и основные характеристики строений [1, с. 107].

Отчётные списки муниципализированных зданий и строений г. Полоцка 1923—1924 гг. представляют собой сводные таблицы, содержащие перечень улиц, номера домов с их кратким описанием (тип здания (каменное или деревянное); этажность; наличие надворных хозяйственных построек; общая площадь строения; имеется ли необходимость в проведении ремонтных работ). Некоторые отчёты содержат информацию о бывших владельцах муниципализированных зданий или их наследниках, а также о функциональном назначении зданий до и после их перевода в коммунальную собственность. Обязательными пунктами сводных списков являлись графы с указанием года поступления объекта недвижимости в управление комхоза, юридических оснований муниципализации, а также оценочной стоимости здания в золотых рублях [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454; прил.].

Последний пункт имел особое значение, поскольку в соответствии с декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. в крупных городах (с населением более 10 тыс. человек) отменялось право частной собственности на дома, стоимость которых превышала предел, устанавливаемый местными органами власти (обычно такой предел стоимости составлял 10 тыс. рублей золотом) [3]. По состоянию на 1920 г. в г. Полоцке проживало 18 619 человек, однако анализ оценочной стоимости муниципализированных зданий позволяет сделать вывод, что решением местных советов была установлена более низкая квота стоимости городской недвижимости, подлежащей обобществлению [5, с. 359; 6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454]. Кроме того, в коммуналь-

ную собственность города активно переводились здания, ранее использовавшиеся государственными учреждениями, и так называемые «бесхозные строения», бывшие собственники которых отказались от недвижимости, умерли, эмигрировали за рубеж или информация о их местонахождении отсутствовала [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454]. Таким образом, определённый законом критерий стоимости при муниципализации был правилом, которое, однако, не отрицало возможность обобществления домов любой стоимости в случаях государственной необходимости.

В сохранившихся отчётных списках за рассматриваемый период 1923—1924 гг. представлены сведения по застройке следующих 45 улиц и переулков г. Полоцка: Безымянная, Борисоглебская, Борисоглебский пер., Верхне-Борисоглебская, Верхне-Набережная, Виленская, Вознесенская, Восточная, Гарбузовская, Генеральный пер., Гоголевская, Громовская, Заводская, Задвинская, Зakanавная, Замковая, Интернациональная, Карла Маркса, Коммунистическая, Крестовая, Ленинская, Лепельская, Льва Толстого, Махировская, Надвинская, Невельская, Невельский тракт, Нижне-Набережная, Нижний Базар, Ново-Невельская, Новобазарный пер., Петроградская, Посадский пер., Пролетарская, Пролетарский пер., Просименский пер., Рижская, Рижский пер., Скотопогонная, Советская, Старо-Вокзальная, Стрелецкая, Стрелецкий пер., Троцкого, Тупой пер. [6, л. 109-109 об.; 7, л. 441—454].

В перечне муниципализированных около 300 городских зданий. Преимущественно это жилые каменные или большие деревянные дома (площадью более 50 кв. м), административные здания, а также объекты со встроенными торговыми помещениями (лавками) [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

Анализ приведённых данных по ул. Ленинской (современной ул. Нижне-Покровской), ул. К. Маркса (бывшая ул. Витебская, северная сторона современного пр. Ф. Скорины), ул. Советской (бывшая ул. Спасская; современная ул. Замковый проезд, продолжающаяся вдоль пл. Свободы до киновидеоцентра «Родина») позволяет сделать следующие выводы об их застройке в п.п. 20-х гг. XX в. (см. приложение)

По ул. Ленинской национализации подлежали 24 здания, общей площадью 5 669,7 кв. м, средняя площадь домов, поступивших в коммунальную собственность на указанной улице, составила 236,2 кв. м. Преимущественно это одноэтажные деревянные дома (средней площадью около 182 кв. м) с капитальным цокольным этажом (часто каменным), помещения которого использовались для хозяйственных и жилых целей. Большинство домов имели каменные или деревянные пристройки в виде одно- или двухэтаж-

ных флигелей, а также деревянные надворные постройки (сарай, амбары, навесы и пр.). По функциональному назначению эти дома использовались в качестве жилья для рабочих и служащих [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

Каменная застройка ул. Ленинской, которая подлежала муниципализации практически в полном объёме, была представлена одно- и двухэтажными домами, средняя площадь которых составляла около 300 кв. м. Наиболее крупными объектами в их числе являлись:

- дом № 8 (в настоящее время дом № 9 по ул. Нижне-Покровской) — двухэтажное здание бывшей Витебской казённой палаты (в 1924 г. в здании размещался финансовый отдел Полоцкого уисполкома);
- дома № 13, 15 (в настоящее время дом № 6 по ул. Нижне-Покровской) смежные одноэтажные деревянное и каменное здания на высоких цоколях с флигелями (в 1924 г. дома были заняты под жилые квартиры);
- дом № 27 (возможно, один из корпусов бывшего францисканского монастыря) — двухэтажное здание с тремя деревянными флигелями (в 1924 г. здание было занято под жилые квартиры);
- дом № 29 (возможно, в настоящее время дом № 22 по ул. Нижне-Покровской) — двухэтажный корпус бывшего Богоявленского монастыря (в 1924 г. в здании размещалась воинская часть);
- дом № 33 (до настоящего времени не сохранился; возможно, здание экономического дома бывшего Богоявленского монастыря) — двухэтажный дом с подвалом и двумя одноэтажными флигелями;
- дом № 36 (возможно, в настоящее время дом № 35 по ул. Нижне-Покровской) — одноэтажный дом с деревянным флигелем (в 1924 г. здание было занято под жилые квартиры);
- дом № 39 (до настоящего времени не сохранился; возможно, здание бывшего тюремного замка) — двухэтажный дом с подвалом и надворными постройками (в 1924 г. здание было занято под жилые квартиры);
- дом № 43 (предположительно, в настоящее время дом № 30 по ул. Нижне-Покровской) — двухэтажное здание бывшего городского банка (в 1924 г. здание было занято под арендное жильё) [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

По ул. К. Маркса было национализировано 40 зданий общей площадью 9 799,8 кв. м, средняя площадь домов, поступивших в городское коммунальное управление, на данной улице составляла около 245 кв. м. Основная масса застройки была представлена каменными двух- и трёхэтажными зданиями со встроенными торговыми помещениями (лавками). Большинство

домов имели многочисленные деревянные надворные постройки (сарай, амбары, кладовые), а также деревянные и каменные флигели.

Ряд муниципализированных домов по ул. К. Маркса № 16, 18, 20, 21, 23, 25, 27, 29, 29а (22,5% от общей численности) зафиксирован в отчётных документах 1924 г. как разрушенные. В числе разрушенных преимущественно одноэтажные каменные дома с многочисленными торговыми лавками [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

Среди наиболее значимых объектов по ул. К. Маркса можно отметить:

- дом № 1 (до настоящего времени не сохранился) — крупное двухэтажное каменное здание бывшей Полоцкой учительской семинарии (в 1924 г. в здании размещался педагогический техникум);
- дома № 2, 4 (до настоящего времени не сохранились) — двух- и трёхэтажные каменные здания с подвалами, находились на участке улицы К. Маркса от площади Свободы до здания современной Детской художественной школы (дом № 1 по пр. Ф. Скорины);
- дома № 5, 7 (до настоящего времени не сохранились, располагались на месте современного сквера вдоль северной части пр. Ф. Скорины) — одноэтажные каменные дома с торговыми лавками, принадлежавшие банкиру Абраму Баркану (в 1924 г. здания были заняты под жилые квартиры);
- дом № 6 (в настоящее время дом № 1 по пр. Ф. Скорины) — трёхэтажный каменный дом с одноэтажным каменным флигелем и надворными постройками (в 1924 г. здание было занято под жилые квартиры);
- дом № 8 (до настоящего времени сохранился частично, располагался в районе домов № 3, 5 по пр. Ф. Скорины) — двухэтажный каменный дом с надворными постройками (в 1924 г. здание было занято под жилые квартиры);
- дом № 14 (современные дома № 7, 9 по пр. Ф. Скорины) — трёхэтажный каменный дом с торговыми лавками;
- дом № 32 (до настоящего времени не сохранился; возможно, располагался в районе современного дома дом № 11 по пр. Ф. Скорины) — крупный двухэтажный каменный дом с 18 торговыми лавками и 8 складами, принадлежавший Рейзе Галеркиной (в 1924 г. здание зафиксировано как нежилое);
- дом № 40 на углу ул. К. Маркса, ул. Советской и ул. Гоголевской (до настоящего времени не сохранился, располагался в районе современного гостиничного комплекса «Славянский» по пр. Ф. Скорины д. 13) —

двухэтажное каменное здание бывшей Городской управы с тремя флигелями (в 1924 г. в здании располагалось отделение милиции) [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

По ул. Советской в коммунальную собственность было переведено 25 жилых зданий общей площадью 5 132,5 кв. м. Большинство составляли двухэтажные каменные дома средней площадью около 205 кв. м, в их числе можно отметить:

- дом № 13 (в настоящее время дом № 3 по ул. Ленина) — здание бывшей гостиницы «Лондон», принадлежавшей до 1917 г. семье купцов Гинзбургов, затем Израилатов [8, с. 21]. Главный фасад здания имеет богатый декор в виде оконных обрамлений, подоконных ниш, сухариков, маскаронов. В 1924 г. в доме располагался Полоцкий профсоюз строителей;
- дом № 15 (до настоящего времени не сохранился) — каменный одноэтажный корпус торговых рядов. Предположительно, находился на территории, прилегающей к современному дому № 3 по ул. Ленина с восточной стороны. Объект имел протяжённую конфигурацию и располагался вдоль современной ул. Ленина;

Одним из немногих сохранившихся зданий на ул. Советской является также дом № 17 (современный жилой дом № 4 по ул. Ленина), где в дореволюционные годы находилась гостиница «Бристоль». Данный объект не был включён в списки зданий, подлежащих муниципализации 1924 г., возможно, он был передан в коммунальную собственность ранее.

- дом № 16 (предположительно, северная часть современного дома № 9 по пр. Ф. Скорины, выходящая на ул. Замковый проезд) — функциональное назначение здания в списках 1924 г. не указано, скорее всего, объект был занят под жильё;
- дом № 23 (с большой долей вероятности здание принадлежало бывшей табачно-махорочной фабрике Янкеля Ривлина) — крупный двухэтажный каменный дом с двухэтажным каменным флигелем. В настоящее время на месте данного объекта размещена пожарная часть Полоцкого горрайотдела по чрезвычайным ситуациям (ул. Энгельса, 8);
- дом № 24 (не существует) — располагался напротив сохранившегося, но не вошедшего в списки муниципализированных дома № 4 по ул. Свердлова (современное здание ЖЭУ № 1 КУП «ЖКХ г. Полоцка»);
- смежные дома № 26, 28 (не существуют) — составляли крупный двухэтажный каменный дом с мезонином, каменным флигелем и деревян-

ными надворными постройками. До 1918 г. всеми указанными строениями владела семья Альтшулер. Согласно спискам 1924 г., в здании располагалась городская телефонная станция, часть помещений была отведена под арендное жильё [6, л. 109—109 об.; 7, л. 441—454].

Остальная часть застройки бывшей ул. Советской на сегодняшний день полностью утрачена, более 10 каменных двухэтажных жилых и административных зданий находились в районе современных дворовых территорий дома № 11 по пр. Ф. Скорины и внутреннего двора гостиничного комплекса «Славянский» (пр. Ф. Скорины, 13).

В целом следует отметить, что муниципализация жилищного фонда в БССР была завершена к 1926 г., окончательное юридическое оформление государственного фонда — к 1929 г. Всего в Советской Беларуси подверглось обобществлению около 5 тыс. домовладений общей жилой площадью 1 365 тыс. кв. м, из них в городах — 1 092 тыс. кв. м. Муниципализированный государственный сектор составил более 35% жилищного фонда страны [1, с. 107].

Мероприятия советского правительства по обобществлению фонда жилья стали важным фактором проведения дополнительного учёта зданий и строений на территории г. Полоцка. Сформированная отчётная документация даёт ценный материал для изучения застройки большинства улиц города, позволяет определить соотношение каменных и деревянных зданий, их размеры и техническое состояние, а также в некоторых случаях проследить изменения в функциональном назначении городских объектов, которые имели место в первой половине 1920-х гг. Рассмотренные в рамках данной работы три улицы исторического центра г. Полоцка (ул. Ленинская, ул. К. Маркса, ул. Советская) являются первым этапом в изучении городской застройки по указанным отчётным документам коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета 1923—1924 гг.

Список литературы и источников

1. Бураков, В. Н. Муниципализация жилищного фонда в БССР (1919—1929) / В. Н. Бураков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.— 2013.— № 9.— С. 106—109.
2. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс.— Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
3. Об отмене частной собственности на недвижимости в городах: Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс].— 2011.— Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_344.htm.— Дата доступа: 17.01.2018.

4. Орлова, Т. А. Изменение планировочной структуры г. Полоцка с к. XVIII по XX вв. / Т. А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г.) / Полацк, НППГКМЗ.— Полацк, 2005.— С. 39—49.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелЭн, 2002.— 912 с.
6. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодёжи в округе, месячные отчёты по работе общего отдела. Уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 1.— Л. 109—109 об.
7. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодёжи в округе, месячные отчёты по работе общего отдела. Уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 2.— Л. 441—454.
8. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник.— Полоцк: А. И. Судник, 2006.— 48 с.: ил.

Приложение.

Списки муниципализированных зданий и строений г. Полоцка 1923—1924 гг. *

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уполкома	Основания для муниципализации
ул. Советская						
1	1-этажный каменный дом	22,55 кв. саж. / 102,65 кв. м	Гнедовский Николай Дмитриевич	частное жильё	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4 (дом находится в бесхозяйственном состоянии, бывший владелец отсутствует)
2	1-этажный деревянный дом с подвалом; надворные постройки (сарай)	35,8 кв. саж. / 162,9 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
3	2-этажный каменный дом	82 кв. саж. / 373,2 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

* таблица составлена по материалам Зонального государственного архива в г. Полоцке: Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 1.— Л. 109—109 об.; Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 2.— Л. 441—454.

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
6	1-этажный деревянный дом (часть дома разрушена)	12 кв. саж. / 54,62 кв. м	Эрдман Эмилия Антоновна	жильё для служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
8	1-этажный деревянный дом	31,2 кв. саж. / 142,03 кв. м	Жеймонт Антонина Антоновна	жильё для рабочих и служащих	с 1920 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
9	1-этажный каменный дом	23 кв. саж. / 104,7 кв. м	—	—	с 1924 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
13	2-этажный каменный дом	56,2 кв. саж. / 255,8 кв. м	Израильт Залман Борухович	административное здание профсоюза строителей	с 1924 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
15	Каменный одноэтажный корпус торговых рядов	80 кв. саж. / 364,18 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципальной
16	2-этажный каменный дом; надворные постройки (сарай)	79,96 кв. саж. / 363,9 кв. м	—	административное здание пограничного отдела ГПУ	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
19	2-этажный каменный дом	25,2 кв. саж. / 114,7 кв. м	—	жильё для беженцев	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
23	2-этажный каменный дом; 2-этажный каменный флигель	75,2 кв. саж. / 342,3 кв. м	—	почтовое отделение	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
24	2-этажный каменный дом	84,66 кв. саж. / 385,3 кв. м	—	административное здание Дома союзов	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уполкома	Основания для муниципальной
26 / 28	2-этажный каменный дом с мезонином; флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	84 кв. саж. / 382,5 кв. м	Альпшулер Зиська Липовна; Альпшулер Хая Липовна	телефонная станция, частное жильё	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
34	3 каменные одноэтажные торговые лавки	—	—	разрушены	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
40	1-этажный каменный дом	17,5 кв. саж. / 79,6 кв. м	Кисельгоф Янкель Шмеркович	частное жильё	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
42 / 44	2-этажный каменный дом; надворные постройки (амбары)	17,95 кв. саж. / 81,7 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
46	2-этажный каменный дом; 2-этажный флигель	52,19 кв. саж. / 237,5 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
48	1-этажный каменный дом с 8 торговыми лавками	84 кв. саж. / 382 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
50	2-этажный каменный дом с торговыми лавками; надворные постройки (сарай)	41,8 кв. саж. / 190,2 кв. м	—	административное здание воинской части	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
52	два смежных 2-этажных каменных дома; 2 деревянных флигеля; надворные постройки (амбар)	27,18 кв. саж. / 123,7 кв. м	—	общий отдел уисполкома	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
55	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (сарай)	—	—	детский дом (еврейский)	—	—

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
58	1-этажный деревянный дом; 1-этажный флигель	36,9 кв. саж. / 167,9 кв. м 14,4 кв. саж. / 65,5 кв. м	Маневич Пейсах Пинхусович	детский дом, в отдельных помещениях проживают служащие	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
60	2-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (каменный амбар)	42,19 кв. саж. / 223,9 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
64	2-этажный каменный дом	33,5 кв. саж. / 152,5 кв. м	Левин Залман Израилевич	частное жильё	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
ул. Ленинская						
2	1-этажный каменный дом	22 кв. саж. / 100 кв. м	Эрдман Аполлинарий; Эрдман Франциска	жильё для рабочих и служащих	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажен / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
6	1-этажный деревянный дом; деревянный флигель с мезонином (надворные постройки: дощатый сарай, бревенчатый сарай)	51,6 кв. саж. / 234,8 кв. м	Лунин Константин Александрович	жильё для рабочих и служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
8	2-этажный каменный дом с жилым подвалом (надворные постройки: бревенчатый сарай)	55,55 кв. саж. / 252,8 кв. м	Здание бывшей Витебской казённой палаты (казначейство)	административное здание уездного финотдела	с 1918 г.	Как находящееся в ведении УИК с 1918 г.
10	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; (надворные постройки: деревянный навес)	65,4 кв. саж. / 297,7 кв. м	Чиж Ольга Рейнгольдовна	частное жильё	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
13	1-этажный деревянный дом с подвалом; 2-этажный флигель; надворные постройки	56 кв. саж. / 254,9 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
15	1-этажный каменный дом с подвалом	20 кв. саж. / 91 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
18	1-этажный деревянный дом с подвалом; 2-этажный каменный флигель; 1-этажный каменный флигель; надворные постройки	44,18 кв. саж. / 201,1 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
19	1-этажный деревянный дом с подвалом; надворные постройки	25,87 кв. саж. / 117,7 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
21	1-этажный деревянный дом с подвалом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки	51,63 кв. саж. / 235 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажен / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
26	1-этажный деревянный дом с жилым подвалом; надворные постройки; деревянный сарай	22,18 кв. саж. / 100,9 кв. м	здание прихода евангелистско- лютеранской церкви	жильё для рабочих и служащих	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
27	2-этажный каменный дом; 3 деревянных флигеля; надворные постройки	58,92 кв. саж. / 268,2 кв. м	—	здание имеет значительные повреждения; частично занято под жильё беженцев	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
28	2-этажный каменный дом с подвалом	17,49 кв. саж. / 79,6 кв. м	—	здание имеет значительные повреждения, не пригодное для жилья	с 1922 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
29 (29а)	2-этажный каменный дом с подвалом; надворные постройки	280 кв. саж. / 1274,6 кв. м	здание, принадлежавшее Богоявленскому монастырю	административное здание воинской части	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. саженей / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципальной
29а (29б)	2-этажный каменный дом	—	здание, принадлежавшее Богоявленскому монастырю	вторая советская школа	с 1922 г.	—
30	1-этажный деревянный дом на каменном фундаменте	69 кв. саж. / 314,1 кв. м	Фридман Эстер-Муська Мордуховна	административное здание воинской части	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
31	2-этажный каменный дом	30,57 кв. саж. / 139,1 кв. м	—	жильё для рабочих и военнослужащих; второй этаж занят гарнизонной гауптвахтой	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
32	1-этажный деревянный дом; надворные постройки	28,47 кв. саж. / 129,6 кв. м	—	дом ребёнка	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажен / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
33	2-этажный каменный дом с подвалом; 1-этажный каменный флигель; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки	46,06 кв. саж. / 209,6 кв. м	—	частично занят под наёмное жильё	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
34	1-этажный деревянный дом с каменной пристройкой	12,43 кв. саж. / 56,5 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
36	1-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель (дом имеет повреждения)	48,73 кв. саж. / 221,8 кв. м 36,72 кв. саж. / 167,1 кв. м	Эпштейн Мовша Ищыкович	жильё для рабочих и служащих	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
39	2-этажный каменный дом с подвалом; надворные постройки	45,5 кв. саж. / 207,1 кв. м	—	жильё для военнослужащих	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
42	2-этажный каменный дом с подвалом; надворные постройки (сарай)	37,84 кв. саж. / 172,2 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
43	2-этажный каменный дом; деревянный флигель	44,88 кв. саж. / 204,5 кв. м 14,44 кв. саж. / 65,7 кв. м	здание бывшего городского банка	жильё для рабочих и служащих	с 1917 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
61	2-этажный каменный дом с подвалом	39 кв. саж. / 177,5 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
77	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель	14 кв. саж. / 63,7 кв. м 7,29 кв. саж. / 33,1 кв. м	Гуревич Хаим Шмеркович	жильё для рабочих и служащих	с 1920 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уполкома	Основания для муниципализации
К. Маркса						
1	2-этажный каменный дом; надворные постройки (каменный амбар, деревянный сарай)	238,83 кв. саж. / 1087,2 кв. м	бывшая учительская семинария	Педагогический техникум	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4 (принадлежащий государству объект)
2	2-этажный каменный дом с двумя погребями; надворные постройки (сарай)	28,55 кв. саж. / 129,9 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
4	3-этажный каменный дом с подвалом	61,17 кв. саж. / 278,46 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
5 / 7	1-этажный каменный дом; 2-этажный каменный флигель; ряд каменных лавок; надворные постройки (деревянный сарай)	46,9 кв. саж. / 213,5 кв. м 35,9 кв. саж. / 163,4 кв. м	Баркан Абрам Лазаревич	жильё для рабочих и служащих	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4 (бывший владеец отсутствует с 1918 г.)

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципальной
6	3-этажный каменный дом; 1-этажный каменный флигель; надворные постройки (сарай)	174 кв. саж. / 792 кв. м	—	шестая советская школа; часть здания занята под жильё	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
8	2-этажный каменный дом; надворные постройки	144 кв. саж. / 655,5 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
9	2-этажный каменный дом; надворные постройки	44 кв. саж. / 200,2 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
11	1-этажный деревянный дом; 8 торговых лавок	18,5 кв. саж. / 84,3 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уполномочен	Основания для муниципализации
12	2-этажный каменный дом; торговые лавки	66,83 кв. саж. / 304,2 кв. м	—	1 этаж занят под торговые лавки; 2-й этаж занят под администрацию воинской части	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
14	3-этажный каменный дом; торговые лавки	84 кв. саж. / 382,5 кв. м	—	административное здание Дома советов	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
15	2-этажный каменный дом; надворные постройки (сарай)	18,43 кв. саж. / 83,8 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
16	1-этажный каменный дом; 17 торговых лавок	—	здание разрушено	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
18	1-этажный каменный дом с 40 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	Ф/О бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
19	2-этажный каменный дом с лавками; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (амбар, кладовые)	78,63 кв. саж. / 357,9 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
20	1-этажный каменный дом с 40 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
21	1-этажный каменный дом с 3 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
22	1-этажный каменный дом с 3 лавками	15,5 кв. саж. / 70,5 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
23	1-этажный каменный дом с 2 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
24	1-этажный каменный дом с 1 лавкой	4 кв. саж. / 18,2 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
25	1-этажный каменный дом с 13 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
26	1-этажный каменный дом с 3 лавками	10,5 кв. саж. / 47,7 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
27	1-этажный каменный дом с 3 лавками	—	разрушен	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципальной
28	1-этажный каменный дом с 2 лавками и 2 «шкафчиками»	6,3 кв. саж. / 28,6 кв. м	—	—	с 1919 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
29	2-этажный каменный дом с 10 лавками	—	разрушен	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
29а	2-этажный каменный дом с 10 лавками	—	разрушен	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
31	2-этажный каменный дом с лавками	35,2 кв. саж. / 160,2 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
32	2-этажный каменный дом с 18 лавками и 8 каменными складами	277,4 кв. саж. / 1262,7 кв. м	Галеркина Рейза Липовна	дом нежилой	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4 (бывший владелец умер, наследники не утверждены в правах наследования)
33	2-этажный каменный дом с торговыми помещениями на первом этаже; 2-этажный каменный флигель с амбарами на первом этаже	96 кв. саж. / 437 кв. м	Трифсик Касриель, Трифсик Израиль	частное жильё	с 1922 г.	Муниципализовано по линии гл. управл. Комхоз. БССР от 05.05.1924
34	2-этажный каменный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	41,09 кв. саж. / 187 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
35	1-этажный каменный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	16,31 кв. саж. / 74,2 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
36	2-этажный каменный дом с подвалом; 2-этажный каменный флигель; надворные постройки	115 кв. саж. / 523,5 кв. м	—	почтовое отделение	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
37	2-этажный каменный дом с торговыми лавками; 2-этажный каменный флигель; надворные постройки	58,63 кв. саж. / 266,8 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
38	1-этажный каменный дом с подвалом	—	—	общепитие городской милиции	—	—
39	2-этажный каменный дом	8,32 кв. саж. / 37,87 кв. м	—	дом в полуразрушенном состоянии	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
41	1-этажный деревянный дом с подвалом и торговой лавкой; надворные постройки (сарай)	22,49 кв. саж. / 102,5 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
42	2-этажный каменный дом с подвалом; надворные постройки (2 деревянных сарая)	55,73 кв. саж. / 253,6 кв. м	—	детский дом им. Леккерта	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
47	1-этажный каменный дом с каменными торговыми лавками; надворные постройки (два деревянных сарая)	36,6 кв. саж. / 166,6 кв. м	Симонова Прасковья Даниловна	жильё для рабочих и служащих	с 1920 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4 (бывший владелец отсутствует с 1918 г.)
52	1-этажный смешанный дом с подвалом; 1-этажный деревянный флигель	—	—	детский дом им. 1 мая	—	—

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
55	1-этажный каменный дом с подвалом; 1-этажный флигель с полуподвалом и торговой лавкой	9,7 кв. саж. / 44,1 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
56	Дощатые постройки	—	—	городская водокачка	—	—
62	2-этажный каменный дом	—	—	городская амбулатория; 2-я советская аптека	—	—
67	6 каменных корпусов торговых рядов	—	—	—	—	—
88	1-этажный деревянный дом	10,54 кв. саж. / 47,9 кв. м	Славин Иохим	частное жильё	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
97а	2-этажный смешанный дом	88,76 кв. саж. / 404 кв. м	Галеркин Лейба	частное жильё	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4
97б	2-этажный смешанный дом	59,62 кв. саж. / 271,4 кв. м	Галеркин Лейба	частное жильё	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении Коммунального отдела уполномоча	Основания для муниципализации
Угол ул. К. Маркса и ул. Боровой						
41	1-этажный деревянный дом с подвалом, 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	35,48 кв. саж. / 161,5 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена пост. ГУКХ РСФСР от 11.01.1923 № 20288/9
Угол ул. Советской — К. Маркса — Гоголевской						
40	2-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель; 2-этажный каменный флигель; 1-этажный каменный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	69,6 кв. саж. / 316,8 кв. м 15,8 кв. саж. / 71,9 кв. м 10,4 кв. саж. / 47,3 кв. м 14,41 кв. саж. / 65,5 кв. м	здание городской управы	административное здание милиции	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14.05.1923 п. 4

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ (EDUTAINMENT) В ЭКСПОЗИЦИИ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Андреева Н. А.

заведующий Детским музеем — филиалом НПИКМЗ

В работах российских теоретиков и практиков музейного дела (О. С. Сапанжа, А. И. Ключкина, И. В. Андреева.) так или иначе озвучиваются проблемы, существующие в современной музеологии. О. С. Сапанжа справедливо отмечает, что «за пределами разделов учебников обнаруживается пространство неисследованных проблем и нераскрытых формулировок» [6]. Одна из таких проблем, которая существует сегодня, проявляется в противоречии между образовательно-воспитательными возможностями современного музея и неразработанностью педагогических технологий, которые могли бы обеспечить реализацию образовательных задач. Поэтому существует необходимость изучать и использовать в работе всё конструктивное, разработанное наукой, в частности, педагогикой.

Хочу сразу отметить, что технология Edutainment не просто модный тренд в системе обучения, это многогранный вариант не только для системы школьного, вузовского, бизнес-образования, но и для альтернативного музейного образования. Эту технологию можно рассматривать и в свете музейной коммуникации, и через призму философии образования и технологии обучения, новых образовательных концепций, поскольку современный музей и его деятельность неразрывно связаны с процессами, происходящими в обществе (глобализация и глокализация, интеграция, информатизация и т. д.). XXI век — век максимально доступной информации. И вне зависимости от наших желаний информационная функция музея перемещается в Интернет. В таком случае встаёт вопрос о способах и формах трансляции материала музейной экспозиции, построенной на определённом фактическом материале. Ответ на этот вопрос современные музееведы, социологи, психологи ищут в области восприятия, эмоций, в области гуманитарного знания.

Известно (М. Т. Майстровская, А. И. Михайловская, А. И. Орлов), что в основе первого опыта встречи с музейной экспозицией лежит созерцание, возможно, восхищение, интеллектуальное постижение происходит позже (или не происходит вообще). И, как показывает собственный опыт, посетители по-разному воспринимают одну и ту же экспозицию. Одни в ней ви-

дят только старые предметы, вышедшие из употребления, другие — целую эпоху, представленную в музейных предметах. И это понятно, потому что взгляд на музейную экспозицию зависит, в первую очередь, от культурных установок посетителей.

И, тем не менее, музейщики вновь и вновь обращаются к социологии, пытаясь изучать и анализировать запросы современного посетителя, прогнозировать его интересы и потребности, поскольку посетитель — очень важный участник музейной коммуникации, и мы, выстраивая экспозицию, пытаемся направить его по определённом маршруту, пытаемся привлечь его внимание к важным, на наш взгляд, экспонатам. Однако зачастую посетитель идёт в том направлении, в котором ему хочется, рассматривает те экспонаты, которые ему наиболее интересны, и его точка зрения на созданное нами музейное пространство может не совпадать с нашей. Более того, он наделяет фрагменты экспозиции ценностями в зависимости от своего жизненного опыта. Приведём любопытный пример [1].

Музей современного искусства Нью-Йорка (МоМА) предложил посетителям анкету, в которой надо было закончить фразу: «Я посетил музей, чтобы...». Послание 9-летней девочки заставило музейщиков задуматься, потому что она написала: «Я страшно разочарована. Я не нашла динозавра. Только гардероб, два фонтана и какой-то мусор. А еще зовётесь музеем». Как отмечает музейный маркетолог Денис Белькевич (Москва), особенно интересно в этой ситуации, что «данное послание не стало толчком для создания, к примеру, новой детской образовательной программы, проблема была увидена в другом — в неоправданных ожиданиях своей аудитории... даже если это музей современного искусства, а они пришли за динозавром» [1].

Т. е. вопрос стоит об ожиданиях посетителей и соответствии музея этим ожиданиям. В 2011 г. среди европейских музеев искусства были проведены исследования ожиданий аудитории на входе в музей и их же впечатлений на выходе. Посетителям предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся следующих мотивов посещения музея:

- социальный мотив (влияние рекламы, моды, советов);
- интеллектуальный (желание поднять культурный уровень);
- эмоциональный (поход за эмоциями, досуг);
- духовный (размышление, переживание).

Мотивы прихода посетителей в музей представляли такую картину:

- социальный мотив — 41%;
- интеллектуальный — 43%;
- эмоциональный — 10%;

— духовный — 6%.

После осмотра экспозиции процентное соотношение изменилось с явным перевесом на эмоциональную составляющую:

— социальный — 8%;

— интеллектуальный — 32%;

— эмоциональный — 41%;

— духовный — 19% [9].

Вывод очевиден: мотивы прихода в музей могут быть разными, но после знакомства с экспозицией большая часть людей меняет своё первое мнение. Причём, процент посетителей, пришедших за знаниями, незначительно изменился, зато значительно возрос эмоциональный мотив посещения музея, т. е. людям необходимы эмоции, личные впечатления, переживания.

Так что же такое современный музей: пространство обучения и получения знаний, игры, опыта, интерактивности или всё вместе взятое? Какая роль отводится современному посетителю? Какие особенности образовательной функции Детского музея сегодня? Чтобы понять, как изменялась образовательная концепция музея, обозначим основные вехи развития этой теории.

Образовательная концепция музея была впервые сформулирована А. Лихтварком, директором Гамбургской картинной галереи, искусствоведом и педагогом. Ещё в 1897 г. им был впервые предложен новый подход к посетителю как участнику диалога. В 1913 г. в Мангейме состоялся семинар «Музей как образовательное и воспитательное учреждение», на котором А. Лихтварк подчеркнул две особенности музея как образовательного учреждения: общедоступный характер и обусловленность деятельности предметной средой [4, с. 46—47].

В последующие годы российские и немецкие учёные (Г. Киршенштейнер, Г. Фройденталь, А. В. Бакушинский, Н. И. Романов, А. В. Луначарский и др.) активно занимались исследованием образовательной роли музея. Они заложили основы представлений о развивающем характере музейной среды и накопили огромный теоретико-практический опыт в области музейной педагогики. Таким образом, была подготовлена база для дальнейшего развития теории образования в музее.

В 1990-е гг. XX в., в период кризиса консервативной системы образования, М. Б. Гнедовским в концепции «Музей и образование» была сформулирована новая образовательная концепция музея, основанная на коммуникационном подходе [10, с. 16]. В этой образовательной концепции внимание

акцентировалось на внутреннем мире человека, его эмоциональном состоянии, развитии творческого воображения. Концепция меняла отношение и к самой аудитории, что выражалось в идее дифференциации посетителей по возрастам, учёте возрастных и психологических особенностей, в частности, детей. Приоритет отдавался личносно ориентированному образованию, суть которого — в формировании у посетителя умения самостоятельно добывать знания и использовать их на практике, умения взаимодействовать друг с другом: вести диалог, слышать другого (ровесника или взрослого), участвовать в дискуссии. Таким образом, был обозначен окончательный отказ от модели музея-учебника, и посетитель перешёл в разряд собеседника.

В настоящее время концепция М. Б. Гнедовского воплощается в инновационных музейно-педагогических технологиях, строящихся на гуманитарных знаниях. Диалоговый формат признан ведущим в музейно-педагогической работе с детьми.

Концепция личносно ориентированного образования и сегодня не теряет своей значимости, о чём свидетельствует статья «Навыки XXI века: новая реальность в образовании» профессора Мельбурнского университета Патрика Гриффина — руководителя крупнейшего международного научно-го проекта по оценке и преподаванию навыков и компетенций XXI в. Он отмечает, что ключевыми навыками, определявшими грамотность в индустриальную эпоху, были чтение, письмо и арифметика. В XXI в. акценты смещаются в сторону умения самостоятельно добывать информацию и критически её оценивать, способности к взаимодействию и коммуникации, навыкам коллективной работы, творческого подхода к делу (по сути, это основные положения личносно ориентированного образования). Профессор отмечает тот факт, что «...многие исследователи добавляют к этому ещё и любознательность, хотя это, пожалуй, не столько навык, сколько качество, личная характеристика человека. Но пока у нас всё ещё есть учителя географии, истории, физики, химии, но нет учителей критического мышления, учителей взаимодействия или учителей любознательности» [5].

Почему мы сегодня, в эпоху высоких технологий, говорим о таких, казалось бы, неоспоримых категориях, как знание, интерес, познание, любознательность и т. д. Хочется озвучить один парадоксальный факт. Всероссийский центр изучения общественного мнения в преддверии Дня науки (2011 г.) провёл всероссийский опрос по вопросам, касающимся популярных научных знаний, и оказалось, что каждый 3-й россиянин уверен, что Солнце вращается вокруг Земли и что полный оборот Земля совершает вокруг Солнца за 1 месяц. Причём, за период с 2007 по 2011 г. таких респондентов стало больше (с 28% в 2007 г. до 33% в 2011 г.) [7]. Статистика, прямо

скажем, безрадостная. Возможно, сказывается дефицит знаний опрашиваемых, потому что когда-то в детстве этих респондентов не зацепили ни содержанием, ни эмоциями, ни формой, основанной на занимательности.

Исторически сложилось так, что Детским музеям отводилась роль образовательных центров. В США их называли «пионерами современного образования», «экспериментальными площадками», «центром досуга и общения детей и родителей» [2, с. 3]. Нельзя совсем не согласиться с т. н. «американской» моделью Детского музея, в основе которой лежит концепция интерактивности. Собственно, к этой же модели можно отнести и первые Детские музеи России, созданные Н. Д. Бартрамом и Я. П. Мексиним, проект А. У. Зеленко, основанные на потребности детей «в свободном творческом изыявлении и в игровой деятельности», т. е. игромuzeи [2, с. 8]. В этот период игра понималась, в первую очередь как средство социализации, и через игру воспроизводились реальные практические ситуации.

Возрождение интереса к игре в пространстве музея происходит в 70-е гг. XX в., а с 1990-х гг. игра становится ведущим музейно-педагогическим методом в работе с детской аудиторией, используется и как метод педагогического воздействия, и как объект музеефикации нематериального культурного наследия. Миссия Детского музея была сформулирована таким образом: «...формировать позитивное отношение к музею как месту, где комфортно и интересно, воспитывать бережное отношение к культурному наследию, образовывать культурой» [2, с. 10]. В качестве приоритетного направления была обозначена работа с семьёй.

Говоря об образовании в Детском музее, мы понимаем это как развитие ребёнка, формирование его личностных качеств, душевных свойств, ценностного отношения к миру. Что касается информации, предоставляемой музеем, то она, что очевидно, является основой формирования знаний об окружающем мире, природе, истории, искусстве. Формирование же знания происходит через процесс познания, который осуществляется на основе подлинников.

Вопрос формы обучения давно стоит на повестке дня. И сегодня активно вводится в учебный процесс технология, в основе которой лежит концепция «образование (education) + развлечение (enterteinment)». Речь идёт об инновационной креативной технологии Edutainment. Несмотря на то, что этот термин широко известен с 1970-х гг., однако до сих пор в отечественной педагогике нет чёткого определения этой технологии, а само слово не имеет эквивалента в русском языке. Существуют разные мнения о роли и значении этой педагогической технологии. Edutainment рассматривается в публикациях ряда авторов-педагогов (Т. В. Сапух, И. Г. Хангельдиева,

Н. А. Кобзева, А. В. Попов и др.). Мы остановились на одном из определений, приведённых в статье Н. А. Кобзевой [3]:

«Edutainment — новая технология реального обучения, характеристики которой сосредоточены на методическом понимании игры и игровых технологий, основными мотивами которой являются развлечение и радость».

Хотелось бы уточнить два понятия: игра и развлечение. В отличие от других сфер применения этой технологии, например, в бизнес-образовании, игры, применяемые в музее, не моделируют, а помогают осваивать действительность, мы делаем ставку на активное вовлечение детей в процесс общения и развитие творчески активной личности.

Что понимается под развлечением? Развлечение — это интегративное понятие, которое включает увлечение, привлечение, эмоциональное проживание, научение и, конечно, собственно развлечение. И эта интеграция возможна благодаря взаимосвязи педагогики и психологии, применению информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), включая интерактивные выставки, телевизионные образовательные программы, мультфильмы, музыку, мультимедийные программы, компьютерные, настольные, видеоигры и т. д. Надо понимать, что Edutainment — это не просто игра. Это непродуктивный вид деятельности, один из современных способов передачи знаний, а основная цель использования этой технологии — повысить мотивацию к учёбе, сформировать устойчивый интерес к получению знаний и сделать процесс усвоения знаний увлекательным, доступным, разнообразным. Несмотря на то, что эта технология может использоваться в любой возрастной аудитории, она не подменяет академическое образование, а предполагает игровые формы обучения и передачи знаний.

Поскольку Edutainment — это педагогическая технология, она базируется на педагогических принципах последовательности (изучение новых тем на основе изученных ранее), доступности (соответствие сложности заданий возрасту), связи теории с практикой (включение исследовательских, поисковых заданий, изучение практико-ориентированных тем). В современном отечественном образовании к этой технологии очень близки технологии развивающего обучения, личностно ориентированные технологии и др. Но, в отличие от других педагогических технологий, в данном случае важен, скорее, эмоциональный, а не педагогический (и тем более — формально педагогический) результат.

Технология Edutainment может трактоваться двояко. В одном случае акцент может быть сделан на развлекательном моменте, в другом — на образовательном [8]. Такая двоякая трактовка допустима и в образовательной среде Детского музея, причём возможна в любой возрастной аудитории.

Всё зависит от целей и задач, которые мы решаем, используя технологию увлекательного обучения. Но в любом случае эта технология требует активности, действия, положительных эмоций и в условиях образовательной среды музея предполагает:

- наличие цели в организации процесса обучения (в нашем случае — это формирование, возможно, первичного интереса к предмету, получение удовольствия от процесса обучения и как результат — формирование интереса к самому процессу обучения);
- наличие комфортных условий, неформальной обстановки;
- комплексное применение дидактических, технологических средств обучения;
- двустороннюю взаимосвязанную деятельность (субъект-субъектное общение);
- ориентацию на индивидуальные особенности посетителя (от этого зависит темп работы, отбор материала, методов и приёмов).

Т. о., очевидны следующие преимущества технологии Edutainment:

- базируется на научно обоснованной интеграции педагогики, психологии, ИКТ;
- даёт возможность конструировать процесс обучения;
- может применяться в любой аудитории, на любой неформальной площадке;
- даёт возможность каждому ребёнку (или взрослому) получить удовольствие от процесса обучения;
- позволяет сделать основной акцент на развитие личности ребёнка через игру, субъект-субъектное общение.

Трудности применения технологии Edutainment:

- недостаточное знание возрастных психологических особенностей детей;
- несформированность у музейных сотрудников навыков владения игровыми технологиями.

В 2017 г. в Санкт-Петербурге по итогам международной конференции издан сборник «Музеи XXI века: новые образовательные стратегии», который ещё раз подтверждает, что приобретённый во второй половине XX в. статус музея как социального, культурного, образовательного, досугового центра заставляет искать и реализовывать новые подходы в работе с посетителем.

Список литературы и источников

1. Белькевич, Д. Музей в поисках аудитории / Д. Белькевич // Искусство [Электронный ресурс].— 2015.— № 2 (581).— Режим доступа: <https://iskusstvo-info.ru/muzej-v-poiskah-auditorii/>.— Дата доступа: 25.09.2017.
2. Галкина, Т. В. Музееведение: детский музей / Т. В. Галкина.— Томск, 2004.— 32 с.
3. Кобзева, Н. А. Edutainment как современная технология обучения / Н. А. Кобзева // Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс].— 2012.— Режим доступа: <https://readera.ru/edutainment-kak-sovremennaja-tehnologija-obuchenija-14261213>.— Дата доступа: 14.11.2017.
4. Медведева, Е. Б. Музейная педагогика Германии прошлого и настоящего / Е. Б. Медведева // Музейная педагогика за рубежом: работа музеев с детской аудиторией.— М., 1997.— С. 45—64.
5. Навыки XXI века: новая реальность в образовании // HR-Portal: сообщество и публикации.— 2016.— Режим доступа: <https://hr-portal.ru/article/navyki-xxi-veka-novaya-realnost-v-obrazovanii>.— Дата доступа: 12.09.2017.
6. Сапанжа, О. С. Современная российская музеология: тактические итоги и стратегические форсайты / О. С. Сапанжа // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў [Электронный ресурс].— 2015.— № 2 (24).— Режим доступа: <http://repository.buk.by/handle/123456789/6017>.— Дата доступа: 25.09.2017.
7. Солнце — спутник Земли, или рейтинг научных заблуждений россиян // ВЦИОМ.— 2017.— № 1684.— Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345>.— Дата доступа: 15.11.2017.
8. Хангельдиева, И. Г. Эдьютейнмент как философия и интегрировано-креативная технология современного образования / И. Г. Хангельдиева // Aktualni pedagogika [Электронный ресурс].— 2016.— № 1.— Режим доступа: http://sociosphera.com/aktualni_pedagogika/aktulni_pedagogika_1_2016/.— Дата доступа: 25.11.2017.
9. Шляхтина, Л. М. Реакреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечение? / Л. М. Шляхтина // Вопросы музеологии [Электронный ресурс].— 2013.— № 2 (8).— Режим доступа: <https://iskusstvo-info.ru/muzej-v-poiskah-auditorii/>.— Дата доступа: 25.09.2017.
10. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей / М. Ю. Юхневич.— М., 2001.— 153 с.

АСНОЎНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ ЖЫЦЦЯ І ДЗЕЙНАСЦІ Ф. СКАРЫНЫ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х — 1950-Я ГГ.

Ашуева В. Я.

*вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НППКМЗ*

Для нас мае вялікае значэнне ўсё, што звязана з Францыскам Скарынам, вывучэнне ўсіх крыніц і матэрыялаў, якія захоўваюцца ў фондах НППКМЗ і могуць быць выкарыстаны для стварэння выстаў і абнаўлення экспазіцыі. У цэнтры ўвагі дадзенага артыкула выданні другой паловы 1940-х — 1950-х гг., прысвечаныя вывучэнню жыцця і дзейнасці славутага палачаніна. Разглядаемы пасляваенны перыяд не звязаны са скарынаўскімі юбіляямі, якія, як вядома, спрыялі ажыўленню цікавасці да яго спадчыны, аднак вельмі важны ў развіцці скарыназнаўства.

Але каб паказаць, якое месца займаюць 1940—1950-я гг., трэба вярнуцца ў папярэдні перыяд. Асабліва актыўна пачалі пісаць пра Скарыну на пачатку XX ст., што звязана з развіццём беларускага легальнага друку пасля 1906 г. і працэсам беларусізацыі ў БССР у 1920-я гг. У 1925 г. даволі шырока адзначалася 400-годдзе беларускага кнігадрукавання (за аснову браўся 1525 г.). Цэнтральным навуковым мерапрыемствам юбілейных урачыстасцяў стала канферэнцыя, праведзеная Беларускім дзяржаўным універсітэтам і Інстытутам беларускай культуры. Яе матэрыялы ляглі ў аснову зборніка «400-лецце беларускага друку», які знаходзіцца ў экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання.

Але ў хуткім часе само імя Францыска Скарыны стала ледзьве не забароненым. Прычынай гэтаму паслужыла выступленне ў 1928 г. Вільгельма Кнорына, які ў 1927—1928 гг. з’яўляўся сакратаром ЦК КП(б) Беларусі. Выступленне было накіравана супраць так званых «буржуазных нацыяналістаў». Кнорын ў гэтым выступленні назваў Скарыну сярэдневяковым манахам, а яго справу — не ўяўляючай інтарэсу для развіцця пралетарскай культуры. У выніку пра святкаванне 400-лецця беларускага кнігадрукавання сталі пісаць як пра «шумную нацыяналістычную дэманстрацыю». Усё гэта, мякка кажучы, адмоўна адбілася на развіцці скарыназнаўства ў БССР, дзе на працягу ўсіх 1930-х гг. імя Скарыны практычна не ўзгадвалася.

Вяртанне Скарыны адбылося пасля (і нават яшчэ падчас) Вялікай Айчыннай вайны. Першым подступам да, здавалася б, забытага ў Беларусі імя стала тэма, якую яшчэ падчас вайны вёў у Акадэміі навук Беларусі Цімафей Пятровіч Ломцеў (1906—1972) — беларускі і расійскі лінгвіст, доктар філалагічных навук (1944), прафесар (1934). Ён займаўся вывучэннем пытанняў агульнага мовазнаўства, фанетыкі, фаналогіі, марфалогіі і сінтаксісу рускай і беларускай моў. Нарадзіўся ён у Варонежскай вобл. (Расія), скончыў Варонежскі педагагічны інстытут (1929). З 1933 г. працаваў у Ін-це мовазнаўства АН Беларусі і адначасова выкладаў у БДУ (першы дэкан філалагічнага факультэта).

У 1945 г. у часопісе «Беларусь» былі апублікаваныя тры артыкулы прафесара Ломцева, прысвечаныя Скарыну. У першым і найбольш грунтоўным з гэтых артыкулаў — «Скарына, як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы» — адзначаецца, што *«беларуская мова, як жывая мова народа, да часу дзейнасці Скарыны, зусім сфармавалася. Яна ўжо мела ўсе тыя рысы, якімі характарызуецца цяпер; ёй уласціва было аканне, дзэканне і цэканне, цвёрдае р і з. д.»* [12, с. 7]. Аўтар параўноўвае Беларусь з Маскоўскай дзяржавай, дзе ў якасці літаратурнай мовы выступала стараславянская мова, і краінамі Заходняй Еўропы, у якіх пры панаванні лацінскай на аснове нацыянальных моваў народаў выпрацоўваюцца свае літаратурныя. Пры гэтым аўтар заўважае: *«Не прадстаўляе выключэння і Беларусь у гэтых адносінах. Але на тэрыторыі Беларусі моўныя адносіны былі больш складанымі. На Беларусі не было адзінай царквы, побач з праваслаўнай царквой існавала і каталіцкая, якая была дзяржаўнай. Духоўнае жыццё беларускага насельніцтва абслугоўвалася не адной якой-небудзь мовай. Для гэтай мэты ў праваслаўных епархіях ужывалася царкоўна-славянская мова, а ў каталіцкіх — лацінская і польская. ... У розных сферах пісьмовай дзейнасці ўжываліся розныя мовы: у граматах і актах ужывалася беларуская мова таго часу, у школах і царкве — або царкоўна-славянская, або польская і лацінская»* [12, с. 7]. На думку М. Ц. Ломцева: *«Гістарычная задача літаратурнага развіцця беларускай мовы ў пачатку XVI стагоддзя заключалася ў тым, каб распаўсюдзіць ужыванне беларускай мовы ва ўсе сферы пісьмовай дзейнасці»* [12, с. 8]. У артыкуле даецца пералік беларускіх фанетычных, марфалагічных і лексічных рыс у выданнях Ф. Скарыны. Паводле Ломцева, хоць колькасная перавага царкоўна-славянскіх элементаў у скарынаўскіх выданнях не дае падстаў лічыць мову яго кніг беларускай, але нацыянальная прыналежнасць мовы вызначаецца не па колькасці іншамовных элементаў, а па той ролі, якую мова адыгрывае ў грамадскай свядомасці і ў асвеце народа.

У артыкуле «Георгі Скарына — першы беларускі кнігавыдаўца» [10] Ц. М. Ломцеў зрабіў агульны агляд выданняў Ф. Скарыны, адзначыў іх асаблівасці ў параўнанні з папярэднімі славянскімі і заходне-еўрапейскімі

друкаванымі кнігамі. У артыкуле «Лёс кнігадрукавання на Беларусі пасля Скарыны» [11] раскрыў значэнне Ф. Скарыны для далейшага развіцця кнігадрукавання ў Беларусі.

Цікава тое, што ў той час, калі панавала версія, што сапраўдным імем Скарыны нібыта было імя «Георгій», Ломцеў нідзе яго так не называе, і ў тэкстах усіх трох артыкулаў ужываецца толькі найменне па прозвішчы — Скарына. Адзіны выпадак — загалавак другога з артыкулаў. Можна выказаць меркаванне, што гэта зрабіў не аўтар, а рэдактар.

Публікацыя дадзеных артыкулаў, безумоўна, паспрыяла ажыўленню інтарэсу грамадскасці да жыцця і дзейнасці беларускага першадрукара.

Да гэтага ж часу адносяцца першыя спробы адлюстраваць вобраз Скарыны ў буйных жанрах мастацкай літаратуры. У беларускай паэзіі гэты вобраз вядомы ўжо з пачатку стагоддзя (вершы М. Багдановіча, З. Бядулі, А. Дудара, Г. Брэсцкай і інш.), але час патрабаваў з'яўлення больш значных па аб'ёму мастацкіх твораў пра Скарыну ў жанры прозы і драматургіі.

У 1945 г. у часопісе «Беларусь», а ў 1946 г. у часопісе «Полымя» была апублікаваная драматычная паэма Міхася Клімковіча «Георгій Скарына», якая пазней выйшла ў кнізе «Драматычныя паэмы» (1947) [7] і ўключана ў першы том «Збору твораў» М. Клімковіча ў 2-х тамах (1959) [8]. *«Трылогія „Георгій Скарына“ малюе шырокую карціну жыцця XVI стагоддзя на працягу трыццаці год, прычым не толькі на тэрыторыі Беларусі, але і ў Літве, Польшчы, Чэхіі, Германіі, Італіі. Пісьменнік уводзіць чытача і ў купецкі дом, і ў карчму, і ў рыцарскі замак, і ў турэмную камеру. У трылогіі дзейнічаюць людзі розных класаў і нацыянальнасцей, рознага веку і характараў. Ставячы свайго галоўнага героя ў дачыненні да іх, Клімковіч усебакова малюе дзейнасць Георгія Скарыны — першага беларускага друкара і вучонага. ... Скарына Клімковіча — гэта перш за ўсё выдатны патрыёт, высока адораны і адукаваны чалавек, які ўсё сваё падзвіжніцкае жыццё аддае народу»,* — так характарызаваў твор Я. Зомерфельд ва ўступным артыкуле да «Збора твораў» [8, с. 7—8].

На жаль, спрашчаныя, не абгрунтаваныя фактамі тагачасныя ўяўленні пра эпоху Скарыны ў пэўнай меры пашкодзілі мастацкай праўдзівасці і гістарычнай пераканаўчасці твора. З мэтай стварыць народную драму, наблізіць яе да масавага гледача, аўтар увёў шмат прыгодніцкіх эпізодаў і гратэскавых вобразаў, за што, дарэчы, папракаў яго П. Броўка [7, с. 6]. Змрочнымі фарбамі аўтар маляваў засілле католікаў на Беларусі у XVI ст., перабольшваў матэрыялістычныя тэндэнцыі ў светапоглядзе Скарыны, нават збліжаючы яго з атэістамі. Падобную тэндэнцыю мы назіраем і ў іншых літаратурных творах і гістарычных даследаваннях савецкага часу, і Міхася Клімковіч проста не стаў выключэннем.

Пазней паводле скарочанага варыянта паэмы быў зроблены аднайменны радыёспектакль (рэж. М. Троіцкая, 1964), напісана опера «Францыск Скарына» (тэкст С. М. Клімковіч, кампазітар Д. Смольскі, 1980). У 1990 г. выйшла тэлевізійная версія гэтай оперы.

У 1946 г. з’явіўся бадай што самы вядомы літаратурны твор пра беларускага асветніка — гістарычны раман Міколы Садковіча і Яўгенія Львова пад назвай «Георгій Скарына» (аўтары прытрымліваліся пануючай у той час тэорыі, што сапраўднае імя Скарыны было Георгій, а імя Францішак ён прыняў, каб паступіць у Кракаўскі ўніверсітэт). Выйшаўшы спачатку на беларускай мове, першая частка рамана [14] выклікала разнастайныя і супярэчлівыя ацэнкі крытыкаў і чытачоў. Станоўча ацэньваючы сам факт з’яўлення кнігі, яны справядліва ўказвалі на шэраг недакладнасцяў, дапушчаных у ёй. У рамане была зроблена спроба, і даволі паспяхова, на шырокім гістарычным фоне намаляваць карціну жыцця беларускага народа ў XVI ст., паказаць складаны шлях Скарыны ад простага юнака з Полацка да вучонага і кнігавыдаўца, дзейнасць якога была накіравана на пашырэнне асветы сярод свайго народа. Але зноў жа недастатковасць біяграфічных звестак і нераспрацаванасць шматлікіх аспектаў скарыназнаўства прывялі да некаторых антыгістарычных сцвярджэнняў і аўтарскага вымыслу. Пры гэтым аўтары ігнаравалі нават добра вядомыя на той час факты, накіраваныя гарадскога самакіраўніцтва палачан на аснове магдэбургскага права, а экзамен у Падуі перанеслі з 1512 на 1515 г.

Але само з’яўленне рамана і дыскусіі вакол яго не маглі не выклікаць цікавасці да вобраза беларускага першадрукара. Дапісаны і дапрацаваны, ён неаднаразова перавыдаваўся, у 1951 г. быў уганараваны Дзяржаўнай прэміяй СССР, а пазней паслужыў асновай для сцэнарыя фільма «Я, Францыск Скарына...» (1970).

З іншых твораў, якія паказваюць Скарыну, можна было б узгадаць драму Язэпа Дылы «Падуанскі студэнт» (каля 1945), у якой аўтар паспрабаваў узнавіць важны ў духоўным развіцці Скарыны эпізод падуанскага студэнцкага жыцця ў таварыстве вучоных і мастакоў. На жаль, драма засталася незакончанай, апублікаваная яна была толькі ў 1981 г. у кнізе «Творы».

Звесткі пра Скарыну можна сустрэць і ў школьных падручніках таго часу. Так, раздзел пра яго быў уключаны ў падручнік «Родная краіна» [1, с. 123—125], складзены Алесяй Александровіч, сястрой паэта Андрэя Александровіча.

Але гэты ўсплёск працягваўся нядоўга. На працягу 1949—1952 гг. у Беларусі не было апублікавана ні аднаго артыкула, прысвечанага вялікаму асветніку. Зноў замаячыла пагроза абвінавачвання ў нацыяналізме кожнага, хто захацеў дакрануцца да гэтай напаўзабароненай тэмы. І толькі з другой

паловы 1950-х гг., ужо пасля смерці І. В. Сталіна, зноў пачынаецца ажыўленне. Характэрнай прыкметай гэтага перыяду стала фарміраванне ў скарыназнаўстве вузкасפעцыялізаваных школ, якія імкнуліся да дэталёвага і скрупулёзнага разгляду праблемы ў рамках асобных навуковых дысцыплін. Фарміруюцца лінгвістычная, гісторыка-культурная, філасофская, літаратуразнаўчая, кнігазнаўчая школы [13, с. 55—67]. Вядома, найбольшых поспехаў па ўсіх гэтых напрамках удалося дасягнуць ужо ў 1960—70-я гг., але асновы былі закладзены менавіта яшчэ ў 1950-я. Так, цэнтрам лінгвістычнай школы стаў Інстытут мовазнаўства Акадэміі навук БССР, якім на той час кіраваў Міхал Раманавіч Суднік. Менавіта ён у 1954 г. назваў сярод важнейшых задач беларускага савецкага мовазнаўства вывучэнне перакладаў Ф. Скарыны як помніка беларускай мовы. Сярод тых хто актыўна займаўся скарынаўскай тэмай, вядомыя беларускія мовазнаўцы У.В. Анічэнка і Л. М. Шакун.

Уладзімір Васільевіч Анічэнка (1924—2001) з 1955 г. працаваў у Ін-це мовазнаўства АН Беларусі, а пазней (з 1970 г.) у Гомельскім ун-це імя Ф. Скарыны. Найбольш значная праца Анічэнкі — «Слоўнік мовы Скарыны» ў 3 т. (1977—94) — першы ў гісторыі беларускай лексікаграфіі слоўнік мовы аднаго аўтара старажытнага перыяду. Таксама У.В. Анічэнка з’яўляецца аўтарам цыкла артыкулаў, прысвечаных вывучэнню мовы твораў Ф. Скарыны і першыя з іх з’яўляюцца ўжо ў разглядаемы намі перыяд [3].

Жыццё і дзейнасць прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна (1926—1996) звязана з БДУ (закончыў яго ў 1950 г., там жа з 1953 г. выкладаў). Даследаваў праблемы развіцця беларускай літаратурнай мовы, гісторыю беларускага мовазнаўства і словаўтварэння. У сваіх працах «Значэнне царкоўна-славянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы» (1958) і «Да пытання аб паняцці «старажытная беларуская літаратурная мова» (1960) паказаў значэнне Ф. Скарыны ў гісторыі беларускага пісьменства. Стаў таксама аўтарам вучэбных дапаможнікаў, такіх, як «Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1960) [19]. У апошнім змешчаны раздзелы «Мова выданняў Скарыны» і «Узнікненне кнігадрукавання на Беларусі і яго значэнне для развіцця старажытнай беларускай літаратурнай мовы», у якіх аўтар адзначыў неабгрунтаванасць меркавання, нібыта Ф. Скарына — пачынальнік беларускай літаратурнай мовы, бо яшчэ да яго беларуская мова шырока выкарыстоўвалася ў розных жанрах пісьменства (дзелавага, літаратурна-мастацкага). Падкрэсліваючы неаднароднасць мовы выданняў Ф. Скарыны адносна збліжэння яе з народнай гаворкай і кніжна-славянскімі стылямі, Л. М. Шакун звярнуў увагу на тое, што ва ўсіх скарынаўскіх выданнях шырока адлюстраваны асаблівасці лексікі, фанетычнай сістэмы і граматычнага ладу тагачаснай жывой гаворкі беларускага народа. Адзначыў

шырокае выкарыстанне Ф. Скарынам лексікі кніжнаславянскіх стыляў, фанетычнага і граматычнага царкоўнаславянізмаў, польскіх і чэшскіх слоў.

Пры гэтым Л. М. Шакун, як і іншыя даследчыкі таго часу, падкрэсліваў асветніцкую накіраванасць дзейнасці Скарыны пры выданні ім кніг Святога Пісання: *«Выдаючы біблейскія кнігі, Скарына менш за ўсё дбаў аб паширэнні царкоўна-дагматычнай літаратуры. Яго выданні паявіліся наперакор традыцыйным царкоўным устаноўкам і ставілі сваёй мэтай зрабіць біблейскія кнігі, якія ў тых часы з'яўляліся не толькі зборам рэлігійных правіл і канонаў, але і крыніцай ведаў, даступнымі для простага чалавека — „людемъ посполитымъ рускаго языка“»* [19, с. 84].

Другая скарызнаўчая школа, што сфарміравалася ў Беларусі ў 1950—1960 гг., рабіла акцэнт на гісторыка-культурных і светапоглядных аспектах. На яе першыя крокі вялікі ўплыў аказаў акадэмік АН Беларусі У. М. Перцаў. Вучаніца Перцава Валянціна Уладзіміраўна Чапко (1925—2004) абараніла ў 1953 г. першую ў БССР дысертацыю, прысвечаную Скарыну — «Грамадская і культурная дзейнасць Георгія Скарыны» (раней была доктарская дысертацыя Ігната Дварчаніна «Францішак Скарына як культурны дзеяч і гуманіст на беларускай ніве», абароненая ў 1925 г. у Празе). А таксама Валянціна Чапко стала аўтарам навукова-папулярнай брашуры «Беларускі першадрукар Георгій Скарына» аб беларускім асветніку, выпушчанай у 1956 г. [18]. З 1953 г. яна працавала у Ін-це гісторыі АН Беларусі, пазней у Мінскім педінстытуце (з 1972 г.), у БДУ (з 1978 г.), даследавала пытанні сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі. Аўтар работ пра грамадскую, выдавецкую, перакладчыцкую дзейнасць Ф. Скарыны, яго сацыяльна-палітычныя і філасофскія погляды. Яе артыкул ёсць і ў зборніку «450 год беларускага кнігадрукавання» (1967).

Літаратуразнаўчую школу прадстаўляюць такія вядомыя даследчыкі, як А. Ф. Коршунаў, У. А. Калеснік, С. Х. Александровіч. Пазней эстафету падхопяць В. І. Дарашкевіч, А. А. Лойка, А. В. Мальдзіс, М. І. Прашковіч, В. А. Чамярыцкі.

Асноўныя працы Сцяпана Хусейнавіча Александровіча (1921—1986) — крытыка, літаратуразнаўцы і празаіка — прысвечаны даследаванню шляхоў развіцця і фарміравання беларускай дакастрычніцкай літаратуры, яе ўзаемасувязей з іншымі славянскімі літаратурамі, а таксама гісторыі беларускага кнігадрукавання і перыядычнага друку. Сярод выданняў 1950-х гадоў у нашай калекцыі ёсць яго кніга «Старонкі братняй дружбы. Артыкулы пра літаратурныя сувязі» (1960). Найбольш ў ёй цікавы артыкул «Недакладнасць ці застарэлыя погляды», у якім аўтар узнімае пытанне аб неабходнасці крытычных адносін да застарэлых поглядаў на гісторыю і літаратуру беларускага народа.

У прыватнасці, аўтар выказвае крытычныя заўвагі да кнігі К. Осіпава «Рускі першадрукар Іван Фёдараў» (Масква, 1955), які хоць і спрабуе даць звесткі пра беларускага першадрукара, але ў іх «многа памылковага і недакладнага». Звесткі пра беларускага першадрукара ў кнізе К. Осіпава — гэта «паўтарэнне застарэлых афіцыйных поглядаў буржуазнага літаратуразнаўства, якое адмаўляла існаванне беларускага народа, яго мовы і літаратуры» [2, с. 137—138].

Недакладнасці ён знаходзіць і ў наогул «грунтоўным і цікавым» даследаванні А. Сідарава «Старажытнаруская кніжная гравюра» (Выд. АН СССР, 1951). А. Сідараў у сваёй манаграфіі зрэдку ўспамінае працу Скарыны і нават прызнае, што ў кнігах І. Фёдарова ёсць асобныя гравюры і ініцыялы, падобныя да скарынінскіх, але адначасова ён сцвярджае, што «ў XVI стагоддзі „масквіцін“ Іван Фёдараў прынёс брацкім народам — беларусам і ўкраінцам — кнігадрукаванне і гравюру» [2, с. 140].

Раздзелы, прысвечаныя Скарыну, мы сустракаем у «Нарысах па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізма» В. Вольскага (1958) [5], у падручніку «Беларуская літаратура: Старажытны перыяд» М. Дабрыніна (1952) [6], узгадваецца яго імя ў кнізе «На шляхах да рэалізма» М. Г. Ларчанкі (1958). Апошні зазначаў: «Вялікае гістарычнае значэнне Георгія Скарыны ў працэсе фарміравання беларускай літаратурнай мовы і разам з тым беларускай літаратуры заключаецца і ў тым, што ў сваіх шматлікіх прадмовах і пасляслоўях да выдадзеных ім кніг „Бібліі“ — гэтых вельмі арыгінальных творах — ён у 10—20-х гадах XVI стагоддзя, калі ўсюды яшчэ панавала сярэдневяковая схаластыка, ставіў пытанне аб набліжэнні кніжнага, літаратурнага слова да жыцця простага народа, да запатрабаванняў цёмных, непісьменных і абяздоленых мас. Кніга, кніжнае літаратурнае слова, на думку Скарыны, павінны несці асветную функцыю; яны павінны садзейнічаць пашырэнню ведаў сярод простага народа... Усё гэта ў творчай дзейнасці беларускага першадрукара, доктара навук з’яўлялася моцным і глыбока прагрэсіўным бокам. І не віна, а бяда яго заключалася ў тым, што ён, адлюстроўваючы ў сваім ідэалістычным светапоглядзе абмежаванасць сваёй эпохі, вымушан быў шукаць „мудрасць і навуку“ толькі ў кнігах „Бібліі“. У гэтым праявілася абмежаванасць вялікага чалавека і слабы бок яго поглядаў, якія не змяняюць вялікага гістарычнага значэння Г. Скарыны ў справе фармавання старажытнай беларускай літаратуры і літаратурнай мовы» [9, с. 44—45].

Стараннямі літаратуразнаўцаў імя Францыска Скарыны было ўнесена на старонкі гісторыі беларускай дакастрычніцкай літаратуры, стала магчымым гаварыць пра Скарыну як пра пісьменніка і як пра аднаго з першых усходнеславянскіх паэтаў.

Такім чынам, азначаны перыяд (другая палова 1940—1950-я гг.) мелі важнае значэнне ў развіцці скарыназнаўства. Хоць на дадзены прамежак

часу не прыпадаюць юбілейныя даты, звязаныя з жыццём і дзейнасцю Скарыны, найбольш значнымі спрыяльнымі фактарамі аказаліся перамога ў Вялікай Айчыннай вайне і звязаны з гэтым уздым патрыятызму і смерць Сталіна і крах яго культы. Менавіта ў 1950-я гады былі закладзены асноўныя навуковыя напрамкі вывучэння спадчыны Ф. Скарыны, якія затым плённа развіваліся на працягу другой паловы XX ст. і працягваюцца ў XXI-м.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Александровіч А. Родная краіна: кніга для чытання ў IV класе пачатковай школы / Алеся Александровіч; рэд. С. К. Майхровіч.— выд. 3-е, выпр.— Мінск: Дзяржаўнае Выдавецтва БССР, 1947.— 330 с. НПГКМЗ КП8-4344/12
2. Александровіч, С. Старонкі братняй дружбы: артыкулы пра літаратурныя сувязі / Сцяпан Александровіч.— Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1960.— 220 с. НПГКМЗ КП7-3720/333
3. Анічэнка, У. В. Назіранні над формамі імперфекта ў старажытнай беларускай пісьменнасці / У. В. Анічэнка // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР.— Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1960.— Вып. VII.— С. 188—197. НПГКМЗ КП7-3720/251
4. Беларускія пісьменнікі: біябібліягр. слоўн.: у 6 т. / пад рэд. А. В. Мальдзіса; рэдкал.: І. Э. Багдановіч і інш.— Мінск: БелЭн, 1992—1995.
5. Вольскі, В. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізма / В. Вольскі.— Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР, 1958.— С. 83—94. НПГКМЗ КП7-3720/271
6. Дабрынін М. Беларуская літаратура: старажытны перыяд.— Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1952.— С. 139—146. НПГКМЗ КП7-3720/288
7. Клімковіч, М. Драматычныя паэмы / Міхась Клімковіч.— Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1947.— 334 с. НПГКМЗ КП21-28845
8. Клімковіч М. Збор твораў / Міхась Клімковіч.— Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959.— Т. I. Вершы. Драматычныя паэмы. Лібрэта.— 578 с. НПГКМЗ КП7-3720/375
9. Ларчанка, М. Г. На шляхах да рэалізма / М. Г. Ларчанка.— Мінск: Выдавецтва Белдзяржуніверсітэта імя Ул. І. Леніна, 1958.— 240 с. НПГКМЗ КП7-3720/267
10. Ломцеў Ц. Георгі Скарына — першы беларускі кнігавыдаўца / Ц. Ломцеў // Беларусь.— 1945.— № 6.— С. 13—16.
11. Ломцеў, Ц. Лёс кнігадрукавання на Беларусі пасля Скарыны / Ц. Ломцеў // Беларусь.— 1945.— № 7—8.— С. 17—19.
12. Ломцеў Ц. Скарына, як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы / Ц. Ломцеў // Беларусь.— 1945.— № 3.— С. 7—13.

13. Немировский, Е. Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е. Л. Немировский.— Минск: Маст. літ., 1990.— С. 55—67.
14. Садковіч М, Львоў Я. Георгій Скарына: кніга першая / М. Садковіч, Я. Львоў; пер. з рус. М. Клімковіч.— Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1946.— 132 с. НППГКМЗ КП19-23953
15. Садкович М. Георгий Скорина: исторический роман / М. Садкович; ред. М. Климкович.— Минск: Издательство Академии наук БССР, 1951.— 440 с. НППГКМЗ КП6-2885
16. Францыск Скарына: энцыклапедыя / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.].— Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2017.— 568 с.
17. Францыск Скарына і яго час: энцыкл. давед. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелСЭ, 1088.— 608.
18. Чапко В. Беларускі першадрукар Георгій Скарына / В. Чапко.— Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1956.— 40 с. НППГКМЗ КП6-2889
19. Шакун Л. Нарысы па гісторыі беларускай літаратурнай мовы: дапам. для студэнтаў філалагічных факультэтаў ВНУ / Л. Шакун.— Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР, 1960.— 224 с. НППГКМЗ КП7-3720/238

УДК 273-051(476.5-21)

ЗАВЯШЧАННЕ ПОЛАЦКАГА АРХІЕПІСКАПА АНТОНІЯ СЯЛЯВЫ ЯК ПРЫКЛАД РЭЛІГІЙНАЙ КУЛЬТУРЫ ГРАМАДСТВА РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

Воднева І. П.

загадчык Краязнаўчага музея — філіяла НППГКМЗ

Сярод гісторыка-юрыдычных дакументаў вялікую цікавасць заўсёды ўяўлялі завяшчанні. Іх складальнікамі маглі выступаць асобы, якія валодалі рухомай і нерухомай маёмасцю і мелі магчымасць пасля сваёй смерці размяркоўваць яе па сваім жаданні. Сярод завяшчальнікаў выступалі як людзі, што займалі самыя высокія ступені ў дзяржаўнай ці царкоўнай іерархіі, так і простыя мяшчане. Жыхары Полаччыны таксама складалі тэстаменты (у перакладзе з лацінскай — «завяшчанне»). Тэксты такіх дакументаў у XVI—XVIII стст. звычайна ўключаліся ў магістрацкія кнігі і з цягам часу траплялі ў дзяржаўныя архівы. Так, тэстамент полацкага архіепіскапа Антонія Сялявы

апынуўся сярод дакументаў Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актаў. У 1871 г. па ініцыятыве галоўнага архіварыгуса А. М. Сазонава архіў распачаў серыю выданняў пад назвай «Гісторыка-юрыдычныя матэрыялы, узятыя з актавых кніг Віцебскай і Магілёўскай губерняў». У 2-гі выпуск увайшлі запісы 1683—1684 гг. з актавых кніг Полацкага земскага суда.

Акрамя Віцебскага архіва, тэкст тэстамента Антонія Сялявы трапіў і ў магістрацкія кнігі г. Тыкоціна (сучасная тэрыторыя Беластоцкага ваяводства ў Польшчы). У XIX ст. тыкоцінскія дакументы апынуліся ў Санкт-Пецярбургу і былі змешчаны ў спецыяльны фонд РДГА «Канцылярыя мітрапаліта грэка-ўніяцкіх цэркваў у Расіі» [1].

Цікавасць тэстамента полацкага архіепіскапа ў тым, што ён утрымлівае шмат каштоўнай інфармацыі пра маёмасць святара, яго сваякоў, якія жылі ў Полацку, убранства некаторых беларускіх храмаў, асаблівасці грамадскага быту часоў РП, а таксама сведчыць пра асобныя рысы характару аднаго з выбітных дзеячаў уніяцкай царквы на Беларусі, асабліва гэта датычыцца яго перадсмяротных распараджэнняў.

Імя Антонія Сялявы добра вядома сярод святароў XVII ст. Ён нарадзіўся ў 1583 г. у Полацку ў шляхецкай сям’і. У 1612 г. стаў членам ордэна базыліян. У Вільні ў Свята-Троіцкім манастыры Антоній, у той час яшчэ Анастасій, жыў у келлі разам з Язафатам Кунцэвічам, якога і змяніў пазней на полацкай кафедры [2]. З 1615 па 1617 г. ён вывучаў тэалогію ў Грэчаскім калегіюме ў Рыме. Пасля вяртання прыняў сан святара, а ў 1622 г. стаў архімандрытам (ігуменам) Віленскага Свята-Троіцкага манастыра. Восенню 1623 г. пасля забойства Язафата Кунцэвіча Антоній Сялява ў 40 год быў прызначаны на яго месца. Узначаліўшы полацкую кафедру, Сялява шмат зрабіў для ўшанавання памяці аб сваім папярэдніку. Разам з мітрапалітам Кіеўскім Іосіфам Руцкім Сялява стаў ініцыятарам беатыфікацыі Язафата Кунцэвіча. У 1625 г. ён склаў жыцццяпіс блажэннага Язафата. У 1628 г. узначаліў камісію па даследаванні жыцця, дзейнасці, смерці Язафата Кунцэвіча і цудаў, звязаных з яго апякунствам [3]. У 40—50-я гг. XVII ст. падчас войнаў паміж Рэччу Пасалітай і Маскоўскай дзяржавай Сялява неаднаразова вывозіў святыя астанкі з Полацка, каб захаваць іх ад разрабавання. Айцец Антоній, прыняўшы ў 1641 г. сан мітрапаліта Кіеўскага, захаваў пры гэтым і полацкую епіскапію. Будучы актыўным і рэўнасным царкоўным дзеячам, на працягу свайго жыцця ён неаднаразова звяртаўся да Ватыкана з прапановамі на ўтрыманне ўніяцкай царквы і аўтарытэта яе мітрапалітаў. Ён праводзіў актыўныя перамовы і з праваслаўнымі аб царкоўным аб’яднанні ўсёй Беларусі і Украіны і стварэнні агульнага патрыярхату. З-за цяжкага палітычнага становішча Антоній Сялява быў вымушаны пераязджаць з месца на мес-

ца, пры гэтым заўсёды памятаючы пра сваіх вернікаў. Шмат намаганняў ёй прыклаў і для развіцця духоўнай адукацыі сярод уніятаў. Ён стаў заснавальнікам жаночага базыльянскага манастыра ў Мінску, пры якім пазней была адкрытая духоўная семінарыя. Пасля таго, як у 1655 г. рускія войскі перайшлі дзяржаўную мяжу, Антоній Сялява апынуўся каля Супрасля ў мястэчку Тыкоцін, дзе і памёр.

Згодна з асобнымі артыкуламі Статута Вялікага Княства Літоўскага, які ў XVI—XIX стст. з’яўляўся галоўным законам краіны, завяшчанне складалася ў судзе або дома ў прысутнасці трох сведкаў. Завяшчальнік павінен быць дзеяздольным і мець права на свабоду думкі. Сам тэкст мог быць напісаны або рукою завяшчальніка, або пад яго гаворку, але пры гэтым мець уласныя подпісы завяшчальніка і сведкаў. Тэстамент Антонія Сялявы пасля яго смерці быў прызнаны правамоцным, паколькі адпавядаў усім вышэйзгаданым патрабаванням. У першых радках тэстаменту было сказана, што завяшчальнік «страдая по допущению божию около четырёх лет в тяжёлой болезни в колтуне ниспосланный за грехи мои и чувствуя крайнее ослабление во всех членах тела и во всех чувствах моих», таму зразумела, што завяшчанне было запісана не самім Антоніем Сялявам, а з яго слоў полацкім гарадскім пісарам Фамой Герцыкам у прысутнасці полацкіх земскага і гарадскога суддзяў [4]. Дакумент быў завераны подпісамі і пячаткамі.

Тэкст тэстаменту, запісаны на польскай мове, быў даволі вялікі і складаў 8 асобных аркушаў. Схематычна завяшчанне можна падзяліць на некалькі ўмоўных частак: уступ, які ўтрымліваў звесткі пра завяшчальніка, яго душэўны і фізічны стан; асноўную частку, у якой ішло размеркаванне рухомай маёмасці завяшчальніка (грошай, каштоўнага посуду, царкоўнага адзення, кніг і інш.); заключную частку, дзе аўтар завяшчання прасіў прабачэння і вызначаў сваіх душапрыказчыкаў.

Жыццё архіепіскапа Полацкага, мітрапаліта Кіеўскага, Галіцкага і ўсяе Русі Антонія Сялявы было звязана з многімі храмам і манастырамі. Зразумела, што ў сваім завяшчанні ён успомніў пра самыя блізкія і дарагія сэрцу мясціны. Найбольшую ўвагу заслужыў жаночы базыльянскі Свята-Духаўскі манастыр, заснаваны Антоніем Сялявам у 1641 г. Пасля сваёй смерці ён перадаваў манастыру даволі значную частку сваіх грошай. Так, па двух векселях на імя віленскага яўрэя Лазара Маісеевіча на 30 тыс. польскіх злотых манашкам-базыльянкам з Мінска прызначалася 20 тыс. на ўтрыманне 10 дзяўчат, з якіх 6 будуць з родных айца Антонія, а 4 — староннія збяднелыя шляхцяні або мяшчанкі. Манастыру перадавалася і лацінская бібліятэка, якую полацкі архіепіскап збіраў на працягу ўсяго жыцця. Мінскі манастыр полацкі архіепіскап абраў і месцам свайго

пахавання. На гэта ён выдзеліў 2 тыс. злотых, якія захоўваліся ў ігуменні манастыра. Агульная сума, якая захоўвалася ў Мінску, складала 7 тыс. польскіх злотых. Большая частка гэтай сумы падзялялася сярод віленскіх і мінскіх храмаў, дзе павінны былі адслужыць 40 памінальных малебнаў і на працягу тыдня павінны былі гучаць званы. У Вільні па 100 грошаў атрымалі базыльяне, бернардзіны, дамініканы, кармеліты босыя, езуцы, францысканцы і іншыя прадстаўнікі манаскіх ордэнаў. Частка з гэтай сумы пераходзіла віленскім і мінскім багадзельням для раздачы збяднелым людзям. Апошнюю частку сумы атрымала прыслуга мітрапаліта. Асабліва Антоній Сялява адзначыў свайго пакаёвага слугу Ходзьку — «за верную службу яго, во время тяжелой болезни моей и за всё время службы его означены получить 300 злотых» [3].

Частку сваёй маёмасці Антоній Сялява завяшчаў і Полацку. Яго асобны клопат быў аб мошчах забітага ў Віцебску святога пакутніка Язафата Кунцэвіча, якія былі ўкладзены ў спецыяльную крыпту ў кафедральным Сафійскім саборы ў студзені 1624 г. [5]. Да гэтага часу некалькі месяцаў цела полацкага епіскапа знаходзілася ў царкве Святога Спаса каля рыначнай плошчы. Падчас ускрыцця цела ў 1628 і 1637 гг. астанкі перааблачаліся. У 1646—1650 гг. на грошы літоўскага падканцлера Казіміра Льва Сапегі (1609—1656), для якога бласлаўлены Язафат стаў патронам роду, гданьскім ювелірам быў зроблены срэбны саркафаг, аздоблены 4-ма фігуркамі анёлаў (ножкі), 4-ма рэльефнымі сцэнамі пакутаў (па баках) і выявай Язафата Кунцэвіча ў архіепіскапскім арнаце з сякерай у галаве. Труна коштам 35 тыс. срэбных талераў была змешчана ў полацкай Сафіі на алтары каля правага слупа. Антоній Сялява пасля сваёй смерці з сумы ў 30 тысяч польскіх злотых, выдадзенай віленскаму яўрэю Лазару Маісеевічу пад працэнты, завяшчаў царкве Святой Сафіі 10 тысяч польскіх злотых на ўтрыманне «4-х особенных пресвитеров, ... которые обязаны, находясь при сей церкви, у гробницы блаженного мученика Иосифата ... ежедневно в восемь часов пред полуднем отправлять заупокойную службу во спасение души моей, да сверх того по окончании каждой службы ежедневно петь молебны Пресвятой Деве и блаженному мученику» [3]. Пры гэтым архіепіскап звяртаў увагу і на адукацыю святароў: «Священники должны быть избраны не простые неучи, но люди обучающие наукам, которые могли быть по крайней мере достойными и способными исповедниками, получившими воспитание у отцов Иезуитов в здешнем полоцком коллегиуме». Антоній Сялява адзначаў, што з 4-х святароў адзін павінен быць настолькі добра адукаваным, каб мог весці святочныя службы ў саборнай царкве, за што павінен атрымліваць падвоеную плату ў 400 злотых.

Каб пакінуць пра сябе добрую памяць, мітрапаліт Кіеўскі завяшчаў таксама для ўпрыгажэння алтара Прасвятой Дзевы ў полацкім храме каля труны блажэннага Язафата пару срэбных падсвечнікаў, 8 персідкіх і 2 дывайскія дываны. У кафедральным саборы знаходзілася і архірэйская рызніца, у якой па волі завяшчальніка павінны былі застацца срэбны таз з рукамыем з надчаканенымі пазалочанымі ўзорамі, зробленымі па асабістым загадзе Антонія Сялявы, а таксама частка ўбораў полацкага архіепіскапа. Гэта: тры сакасы (верхняе аддзенне епіскапа) з белага атласу з залатым шыццём і перлінамі, з фіялетавай і попельнай парчы, дзве рызы (верхняе аддзенне ў выглядзе накідкі з адтулінай для галавы) з парчы блакітнага і чырвонага колераў. Паслядоўнікам Антонія Сялявы заставаліся і ўсе коні і экіпажы мітрапаліта.

Сярод спадчыннікаў Антонія Сялявы быў і Жыровіцкі ўніяцкі манастыр, якому пераходзіла шмат каштоўнага срэбнага з пазалотай посуду — кубкі, спод, падсвечнікі, фляжкі, лыжкі і інш. Антоній Сялява загадваў з іх адліць у лепшых віленскіх ювеліраў два вялікія падсвечнікі, якія павінны быць пастаўлены каля абраза Прасвятой Дзевы Жыровіцкай, дзе адзін раз на тыдзень павінны праходзіць памінальны малебен і паніхіда ў гонар архімандрыта. Да гэтага абраза павінна быць зроблена і залатая таблічка з выявай Жыровіцкай Прасвятой Дзевы, немаўляці і завяшчальніка. Дошку трэба адліць з залатых крыжоў з ланцугамі агульнай вагой 150 чырвонцаў (1 чырвонец прыблізна роўны 3,5 грамаў, 150 чырвонцаў — гэта 525 грамаў). Для ўпрыгажэння алтара Жыровіцкай царквы перадаваліся і ўсе індыйскія дываны, а таксама самы каштоўны белы сакас з амафонам, поручамі, эпітрахілем і паліцай з шаўковай тафты і багатым залатым шыццём.

Спадчыннікамі Антонія Сялявы сталі і яго сваякі. Сярод сваіх душапрыказчыкаў ён называў роднага брата Фаму Сяляву. З сумы 10 400 польскіх золотых, векселеўтрымальнікам якіх быў падваявода віленскі Стэфан Бяльковіч, 3 тысячы золотых павінны былі адысці сынам Фамы Сялявы — Фёдару, Данілу, Івану; па 2 тысячы — дачцэ Фамы Гальшцы, роднай пляменніцы Тэрэсе Дубянецкай, якая знаходзілася ў полацкім жаночым манастыры прасвятой Сафіі, і ўнучкам-сіротам памерлага шурына Віслауха; 1 тысяча перадавалася роднаму брату Івану Аляксандравічу Сяляву і яго жонцы. З грошай, якія знаходзіліся на захаванні ў мінскім жаночым манастыры, 1 тысячу золотых атрымала яшчэ адна пляменніца Антонія Сялявы — бедная ўдава Кацярына Дубянецкая-Віслаухава.

Сярод сваякоў мы сустракаем і Эмануіла Кантакузена, які атрымаў пасля смерці айца Антонія два срэбныя кубкі з асабістым гербам Антонія Сялявы, а яго жонка, родная сястра Антонія — 1 срэбную каструль-

ку. Э. Кантакузен пераехаў у Полацк яшчэ пры жыцці Язафата Кунцэвіча. Ён па паходжанні быў грэк, займаў пасаду епіскапскага эканома і быў разам з Язафатам падчас трагічных падзей 1623 г. у Віцебску. Верагодна, што ў наступныя гады ён становіцца сваяком Антонія Сялявы, узяўшы шлюб з яго роднай сястрой. У дакументах захаваліся звесткі, што Э. Кантакузен кіраваў царкоўным хорам [4, с. 161]. Два срэбныя кубкі без пазалоты атрымаў яшчэ і родны брат Антонія Сялявы — Фама. Нашчадкам мітрапаліта дасталася і частка царкоўнага начыння — мітрапаліцкія крыжы, мітры (галаўныя ўборы), упрыгожаныя перлінамі і каштоўнымі камянямі, амафоры, паліцы і інш.

Апошнія радкі завяшчання ўтрымлівалі тэкст пра даўжнікоў мітрапаліта. Так, 50 тыс. польскіх злотых за прададзеныя раней ваяводу Віленскаму Хрыстафору Хадкевічу мітрапаліцкія землі Іосіфа Руцкага былі пакінуты «в совершенной целосности на руках его милости г. Георгия Богуслава Слушкі, надворного подскарбия Великого Княжества Литовского, который обязался уплатить капитал се текущего года в день Богоявления Господня по старому стилю» пераемніку Антонія Сялявы [3]. Гэтая справа павінна была быць дагледжана душапрыказчыкамі завяшчальніка. Ім жа давяралася і «внимательно распросить мою домашнюю прислугу, крепосных и всех прочих, с кем при жизни моей имел какие либо сделки, если с кого что не справедливо, или приказал несправедливо арестовал движимость, — из личных денег в шкатулке моей по моей смерти каждому отдали и по справедливости наградили, так чтобы на совести моей ничего не осталось». Выканаўцамі завяшчання Антоній Сялява назначаў трох святароў (Андрэя Квашніцкага-Залатога, архіепіскапа Смаленскага і Чарнігаўскага, Гаўрылу Календу, архімандрыта Беразвіцкага, Мікалая Корсака, архімандрыта Полацкага) і двух сваякоў (шурына Эмануіла Кантакузіна і роднага брата Фаму Сяляву) [3].

Складзенае ў Полацку завяшчанне ўступіла ў сілу праз чатыры гады, у 1655 г., калі памёр архімандрыт Антоній Сялява. З цягам часу яго астанкі былі перанесены ў Супрасальскі манастыр у гонар Дабравешчання Прасвятой Дзевы Марыі, дзе захоўваюцца і зараз [2].

Акрамя пісьмовых дакументаў, пра знакамітага палачаніна сёння нагадваюць і іншыя рэчавыя помнікі. У фондах НППГКМЗ захоўваецца геральдычная кафля роду Сяляваў, вырабленая полацкімі майстрамі. Дадзены від кафлі быў вельмі распаўсюджаны з канца XVI да пачатку XVIII ст. і вырабляўся па загаду заможнай часткі полацкай шляхты, а таксама прадстаўнікамі буйных княскіх родаў. Адзін з прадметаў (КП 006462) (мал. 1) быў знойдзены Н. І. Здановіч у развале печы падчас раскопак каля дзіцячай мастацкай школы (быў яшчэ 1 прадмет ў шурфе каля лютэранскай кірхі).

Мал. 1. Геральдычная кафля роду Сяляваў, раскопкі Н. Здановіч у 2001 г.

Мал. 2. Сцэнавая кафля з выявай манаграмы Антонія Сялявы, раскопкі С. Тарасава і М. Клімава ў 1995 г.

Па кутах прамавугольнай пласціны бачны літары ISCP [6]. Па аналогіі з рэчамі, знойдзенымі разам, кафля папярэдне датавалася першай паловай — сярэдзінай XVII ст. Літары I і S азначаюць Іан Сіелава (так звалі полацкага падчашага, які ўзгадваецца ў 1647 г.; гэта родны брат Антонія, які ўзгадваецца і ў тэстаменце полацкага архіепіскапа). Цікавай знаходкай археалагічнага сезону 2009 г. стала знойдзеная каля былой царквы Св. Георгія на Экіманскім пасадзе кафля з манаграмай (лацінскія літары A і S, змешчаныя ў полі вянка) Антонія Сялявы [7, с. 96]. Рэзідэнцыя полацкага архіепіскапа знаходзілася на Верхнім замку, але ў 1646 г. ён прызначыў настояцелем экіманскага храма Васілія Нікіфаровіча, і кафля з манаграмай магла быць укладзена ў адну з печаў у пакоях настояцеля храма. Фрагменты аналагічнай кафлі былі знойдзены і на тэрыторыі Верхняга замка падчас археалагічных раскопак М. Клімава і С. Тарасава ў 1995 г. Дзякуючы рэстаўрацыйным работам вядучага навуковага супрацоўніка НПГКМЗ А. А. Салаўёва гэтыя фрагменты склеены і сёння экспануюцца ў Краязнаўчым музеі Полацка (КП 036673) (мал. 2). У фондах НПГКМЗ захоўваецца яшчэ адзін фрагмент (КП 028376) аналагічнай кафлі з манаграмай Антонія Сялявы, знойдзены ўжо на тэрыторыі Полацкага езуіцкага калегіума (корпус В).

Такім чынам, завяшчанне архіепіскапа Полацкага, мітрапаліта Кіеўскага і ўсяя Русі Антонія Сялявы з’яўляецца каштоўнай крыніцай па

гісторыі Полацка. Як помнік рэлігійнай культуры грамадства часоў РП, змест завяшчання ўтрымлівае шмат рэдкай і цікавай інфармацыі, якая захавалася толькі ў дадзеным дакуменце. Тэстамент вербальна ілюструе некаторыя рэчавыя пісьмовыя крыніцы па гісторыі Полацка XVII ст., якіх, на жаль, да нашага часу захавалася вельмі мала. Матэрыялы тэстаменту ўжо сёння выкарыстоўваюцца падчас агляднай і тэматычнай экскурсій, а кафля з выявай герба Антонія Сялявы стала часткай пастаяннай экспазіцыі Краязнаўчага музея Полацка і яскрава ілюструе адну з трагічна-насычаных старонак гісторыі старажытнага беларускага горада.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Архіў уніяцкіх мітрапалітаў: дакументы па гісторыі царквы ў Беларусі XV—XIX стст. у фондзе «Канцылярыя мітрапаліта грэка-уніяцкіх цэркваў у Расіі».— Мінск-Полацк: Сафія, 1999.
2. Антоній // Православная энциклопедия [Электронны рэсурс].— 2017.— Рэжым доступу: http://www.pravenc.ru/text/Антоній_Сялявы.html.— Дата доступу: 29.12.2017.
3. Явка духовного завещания митрополита Селявы // Историко-юридические материалы.— Витебск: тип. Губ. правл., 1871.— Вып. 2.— 382 с. // AdVerbum.org [Электронны рэсурс].— 2017.— Рэжым доступу: <http://adverbum.org/s-ijum2.htm>.— Дата доступу: 29.12.2017.
4. Пануцэвіч, В. Сьвяты Язафат, архіепіскап полацкі / Вацлаў Пануцэвіч.— Полацк: Сафія, 2000.— 274 с.
5. Хадыка, А. Сьвяты Язафат Кунцэвіч: складанне культу і іканаграфіі ў Беларусі / А. Хадыка // Наша Вера.— 2006.— № 2 (36).— [Электронны рэсурс].— 2017.— Рэжым доступу: <http://media.catholic.by/nv/n36/art6.htm>.— Дата доступу: 29.12.2017.
6. Дук, Д. Матэрыялы да геральдычнай карты месцазнаходжання двароў полацкай шляхты XVI—XVII ст. / Дзяніс Дук // Герольд Litherland: навуковы беларускі геральдычны часопіс.— Горадня.— 2002.— С. 84—89.
7. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук.— Наваполацк: ПДУ, 2010.— 180 с., [22] арк. іл.

НАРОДНАЯ ГАСПАДАРКА ПОЛАЦКА Ў 1960—1980-Х ГАДАХ

Гаўрылава С. В.

вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ

На перыяд з сярэдзіны 1960-х па сярэдзіну 1980-х гг. прыпадае чатыры пяцігодкі: 8-я (1966—1970 гг.), 9-я (1971—1975 гг.), 10-я (1976—1980 гг.) і 11-я (1981—1985 гг.). У кожнай з іх ставіліся свае задачы адпаведна палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў краіне, аднак агульная для ўсіх тэндэнцыя — выкананне і перавыкананне планаў і забеспячэнне росту па вызначаных паказчыках, павышэнне прадукцыйнасці працы і паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу.

Адміністрацыйная рэформа канца 1950-х гг., калі прадпрыемствы паступілі ў распараджэнне саўнаргасаў, была заменена гаспадарчай рэформай (так званая «Касыгінская»), пачатак якой паклаў вераснёўскі 1965 г. пленум ЦК КПСС. Рашэнні пленума, якія пачалі ажыццяўляць ужо ў пачатку наступнай пяцігодкі, вызначылі тры галоўныя накірункі рэформы: змяненне планавых паказчыкаў і справаздачнасці, пашырэнне гаспадарчай самастойнасці прадпрыемстваў і ўзмацненне матэрыяльнай зацікаўленасці рабочых у выніках іх працы. Колькасць планавых паказчыкаў для прадпрыемстваў знізілася з 30 да 9. Нягледзячы на вялікую самастойнасць прадпрыемстваў, колькасць міністэрстваў, якія планавалі аб'ём рэалізацыі прадукцыі, фонд зароботнай платы, наменклатуру вырабаў, суму прыбытку, рэнтабельнасць, у канцы 1960-х — 1970-я гг. толькі павялічвалася. Іх фармальны падыход разам з т.зв. «ведамаснасцю» прывялі да згасання рэформы. Сваю адмоўную ролю адыгралі і ўтвораны ў 1965 г. Дзяржкамтэт цэн і сфармаваны адначасова з ім Дзяржснаб, які дырэктыўна вызначаў пастаўшчыкоў і спажывальнікаў для прадпрыемстваў, звужаючы рамкі іх самастойнасці.

У 1970-х гг. па прычыне назапашаных праблем у развіцці народнай гаспадаркі ўсёй краіны быў абвешчаны пераход да інтэнсіўных шляхоў развіцця вытворчасці, аднак прыняты на 10 год курс на інтэнсіфікацыю не прынёс істотных змен. Многія прадпрыемствы працягвалі працаваць за кошт назапашанай яшчэ ў 1950—1960-х гг. вытворчай базы.

За гады правядзення так званай «хрушчоўскай індустрыялізацыі» (1955—1965 гг.) Полацк стаў буйным прамысловым цэнтрам рэспублікі, што значна паўплывала на яго сацыяльна-эканамічнае развіццё. Як вынік, восьмая пяцігодка (1966—1970 гг.) стала па ўсіх паказчыках лепшай як сярод мінулых, так

і наступных пяцігодак. «Такого обилия продуктов и товаров наша страна ещё не знала за все 50 лет Советской власти. Материальное и культурное состояние населения резко возросло, покупательная способность населения огромна... Так хорошо наш трудовой народ никогда не жил, как живёт теперь», — пісаў у той час полацкі настаўнік і краязнаўца І. П. Дэйніс [1, с. 260—261].

З пачаткам новай рэформы ў ліку першых прадпрыемстваў, якія былі пераведзены на новыя ўмовы гаспадарання, аказаліся завод шкловалакна, мясакамбінат, фабрыка мастацкіх вырабаў і піўзавод [3, с. 250]. Разам з тым у 1967 г. адбыўся пераход на 5-дзённы працоўны тыдзень [4].

Са з'яўленнем у 1963 г. горада Наваполацка і перадачай яму нафтаперапрацоўчага завода флагманам мясцовай прамысловасці стаў Полацкі завод шкловалакна. За высокія паказчыкі ў працы ў 1970 г. калектыву прадпрыемства было прысвоена імя Ленінскага камсамола Беларусі. За дасягнутыя поспехі калектыву завода быў узнагароджаны Юбілейным ганаровым знакам ЦК КПСС, Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР, Савета Міністраў СССР і ВЦСПС [3, с. 253]. У 1976 г. была пушчана трэцяя чарга завода: уведзены ў строй дзеючы корпус па вытворчасці шкловалакністых крамнезёмістых матэрыялаў, яшчэ праз 8 год — вытворчасць па выпрацоўцы бесперапыннага шкловалакна аднастадыйным спосабам [2, с. 707]. Прадукцыя завода пастаўлялася ў 11 краін свету. У верасні 1981 г. на базе прадпрыемства было створана вытворчае аб'яднанне «Шкловалакно». Гэта адно з узорных полацкіх прадпрыемстваў, кіраўніцтва якога было зацікаўлена ў стварэнні спрыяльных умоў працы рабочых. Адным з прыкладаў з'яўляецца арганізацыя на заводзе кругласутачнага харчавання, на аплату якога выдзяляліся датацыі з фонду прадпрыемства, што значна зніжала кошт абедару [4]. Завод (а затым і вытворчае аб'яднанне «Шкловалакно») меў ведамасны піянерскі лагер, базу адпачынку, дашкольныя ўстановы, палац культуры, басейн, Музей працоўнай славы.

Буйнымі прадпрыемствамі горада былі таксама Полацкі аўтарамонтны завод, узнагароджаны ў 1967 г. ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга, і Полацкі ліцейна-механічны завод (да 1967 г. — завод санітарна-тэхнічных вырабаў), які з 1975 г. з'яўляўся галоўным прадпрыемствам Полацкага ліцейна-механічнага вытворчага аб'яднання.

Дзякуючы планамернай механізацыі і аўтаматызацыі вытворчых працэсаў прамысловасць горада штогод павялічвала выпуск прадукцыі. Так, за 1961—1985 гг. вытворчасць запчастак узрасла больш чым у 44 разы, шкловалакна — больш чым у 11, швейных вырабаў — у 17 разоў [2, с. 697]. Шматлікім вырабам полацкіх прадпрыемстваў быў прысвоены дзяржаўны Знак якасці.

Па-ранейшаму вялікае значэнне ў вытворчай сферы надавалася грамадскім пачынанням, адной з асноўных формаў якіх былі сацыялістыч-

ных саборніцтвы. У 1970-х гг. на прадпрыемствах з'явіліся так званыя на-стаўнікі моладзі, шырока распаўсюдзіўся рух рацыяналізатараў і наватараў, ствараліся творчыя комплексныя брыгады, грамадскія канструктарскія і патэнтныя бюро, колькасць якіх за 10 год з 1975 г. павялічылася са 113 да 172 [3, с. 263]. Распрацоўкай парадаў і прапаноў па разнастайных пытаннях навукі, тэхнікі і эканомікі, удасканаленнем вытворчых агрэгатаў і працэ-саў займаліся навукова-тэхнічныя аб'яднанні. У горадзе працавалі школы перадавога вопыту і камуністычнай працы, якіх толькі ў 1985 г. налічвала-ся 375, а наведвала іх 5 тыс. слухачоў [3, с. 263]. Адначасова праводзілася атэстатыя і рацыяналізацыя працоўных месцаў; па выніках праведзенай у 1985 г. атэстатыі 38% іх не адпавядала тагачасным патрабаванням, 1,2% працоўных месцаў было намечана ліквідаваць [4].

З 1980 г. на прадпрыемствах горада пачала развівацца брыгадная фор-ма арганізацыі і стымулявання працы. Ужо к сярэдзіне года налічвалася 430 брыгад, якія аб'ядноўвалі каля 7 тыс. чалавек, а ў канцы 1985 г. — 1 110 бры-гад з 16 тыс. працоўных [3, с. 259].

Наяўнасць у горадзе значнай колькасці прадпрыемстваў вызнача-ла колькасць працоўных: у 1960 г. іх налічвалася 5 963, у 1975 г. — 10 425, у 1985 г. — 13 667 чалавек. На в/а «Шкловалакно» колькасць працаваўшых па-вялічылася ў 2,9 разы, на аўтарамзаводзе — больш як у 15 разоў. Колькасць інжынерна-тэхнічных работнікаў у разглядаемае дваццацігоддзе ўзрасла з 532 да 1 397 чалавек [3, с. 260]. Прамысловыя і інжынерна-тэхнічныя работ-нікі складалі значную частку жыхароў Полацка, колькасць якіх узрастала штогод: у 1965 г. — 53 тыс., у 1970 г. — 64 тыс., у 1979 г. — 72 тыс., у 1989 г. — 79,3 тыс. гараджан [2, с. 697]. Толькі за 1970-я гг. па выніках перапісаў 1970 і 1979 гг. колькасць палачан, што мелі вышэйшую і сярэдняю адукацыю, павялічылася больш чым у 2 разы [2, с. 697].

К канцу разглядаемага перыяду прамысловасць Полацка складала 20 прадпрыемстваў розных галін вытворчасці. У 1985 г. прадпрыемствы горада штодзень выпрацоўвалі прадукцыі больш чым на 900 млн. рублёў, выраблялі 250 штук цэглы, рамантавалі 120 рухавікоў, шылі 2,5 тыс. адзі-нак жаночага адзення і г.д. [2, с. 697]. Іх прадукцыя пастаўлялася ў ГДР, Чэхаславакію, Венгрыю, Румынію, Кубу, Манголію, Афганістан, Фінляндыю, Грэцыю, Іран, Пакістан, Індыю, Эфіопію і іншыя краіны.

Наладжванне сувязяў уплывала на развіццё транспартных камуніка-цый, у першую чаргу чыгуначных. У параўнанні з 1965 г. аб'ём грузапераво-зак чыгуначнага вузла ў 1985 г. павялічыўся амаль у 1,3 разы. Значна ўзрос пасажырапатока: калі ў 1963 г. было перавезена 214,7 тыс. пасажыраў, то ў 1985 г. — 713 тыс. [3, с. 273].

Штогод раслі аб'ёмы аўтамабільных і авіяперавозак. Паміж Полацкам і Мінскам, Полацкам і Масквой былі ўстаноўлены рэгулярныя авіярэісы, якія адбываліся двойчы ў суткі і мелі працягласць 50 хвілін [1, с. 253]. З павелічэннем аб'ёму жыллёвага будаўніцтва ў мікрараёнах аб'ядноўваліся на-яўныя і арганізаваліся новыя маршруты, павялічвалася колькасць аўтобу-саў на маршрутах, змяншаўся інтэрвал руху ў гадзіну-пік.

Клопат пра здароўе палачан быў адной з галоўных задач як кіраўнікоў мясцовых прадпрыемстваў, так і кіраўніцтва горада. На заводах абста-лёўваліся пакоі жаночай гігіены, санітарныя пакоі, пункты аховы здароўя, у гарадской паліклініцы праводзілася дыспансерызацыя і г. д. Пашыралася структура Полацкай гарадской бальніцы імя Леніна. У 1968—1971 гг. былі адкрыты псіханеўралогічны і фізкультурна-ўрачэбны дыспансеры (да 50-годдзя савецкай медыцыны), было скончана будаўніцтва анкалагічна-га і скурна-венералагічнага дыспансераў, паталагаанатамічнага корпу-са Полацкай гарадской бальніцы імя Леніна [4, 6]. У 1974 г. быў узведзены будынак чыгуначнай бальніцы, пабудавана дзіцячая паліклініка па вул. Леніна [4]. Усе медыцынскія ўстановы горада мелі ўласныя будынкі (акра-мя станцыі пералівання крыві, якая месцілася ў будынку паліклінікі) [4]. У канцы адзінацатай пяцігодкі медыцынскім абслугоўваннем палачан зай-малася 5 стацыянарных медустановаў на 1,5 тыс. ложкаў, шэраг паліклінік і дыспансераў, 5 аптэк, жаночая кансультацыя, дзіцячая малочная кухня. У іх працавала звыш 300 урачоў і 1 тыс. чалавек сярэдняга медперсоналу, праві-зараў, фармацэўтаў [3, с. 698].

Вялікую ўвагу ў справе падтрымання здароўя насельніцтва Полацка кіраўніцтва горада надавала развіццю фізкультуры і спорту: праводзілі-ся спартакіяды, дні здароўя, спартыўныя тыдні па летніх і зімовых відах спорту, па здачы нарматываў ГПА і інш. Распачатае на грамадскіх пачат-ках будаўніцтва гарадскога стадыёна за валам Івана Грознага праз два гады пачало фінансавацца з гарадскога бюджэту [1, с. 247], і ў 1969 г. палачане атрымалі спарткомплекс стадыёна на 5 000 гледачоў [6]. На 1985 г. у Полацку дзейнічала 2 стадыёны, 56 спартыўных пляцовак, больш за 20 спартыўных залаў, 8 футбольных палёў, 9 лыжных баз, басейн, зоны адпачынку, спар-тыўна-аздараўленчыя базы. Фізкультурныя калектывы горада выхавалі больш за 11 тыс. спартсменаў, у т. л. 20 майстроў і кандыдатаў у майстры спорту [2, с. 698].

Асабліва задача — арганізацыя аздараўлення і адпачынку школьнікаў у час летніх канікул як у горадзе, так і за горадам. Гэтую задачу вырашалі дзіцячыя аздараўляльныя пляцоўкі па месцы жыхарства, лагеры працы і адпачынку, брыгады па рамонту школ і атрады на прадпрыемствах горада,

піянерскія і школьныя лагеры, лагеры на базе калгасаў і саўгасаў, турыстычныя базы для прыёму іншагародніх турыстаў-школьнікаў на базе школ, клубы кінападарожнікаў і камсамольска-піянерскага актыву на базе кінатэатраў, Дамы піянераў, станцыі юных тэхнікаў, спартыўныя лагеры, лагеры юных тэхнікаў, юных сяброў Савецкай Арміі і г. д.

За чатыры пяцігодкі значна ўзрасла тэрыторыя Полацка. У гарадскую рысу былі ўключаны вёскі Слабада, Запалоцце, Тросніца. Працягвалася распачатая ў 1961 г. забудова мікрараёна Задзвінне-1, з 1968 г. пачалося будаўніцтва ў новым мікрараёне Задзвінне-2; абодва занялі плошчу 30 і 40 га адпаведна. К канцу 11-й пяцігодкі ў Полацку было 348 вуліц, завулкаў і плошчаў (на 50 больш, чым у 1961 г.) [3, с. 274].

Новы генеральны план развіцця Полацка быў складзены ў 1960-х і ўдакладнены ў 1970-я гг. У адпаведнасці з ім была практычна завершана рэканструкцыя цэнтральнай часткі горада. Плошча Свабоды і цэнтральныя вуліцы Гогаля, Камуністычная, праспект Карла Маркса былі забудаваны шматпавярховымі жылымі дамамі, адміністрацыйнымі будынкамі і будынкамі ўстаноў культуры і гандлю. Скончана будаўніцтва водаправода Ветрынская шаша — Шанягіна (у 1981 г.) [6], водаправода па вул. Някрасава — Лазо (у 1985 г.) [6]. Усяго з 1961 г. па 1986 г. працягласць ліній водаправода павялічылася на 110 км, каналізацыі — на 77,9 км [2, с. 698]. Працягвалася газіфікацыя жыллёвага фонду. У 1967 г. гарадская гасцініца была падключана да цеплацэнтралі і ў нумары праведзена гарачая вада [5]. З улікам вялікай мастацкай каштоўнасці твораў жывапісу ў карціннай галерэі і праводзімых аздабленчых работ у Сафійскім саборы, з мэтай іх захавання і падтрымання ў памяшканнях неабходнага тэмпературна-вільготнаснага рэжыму ў 1982 г. к Сафійскаму сабору і Богаяўленскай царкве ў якасці выключэння было падключана ацяпленне [6].

Рэканструкцыю старых і забудову новых мікрараёнаў вялі 9 будаўнічых і рамонтна-будаўнічых арганізацый: БУ-226 і БУ-121 трэста № 16 «Нафтабуд», ПМК-135 трэста «Полацксельбуд», ПМК-34 трэста «Полацкквадабуд» і інш. Асноўная частка жылой плошчы — больш за 300 тыс. кв. м — прыйшла на долю дзяржаўных прадпрыемстваў і арганізацый, жыллёва-будаўнічымі кааператывамі пабудавана больш за 87 тыс. кв. м. Працягвалася індывідуальнае будаўніцтва. У 1967 г. па вул. Кастрычніцкай быў пабудаваны новы аўтавакзал, універмаг. У 1969 г. пабудаваны «Дом быту», будынак фабрыкі бытавых паслуг [6]. У 1975 г. узведзены будынкі дзяржархіва па вул. Скарыны, райгарваенкамата па зав. Кастрычніцкаму, прынята ў эксплуатацыю Ветрынская шаша, мост праз Палату па вул. Фрунзэ [6]. У 1982 г. скончана будаўніцтва прыбудовы да гаркама КП Беларусі [6].

У 1965 г. у раёне Спас-Слабады была пабудавана магутная падстанцыя, якая дала магчымасць падключыць Полацк да так званага Беларускага энергетычнага кольца [1, с. 252]. Вялікіх энергетычных выдаткаў у 1970-х гг. патрабавалі ацяпляльныя сезоны, якія доўжыліся з кастрычніка (ці канца верасня) па красавік (і нават канец мая). Асабліва снежнымі былі зімы ў 1-й палове 1980-х гг.

У 1968 г. была ўведзена 5-лічбавая сістэма тэлефонных нумароў [1, с. 253]. У 1981 г. у мікрараёне вул. Марыненка была ўведзена АТС на 10 тыс. нумароў [6]. У 1985 г. тэлефонная сетка мела больш за 8 тыс. абанентаў. У тым жа годзе ў эксплуатацыю была ўведзена АТС-3 [3, с. 271]. На полацкіх вуліцах былі ўстаноўлены тэлефоны-аўтаматы, усе вуліцы горада былі радыёфікаваны [1, с. 253].

Пашырылася сетка гандлёвых прадпрыемстваў Полацка ў асноўным за кошт адкрыцця такіх буйных магазінаў, як універмаг (1967 г.) і магазін «Цэнтральны» (1968 г.). Каб палепшыць абслугоўванне пакупнікоў, магазіны «Светач», «Тканіны», «Турыст», «Гарызонт» і іншыя ў зімовы перыяд пераходзілі на іншы графік працы — з 10.00 да 19.00 [5].

Полацкі гарадскі камбінат бытавога абслугоўвання насельніцтва ў 1967 г. быў пераўтвораны ў фабрыку бытавых паслуг, у структуру якой уваходзіла 59 прадпрыемстваў: майстэрні і пункты па рамонту радыё- і электрапрыбораў, трыкатажных вырабаў, мэблі, цырульні, фотаатэлье, тэлеатэлье, швейныя майстэрні і г. д. Аб'ём рэалізацыі паслуг на душу насельніцтва ў 1985 г. у Полацку быў значна вышэйшы за агульнарэспубліканскі [2, с. 698].

Рост гарадскога насельніцтва, забудова і засяленне новых мікрараёнаў выклікалі павелічэнне колькасці школ: у 1971 г. была адкрыта СШ № 10, у 1975 г. — СШ № 14, у 1978 г. — СШ № 8 па вул. Марыненка, у 1979 г. — СШ № 11. У 1983 г. пабудаваны новы будынак СШ № 15 у мікрараёне Баравуха-3. У 1967 г. быў прыняты новы закон аб усеагульнай воінскай павіннасці і ў навучальных установах зноў з'явілася дапрызыўная падрыхтоўка [1, с. 260]. На 1 студзеня 1968 г. у Полацку было 13 школ, 22 садкі і яслі, 5 сярэдніх навучальных устаноў [1, с. 255—256]. Школы працавалі ў 2—3 змены [5]. Недахоп месцаў у дашкольных установах быў вельмі адчувальным: у 1984 г. на 8 тыс. дзяцей было 4 166 месцаў у садках і яслях, а пасля чарговай рэформы адукацыі, калі было ўведзена 11-гадовае навучанне з 6-гадовага ўзросту, для 50% дзяцей-шасцігодак не было месцаў у школе [4].

У 1984 / 1985 навучальным годзе ў Полацку працавала 17 агульнаадукацыйных школ (у т.л. школа-інтэрнат, 8-гадовая спецыяльная школа, 2 вячэрнія школы), у якіх працавала 916 педработнікаў, з іх 85 былі ўзнагароджаны медалямі і ордэнамі СССР і БССР, 6 заслужаных настаўнікаў БССР,

61 выдатнік асветы СССР і БССР [4]. У палітэхнікуме, трох прафтэхвучылішчах (№ 2 — электраманцёраў для сельскай гаспадаркі, № 66 — будаўнічае, № 13 — механізацыі сельскай гаспадаркі [1, с. 256]), лясным, кааператыўным і сельска-гаспадарчым тэхнікумах, медыцынскім і педагогічным вучылішчах навучалася больш за 4 800 чалавек. Адзіная ардэнаносная ўстанова адукацыі ў горадзе — Полацкае педагогічнае вучылішча імя Ф. Скарыны ў 1967 г. было ўзнагароджана ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга [1, с. 263].

У міжшкольным вучэбна-вытворчым камбінаце і СШ № 14 з вытворчым навучаннем вялася падрыхтоўка па 14 прафесіях. У 1985 г. 44% выпускнікоў полацкіх школ атрымалі кваліфікацыйныя разрады. Многія з іх былі ўладкаваны на працу на ліцейна-механічнае вытворчае аб'яднанне, швейную фабрыку, хлебазавод, аўтарамонтны завод і г.д. Гарадскі інфармацыйна-вылічальны цэнтр і буйнейшыя прадпрыемствы горада аказвалі дапамогу ў абсталяванні вучэбных класаў і працоўных кабінетаў. З 1985 / 1986 навучальнага года ў школах быў уведзены новы прадмет «Асновы інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі».

З 1966 г. у Полацку працавалі дзіцячая мастацкая школа і станцыя юных тэхнікаў. У 1969 г. новы будынак атрымала музычная школа, у якой вучылася каля 300 чалавек, працавала дзіцячая спартыўная школа на 450 вучняў [1, с. 256], дзейнічала станцыя юных натуралістаў.

У 1966 г. адбылося ўрачыстае адкрыццё Кургана Бессмяротнасці, побач з якім быў закладзены парк імя 50-годдзя савецкай улады. Праз 2 гады на праспекце К. Маркса быў адкрыты помнік 50-годдзя ВЛКСМ. У 1974 г. быў узведзены помнік Ф. Скарыну, адкрыўся Палац культуры. На плошчы Свабоды ў 1981 г. на месцы старога быў устаноўлены помнік «Вызваліцелям Полацка». У розных частках горада з'явіліся помнікі і мемарыяльныя дошкі падзеям і асобам часоў Вялікай Айчыннай вайны.

У ліку першых на Беларусі ў 1967 г. быў створаны гісторыка-археалагічны запаведнік. Для Кургана Бессмяротнасці ў 1974 г. быў адкрыты Музей баявой славы, у будынку Богаяўленскага сабора ў 1981 г. размясцілася экспазіцыя гарадской карціннай галерэі, у Сафійскім саборы ў 1983 г. адкрылася канцэртная зала, а праз 2 гады быў устаноўлены арган.

Кніжны фонд 57 полацкіх бібліятэк у 1985 г. налічваў больш за 1 млн. кніг, восем бібліятэк былі аб'яднаны ў гарадскую цэнтралізаваную бібліятэчную сістэму, якая абслугоўвала больш за 30 тыс. чытачоў. Па міжбібліятэчным абанеменце можна было заказаць кнігі з Мінска, Масквы, Ленінграда, Баку, Алма-Аты і іншых гарадоў краіны [2, с. 700].

У разглядаемы перыяд выканкам Полацкага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных узначальваў Кляпацкая Наталля Аляксандраўна (1959—1969 гг.), Ліс Ева Фёдараўна (1969—1971 гг.), Кавалёў Мікалай Рыгоравіч

(1971—1973 гг.), Грыбанаў Уладзімір Аляксандравіч (1973—1975 гг.), Марозаў Мікалай Мартынавіч (1975—1985 гг.).

1960—1980-я гг., на якія прыпалі чатыры пяцігодкі, сталі для Полацка перыядам развіцця і ўдасканалення той вытворчай базы, якую горад атрымаў за пасляваеннае дваццацігоддзе, калі выконваліся планы па пераўтварэнні яго ў буйны прамысловы цэнтр. У гэтым развіцці не апошняю ролю адыгрывалі грамадскія пачынанні працоўных — рацыяналізатары, грамадскіх бюро і брыгад. Гаспадарчая рэформа 1960-х гг., інтэнсіфікацыя 1970-х гг. не прынеслі тых вынікаў, якіх чакала партыйнае кіраўніцтва, чаму перашкаджалі шматлікія хібы ў ажыццяўленні рэформаў. Да ліку арганізацый, якія значна пашырылі сваю структуру, адносяцца Полацкі завод шкло-валакна і Полацкая гарадская бальніца імя Леніна. Дзякуючы перадачы нафтаперапрацоўчага завода гораду Наваполацку, завод шкловалакна стаў самым буйным прадпрыемствам горада. Вытворчае навучанне, уведзенае ў школы, часткова забяспечвала прамысловасць горада працоўнымі кадрамі.

У разглядаемае дваццацігоддзе насельніцтва Полацка павялічылася больш чым на 20 тыс. чалавек. Значна пашырылася сетка гандлёвых прадпрыемстваў за кошт адкрыцця буйных спецыялізаваных магазінаў. Праведзена вялікая праца па добраўпарадкаванні тэрыторыі горада і паляпшэнні дабрабыту палачан: у многіх дамах з'явілася тэлебачанне, тэлефон, газ, каналізацыя і водаправод; аднак па-ранейшаму актуальнай заставалася праблема забеспячэння гараджан жыллём.

Шэраг праблем, якія не былі вырашаны ў папярэдняе дваццацігоддзе, не былі вырашаны і пазней: якасць прадукцыі прамысловых прадпрыемстваў, праблемы пастаўкі сыравіны, знос старога і недахоп новага жылля, антысанітарныя ўмовы ў мікрараёнах, забруджванне вады і паветра прадпрыемствамі і інш. Старыя і новыя праблемы горада, як і ўсёй краіны, прызвана была вырашыць чарговая буйнамаштабная рэформа, якая ўвайшла ў гісторыю як перабудова.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Дейнис, И. П. Полоцк в XX веке / И. П. Дейнис. — Полоцк, 1967. Рукопись хранится в НПИКМЗ, КП19-2345.
2. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — 912 с.: іл.
3. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Наука и техника, 1987. — 320 с.: ил.
4. Пратаколы сесій Полацкага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных за 1969—1986 гг. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. — Ф. 658. — Воп. 6. — С. 1, 2, 3, 4, 5, 74, 140, 340, 386, 387, 385, 453, 459, 639, 740, 774, 818.

5. Распараджэнні Полацкага гарвыканкама за 1966—1968 гг. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку.— Ф. 658.— Воп. 1.— С. 517, 658, 630.
6. Распараджэнні Полацкага гарвыканкама па асноўнай дзейнасці за 1969—1985 гг. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку.— Ф. 658.— Воп. 6.— С. 64, 194, 258, 321, 374, 437, 617, 650, 692, 693, 753, 797, 798.

УДК 684.4(091)(476.5-21)"1971/1992"

ПОЛОЦКАЯ МЕБЕЛЬНАЯ ФАБРИКА В СОСТАВЕ ВИТЕБСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (1971—1992 ГГ.)

Гриб Е. П.

ведущий научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

Среди полоцких предприятий, возобновивших свою работу после Великой Отечественной войны, стоит отметить Полоцкую мебельную фабрику, коллектив которой внёс немалый вклад в восстановление и развитие экономического потенциала города и региона. Фабрика, которая выросла из небольшой промышленно-кооперативной артели со штатом в несколько десятков человек, к концу 1960-х гг. была в числе крупнейших промышленных предприятий Полоцка с годовым выпуском валовой продукции на сумму более 3 млн. руб. (по ценам на промышленную продукцию на 1.07.1955 г.). В период с 1971 по 1992 г. предприятие развивалось в качестве филиала трёх разных производственных объединений с центром в г. Витебске.

Важным в последующем развитии Полоцкой мебельной фабрики стал 1970 г. — год завершения 8-й пятилетки и год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. 18 декабря руководство фабрики доложило о досрочном выполнении плановых заданий 8-й пятилетки. Коллектив фабрики, численностью 669 чел., осуществил выпуск товарной продукции в объёме 3 306 тыс. руб. и получил 437,6 тыс. руб. прибыли от её реализации. Основные производственные фонды выросли до 777,2 тыс. руб. [23, л. 249; 24, л. 217; 25, л. 423; 26, л. 132]. Производительность труда выросла на 26,7%, а заработная плата — на 26,6% к показателям 1965 г.; объём выпуска мебели с 1 кв. м достиг 698 рублей¹.

¹ Справка по Полоцкой мебельной фабрике о технико-экономических показателях за 8-ю пятилетку и конкретные на 9-ю пятилетку.— Из архива Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

В честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина за трудовые достижения в 1970 г. и на протяжении 8-й пятилетки 12 бригад и звеньев, 119 рабочих и служащих были удостоены звания «Ударник коммунистического труда». Кроме того, 60 человек были награждены юбилейной медалью «За доблестный труд», более 30 передовиков предприятия получили Почётные грамоты Полоцкого горкома КПБ и Горисполкома. Директор фабрики Евгений Михайлович Морозов награждён орденом «Знак Почёта», а мастер второго участка Евгений Владимирович Колпаков — орденом «Октябрьской революции»¹.

21 декабря 1970 года приказом Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности БССР № 207 на базе Витебской, Полоцкой и Богусhevской фабрик было создано Витебское производственное мебельное объединение (ВПО) с Витебской фабрикой в качестве головного предприятия [22, л. 107]. Для Полоцкой мебельной фабрики начинается новый этап развития. В составе данного объединения фабрика находилась на протяжении 1971—1974 гг.

Развитие предприятия в годы 9-й пятилетки (1971—1975 гг.) было связано с реализацией решений, которые были приняты на XIV съезде КПСС, а также подготовкой к таким датам, как 30-летие со дня Великой Победы советского народа, воинов Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне и 50-летие образования СССР. Социалистическое соревнование, получившее широкий размах, было направлено на совершенствование планирования, повышение производительности труда, снижение трудоёмкости и себестоимости выпускаемой продукции.

Полоцкая мебельная фабрика в составе ВПО занималась производством корпусной мебели (шкафы и прикроватные тумбочки) и оказанием услуг по лесопилению для населения. Производство же мягкой мебели (диван-кровати) было передано на Витебскую мебельную фабрику, которая имела лучшее оборудование, что обеспечивало выпуск более качественной продукции [6]. Производственный цикл проходил на двух участках, которые располагались по адресам ул. Дзержинского, 103 (цех № 1) и ул. Криничная, 6 (цех № 2). Цех № 1 занимался отделкой и сборкой мебели, а цех № 2 — изготовлением брусковых деталей (механическое отделение) и щитовых изделий (клеильно-фанеровальное отделение) для мебели. Специализация в цехах позволила повысить производительность. В этот период была создана материально-техническая база для перехода к выпуску более современной мебели [9, л. 237].

¹ Справка. Из истории Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскдрев». — Из архива Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

План 9-й пятилетки коллектив фабрики выполнил досрочно к 22 декабря 1975 г. Объём выпуска товарной продукции в 1975 г. составил 107,4% к уровню 1970 г.; производительность труда увеличилась на 17,5%, а заработная плата — на 22,5% по сравнению с показателями 8-й пятилетки. Объём съёма мебели с 1 кв. м производственной площади достиг 812 рублей, что на 43% больше, чем в предыдущей пятилетке [8, л. 212, 220]. Основные производственные фонды за пятилетку выросли на 228 тыс. руб. и составили 1 005,8 тыс. рублей¹.

В 1975 г. 16 бригад и звеньев и 1 отделение за высокие показатели в выполнении планов 9-й пятилетки были признаны «коллективами коммунистического труда»; 52 человека были награждены знаками «Ударник 9-й пятилетки» и «Победитель социалистического соревнования» [8, л. 228]. Станочник Константин Гаврилович Конопацкий и столяр Николай Павлович Егоров за высокие показатели по выполнению личных планов были награждены орденом Трудового Красного Знамени². За высокие показатели в социалистическом соревновании в 1973—1974 гг. ветераны фабрики Вера Петровна Алектон, Лидия Ивановна Воронцова и Николай Павлович Литвинов были удостоены ордена «Знак Почёта» [7].

Стоит отметить, что последний год 9-й пятилетки был связан не только с высокими показателями работы предприятия, но и с новой реорганизацией. Так, согласно приказу Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности № 1 от 3 января 1975 г. Полоцкая мебельная фабрика на правах филиала вошла в Витебское производственное деревообрабатывающее объединение «Витебскдрев», в составе которого развивалась с 1975 по 1987 г. [8, л. 208].

Период десятого (1976—1980 гг.) и одиннадцатого (1981—1985 гг.) пятилетних планов развития народного хозяйства стал новой страницей в истории предприятия.

В годы 10-й пятилетки, которая проводилась в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и последующих Пленумов партии, по инициативе передовых рабочих Полоцкой мебельной фабрики развернулось социалистическое соревнование за повышение эффективности производства и качества работы, за досрочное выполнение планового задания. Широко был поддержан почин рабочих Московского машиностроительного завода «Динамо» по повышению эффективности производства,

¹ Справка. Из истории Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскдрев». — Из архива Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

² Там же.

повышению производительности труда под лозунгом «в десятой пятилетке — ни одного отстающего рядом»¹.

В 1977 г. в честь 60-летия Октябрьской революции 6 работников фабрики награждены орденами и медалями. Орденом «Знак Почёта» — секретарь парторганизации Немченко Владимир Иванович; орденом Трудовой Славы 3-й степени — столяры Бронин Анатолий Васильевич и Милый Фёдор Фёдорович, станочница Ботян Любовь Филипповна; медалью «За трудовое отличие» — начальник цеха № 2 Рыжиков Николай Фролович и шаблонщик Матюшков Владимир Михайлович².

Четыре года 10-й пятилетки коллектив предприятия завершил успешно по всем основным технико-экономическим показателям 16 октября 1979 г. [10, л. 260]. Объём валовой продукции по отношению к соответствующему периоду 9-й пятилетки возрос на 38,9% и составил 19 млн. 369, тыс. рублей, что на 1 млн. 48 тыс. рублей больше плана. 92% прироста объёма валовой продукции получено за счёт роста производительности труда. Производительность труда в 1980 г. составила 137,3% от уровня 1975 г., а заработная плата выросла на 31,7% к уровню предыдущей пятилетки. Основные производственные фонды выросли на 367,7 тыс. рублей и к началу 1980 г. составили 1 млн. 373 тыс. рублей [9, л. 238—239; 10, л. 261—262; 11, л. 252—253; 12, л. 286—287].

В 1978—1980 гг., после того, как была проведена крупная замена имеющегося технологического оборудования, отремонтированы и построены новые складские помещения для хранения сырья, материалов и готовой продукции, фабрика работала наиболее эффективно. За 1978—1980 гг. фабрика получила лишь 3 рекламации на выпускаемую продукцию, уплатив при этом всего 127 руб. штрафных санкций, в то время как за первые два года пятилетки фабрике были предъявлены штрафные санкции на сумму 4,74 тыс. руб. [10, л. 264; 12, л. 290; 13, л. 307]. На Полоцкой мебельной фабрике в 1979 г. трудились 340 ударников и 20 бригад коммунистического труда. По результатам соцсоревнования за 1979 г. 30 человек награждены знаком «Победитель социалистического соревнования». Ветераны труда фабрики (25 человек), звено станочников под руководством Анны Ивановны Пузиковой и бригада отделочниц бригадира Валентины Терентьевны Хариной награждены Ленинскими Почётными грамотами, последняя также была признана лучшей среди бригад Министерства по итогам Республиканского соцсоревнования за I полугодие 1979 г. [10, л. 275—276].

¹ Справка о производственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики за годы десятой пятилетки. — Из архива Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

² Там же.

В I, II и III кварталах 1978 г. Полоцкая мебельная фабрика становилась победителем социалистического соревнования среди филиалов объединения «Витебскдрев». В 1979 г. коллектив фабрики за успешное выполнение планового задания 3-го квартала награждается Переходящим Красным Знаменем Полоцкого Горкома КПБ, Горисполкома и Горкома комсомола. Кроме того, за активное участие в заготовке кормов колхозам коллектив фабрики награждается Почётной грамотой Президиума Верховного Совета БССР и Переходящим Красным Знаменем Полоцкого Райкома КПБ, Райсплкома и Райкома ВЛКСМ¹.

В 1979 г. пост директора оставляет Евгений Михайлович Морозов, который занимал данную должность с 1952 г. Новым директором становится Василий Тимофеевич Урбан, бывший главный инженер фабрики.

В 1980 г. Полоцкая мебельная фабрика принимала поздравления с юбилеем — предприятию исполнилось 50 лет. Производство было размещено на территории двух цехов, общей площадью 4,5 га. Цеха были оснащены современным оборудованием в количестве около 200 единиц. Среди них гидравлические прессы, пилорамы, кромкофуговальные станки, полировальные и лаконоливные машины, сушильный конвейер, фрезера, обрезные, шлифовальные станки, ваймы и др. В цехе № 2 производили заготовку, облицовку и обработку полуфабрикатов, которые после передавали в цех № 1, где происходила их отделка и сборка. На территории фабрики размещались также две котельные, для работы котлов которых использовалось жидкое и комбинированное топливо, гараж и 2 механические мастерские. Транспортный парк предприятия составлял 40 единиц автомобилей, автобусов, автопогрузчиков, тракторов и др. Склады ЛВЖ, готовой продукции и основного сырья занимали площадь в 1 520 кв. м, при фабрике работали: клуб на 120 мест, столовая на 40 посадочных мест и буфет².

В годы 11-й пятилетки в целях улучшения качества выпускаемой продукции и снижения брака продолжает развиваться комплексная система управления качеством (КСУКП), разработанная и внедрённая на предприятии в 1977 г. В 1985 г. КСУКП действовала на базе 63 стандартов, разработанных на предприятии. За допущение брака при производстве широко применялась система депремирования виновных лиц. Так, за период с 1981 по 1985 г. в отчётной документации Полоцкой мебельной фабрики зафиксировано 728 случаев депремирования на сумму 10,74 тыс. рублей [1, л. 12—13; 2,

¹ Справка о производственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики за годы десятой пятилетки.— Из архива Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

² Там же.

л. 1—2; 3, л. 3; 4, л. 4; 5, л. 4]. С 1984 г. кроме продукции, аттестованной по 1 категории качества, коллектив фабрики приступил к выпуску мебели с ГЗК и мебели высшей категории с индексом «Н» (новинка). Уже в 1986 г. мебель с индексом «Н» составляла 89,8% в общем объеме товарной продукции. В ходе проведения мероприятий по внедрению новой техники и технологии, научной организации труда, пересмотра норм выработки, которые были направлены на улучшение культуры производства и качества продукции, была получена экономия на сумму 252,66 тыс. рублей [14, л. 272; 15, л. 291; 16, л. 258].

Объем реализованной товарной продукции за годы 11-й пятилетки равен 35 млн. 180 тыс. рублям, что составляет 149% к показателям предыдущей пятилетки. Прибыль от реализованной продукции составила 13 млн. 926 тыс. рублей. Производительность труда выросла на 30,5%, а среднемесячная заработная плата одного работника промышленно-производственного персонала — на 6,5% и составила на 1985 г. 181,4 рубля. К концу 1985 г. на предприятии работало 702 человека, однако текучесть кадров составила 10%. Основные производственные фонды предприятия достигли уровня в 1 млн. 717 тыс. рублей [14, л. 272—273; 15, л. 292—294; 17, л. 207—209; 18, л. 247—249].

В 1981—1986 гг. Полоцкая мебельная фабрика специализировалась на выпуске корпусной мебели. Одним из основных материалов являлась древесностружечная плита, которая поступала на фабрику в листах. Раскрой плиты велся по утверждённым картам раскроя на трёх — пильном, форматно-обрезном и круглопильном — станках собственного изготовления. В качестве облицовочных материалов использовались: материал на основе пропитанных бумаг с глубокой степенью отвержения смолы, строганный и лущеный шпон, пергамент. Основными изделиями Полоцкой мебельной фабрики в это период являлись: шкафы комбинированные, тумбочки прикроватные, наборы корпусной мебели «Дисна», «Дисна-3», «Дисна-6», «Янка 1Д1», «Янка 1Д3» и «Полочанка», комплект изделий мебели для прихожей «Аута», комплект деталей для телевизионного приёмника «Витязь-772» [14, л. 275; 15, л. 296; 16, л. 258, 263; 17, л. 211; 18, л. 252]. Кроме этого фабрика выпускала сувенирные панно и осуществляла услуги по лесопилению, отходы от которого шли на топливо для котельных и жилых домов рабочих, на производство изделий ширпотреба, реализацию другим организациям, передавались колхозам.

8 января 1988 г. на основании приказа Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности БССР № 3 головное предприятие и несколько производственных участков объединения «Витебскдрев» были переданы в ведомство Министерства строительства. На базе Витебской, Полоцкой и Богусhevской мебельных фабрик, согласно тому

же приказу, было образовано Витебское производственное мебельное объединение (ВПМО) «Витебскмебель», которое с мая 1988 г. было переведено в подчинение Министерству лесной промышленности БССР. Постановлением Совета министров БССР от 26.04.1991 г. был образован Концерн лесной и деревообрабатывающей промышленности «Беллеспром», в чьё подчинение вошло ВПМО «Витебскмебель». Предметом деятельности объединения явилось производство мебели, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, лесопиление.

В 1989—1990 гг. Полоцкая мебельная фабрика успешно справлялась с выполнением плановых заданий по основным технико-экономическим показателям. Так, объём выпуска товарной продукции по оптовым ценам на 01.01.1982 г. составил 20 млн. 379 тыс. рублей, что составляет 57,4% от уровня производства 11-й пятилетки (1981—1985 гг.). На протяжении 1988—1990 гг. наблюдалось снижение численности промышленно-производственного состава (ППП): 668 человек в 1988 г., 652 — в 1989 г., 645 — в 1990 году. Снижение численности ППП в купе с ростом объёмов выпуска товарной продукции привели к высоким годовым темпам роста производительности труда — 6,5—9%. В 1990 г. средняя заработная плата выросла на 26% по сравнению с уровнем 1985 г. и составила 228,6 рубля [19, л. 6—7; 20, л. 198—199].

По результатам работы за 1990 г. Полоцкая мебельная фабрика дважды занимала 2-е место в Республиканском социалистическом соревновании по результатам за I полугодие и за 9 месяцев, а также дважды была в числе призёров соцсоревнования среди предприятий объединения «Витебскмебель». За высокие показатели в реализации планов 12-й пятилетки две бригады фабрики под руководством Галины Григорьевны Савицкой и Анатолия Фомича Кузьмичова были награждены общесоюзными Почётными грамотами «За успешное выполнение заданий 12-й пятилетки». Кроме того, значком «Ударник 12-й пятилетки» было награждено 20 работников предприятия [20, л. 210—211].

18 сентября 1992 г. генеральным директором Василием Фёдоровичем Зубовичем был подписан приказ № 279 «О выделении из состава Витебского производственного мебельного объединения «Витебскмебель» Полоцкой мебельной фабрики с правами юридического лица» [21].

Таким образом, в период с 1971 по 1992 г. деятельность Полоцкой мебельной фабрики была связана с тремя производственными объединениями: Витебским производственным мебельным объединением, Витебским производственным деревообрабатывающим объединением «Витебскдрев», Витебским производственным мебельным объединением «Витебскмебель». За этот период наблюдается постоянный рост (за исключением нескольких

лет) и перевыполнение планов по таким важным экономическим показателям работы предприятия, как реализация товарной продукции, объём выпуска товарной продукции в неизменных ценах, производительность труда, прибыль по балансу, средняя заработная плата на одного работника промышленно-производственного персонала. В работе предприятия остался ряд нерешённых проблем: из-за недостатков в налаживании снабжения фабрика работала неритмично, а перевыполнение планов достигалось также и за счёт сверхурочных работ; трудности при транспортировке и неурегулирование рабочих вопросов с управлением железной дороги приводило к достаточно большому проценту брака поставляемого на фабрику сырья; лучшие условия труда на других крупных промышленных предприятиях Полоцка и Новополоцка и нерешённость жилищного вопроса (особенно это касается молодых семей) приводило к избыточной текучести кадров. Но в целом Полоцкая мебельная фабрика в 1971—1990 гг. была стабильно развивающимся, растущим и довольно крупным промышленным предприятием Полоцкого региона.

Список литературы и источников

1. Анализ выполнения планов производства и реализации продукции за январь-декабрь 1981 года // Государственный архив Витебской области (ГАВО).— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 114.— Л. 12—14.
2. Анализ выполнения планов производства и реализации продукции за январь-декабрь 1982 года // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 131.— Л. 1—3.
3. Анализ выполнения планов производства, реализации и себестоимости промышленной продукции в разрезе филиалов и цехов головного предприятия за 1983 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 153.— Л. 3—4.
4. Анализ основных технико-экономических показателей ПО «Витебскдрев» за 1984 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 173.— Л. 4—5.
5. Анализ основных технико-экономических показателей ПО «Витебскдрев» за 1985 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 194.— Л. 4—6.
6. Немчанка, В. Выдатную мэблю — спажыўцам / В. Немчанка // Сцяг камунізма.— 1971.— 17 сак.— С. 1.
7. Немчанка, В. Вядучая сіла / В. Немчанка // Сцяг камунізма.— 1975.— 9 жн.— С. 2.
8. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1975 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 31.— Л. 208—231.
9. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1976 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 45.— Л. 237—259.

10. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1979 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 78.— Л. 258—279.
11. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1977 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 54.— Л. 251—270.
12. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1978 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 65.— Л. 285—298.
13. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики объединения «Витебскдрев» за 1980 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 99.— Л. 298—318.
14. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскмебель» за 1984 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 180.— Л. 272—296.
15. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскмебель» за 1985 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 199.— Л. 291—315.
16. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскмебель» за 1986 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 219.— Л. 258—283.
17. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскмебель» за 1982 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 139.— Л. 206—234.
18. Объяснительная записка к отчёту производственно-хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики — филиала объединения «Витебскмебель» за 1983 год // ГАВО.— Фонд 3335.— Оп. 4.— Д. 159.— Л. 247—268.
19. Объяснительная записка к отчёту хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики за 1989 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 3.— Д. 18.— Л. 2—36.
20. Объяснительная записка к отчёту хозяйственной деятельности Полоцкой мебельной фабрики за 1990 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 3.— Д. 31.— Л. 197—213.
21. Приказ генерального директора Витебского производственного мебельного объединения «Витебскмебель» № 279 от 18.09.1992 г. // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 3.— Д. 48.— Л. 13—14.
22. Приказы директора фабрики по основной деятельности за 1971 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 1.— Д. 1.— Л. 107—109.
23. Сводная таблица основных показателей комплексно характеризующих деятельность промышленного предприятия за 1971 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 1.— Д. 21.— Л. 249—250.

24. Сводная таблица основных показателей комплексно характеризующих деятельность промышленного предприятия за 1972 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 1.— Д. 42.— Л. 217—218.
25. Сводная таблица основных показателей комплексно характеризующих деятельность промышленного предприятия за 1973 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 1.— Д. 71 — Л. 423—424.
26. Сводная таблица основных показателей комплексно характеризующих деятельность промышленного предприятия за 1974 год // ГАВО.— Фонд 1594.— Оп. 1.— Д. 94.— Л. 132—133.

УДК [069.4+77](476.5-21)"18/19"

СТАЦИОНАРНАЯ ВЫСТАВКА ПОЛОЦКИХ ФОТОГРАФОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. КОНЦЕПЦИЯ

Довгун О. М.

старший научный сотрудник отдела фондов НПИКМЗ

7 января 2019 г. мир отметит 180 лет фотографии. В этот день в 1839 г. в Парижской академии наук физиком Франсуа Араго был сделан доклад об изобретении Нисефора Ньепса и Луи Дагера, которые смогли впервые получить фиксированное фотографическое изображение. С 1935 г. по решению IX Международного конгресса научной и прикладной фотографии эта дата считается днём изобретения фотографии.

За относительно короткую историю своего существования фотография проникла и органично вписалась во все сферы жизни и деятельности человека. Универсальность технических и творческих приёмов и средств, способность отображать практически любые объекты, события и явления материального мира (от микромира и живой клетки до космоса), возможность передавать эмоциональное состояние человека позволяет фотографии быть уникальным средством запечатления истории и культуры народов, эффективным методом научного познания, естественным и понятным посредником в общении между людьми. Этим объясняется непреходящий интерес к фотографии. Фотоснимок зачастую является главным и единственным объективным свидетелем прошедшего времени.

Сам термин «фотография» (от греч. photos — свет и grapho — пишу) появился в 1839 г., его использовали одновременно и независимо два

астронома: английский, Джон Гершель, и немецкий, Иоганн фон Медлер. В Российской империи довольно долго использовали буквальный перевод «светопись» этого же термина, но он в конце концов уступил место общепринятому.

В Российской империи фотография начала развиваться стремительными темпами практически сразу после обнародования принципов фотографирования. Этому способствовали русские учёные и изобретатели, которые приняли самое активное участие в совершенствовании фотографической техники.

Фотография была делом дорогим, поэтому позволить себе любительское увлечение фотографией, а уж тем более иметь своё дело в этой отрасли могли лишь обеспеченные люди. Фотографическая карточка на красивом бланке паспарту представляла собой настоящее произведение искусства. Позитив наклеивался на картонный бланк, изготовленный и художественно оформленный в специальной литографической мастерской. Этот фирменный бланк являлся визитной карточкой владельца ателье: на нём можно было увидеть название и адрес фирмы, имя владельца, его почётные звания и награды.

Первое упоминание о фотографе из Полоцка относится к концу 1870-х гг., когда в Российской империи был подготовлен «Альбом костюмов России» с 532-мя фотографиями разнообразных типов мужского народного костюма. В создании фотографий для альбома принимал участие Иосиф Добровольский из Полоцка.

На сегодняшний день нам известны имена 17-ти полоцких фотографов конца XIX — начала XX в. Это: Богданов Я., Бермант Юдель Рубинович, Бернштейн Ерух Абрамович, Бернштейн И., Брукс Пётр Павлович, Добровольский Иосиф, Добровольский Фадей Игнатович, фон Дуглас Густов Иосифов, Лабран Мовша-Горшен Шмуйлович, Лисецкий Иван Иванович, Лисецкая Стефания (Степанида), Миронов Николай Тарасович, Мигуцкий А., Рэйнберг Юлий Юльевич, Синайский А. С., Шиф Абрам Аронович, Шиф Б. А.

Благодаря целенаправленному комплектованию, за последние пять лет (с 2013 г.) коллекция фотодокументов пополнилась 39-ю фотографиями полоцких фотографов конца XIX — начала XX в. и шестью фотографиями полоцких фотографов 1920-х гг. Музейное собрание НПИКМЗ насчитывает 46 студийных портретных фотографий конца XIX — начала XX в. восемью полоцкими фотографами: Ю. Р. Берманта (23 фотографии), Е. А. Бернштейна (1), И. Бернштейна (6), П. П. Брукса (1), И. И. Лисецкого (4), Ю. Ю. Рэйнберга (1), С. А. Синайского (3) и А. А. Шифа (7).

Бермант Юдель Рубинович. Слуцкий мещанин. Разрешение на открытие фотомастерской в Полоцкеполучил 14 марта 1898 г. Адреса фотостудии:

Витебская ул., дом Хейна; Витебская ул., дом Левина («Близь памятника»). Награды: Почётный крест (1908), Большая золотая медаль на выставке в Марселе (1908), Большая серебряная медаль на выставке Витебской губернии (1908), серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте (1909). Похвальные листы 1910, 1911 и 1912 гг.

Бернштейн Ерух Абрамович. Виленский мещанин. Адрес фотостудии: Витебская ул., дом Гордина.

Бернштейн И. Адрес фотостудии: Витебская ул., дом Гордина. Награды: Золотая медаль на выставке в Ростове-на-Дону в 1908 г. (На некоторых паспорту указывается 1909 г.). За фотографические работы удостоен Высочайшей благодарности Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны.

Брукс Пётр Павлович. С 1852 по 1865 г. — вольноприходящий ученик Санкт-Петербургской Академии художеств. В 1867 г. получил право на преподавание рисования в средних учебных заведениях. С 25 октября 1870 по 1891(?) г. — штатный преподаватель рисования в Полоцком кадетском корпусе. Лютеранского вероисповедания.

На просторах интернета удалось найти рисунок с изображением П. П. Брукса. На сегодняшний день — это единственное изображение одного из полоцких фотографов конца XIX в. Автор рисунка — Николай Андреевич Кошелев (1840—1918), известный художник второй половины XIX в., сподвижник И. Н. Крамского. Вероятнее всего, портрет был выполнен во время совместной учёбы Н. А. Кошелева и П. П. Брукса в Санкт-Петербургской Академии художеств в 1861—1865 гг. В каком собрании находится данный рисунок — ещё предстоит выяснить.

Лисецкий Иван Иванович. Полоцкий мещанин, владелец фотостудий в Полоцке и Лепеле.

На фотографии И. И. Лисецкого конца XIX в. с изображением мальчика (КП22-38261) мы можем увидеть фрагмент раннего фотографического оборудования — копфгалтера (см. рисунок). Время экспозиции ранних фотографий занимало несколько минут, и фотографируемый объект должен был оставаться неподвижным. Чтобы обеспечить максимальную неподвижность клиента, фотографы использовали вспомогательные средства: удобные кресла с подлокотниками и специальные устройства — копфгалтеры, что в переводе с немецкого означает «держатель головы». Устройство представляло собой длинную тяжёлую подставку, наверху которой были специальные крепления-фиксаторы для головы.

Рэйнберг Юлий Юльевич. Родился в 1865 г. Учился в Санкт-Петербургской Академии Художеств с 1880 по 1890 г. Получил медали: в 1884 г. — 2-ю се-

Рисунок. Фотография И. И. Лисецкого конца XIX в. с изображением мальчика. КП22-38261

ребрянную; в 1886 г.— малую поощрительную; в 1887 г.— большую поощрительную; в 1888 г.— 2-ю серебряную. В 1890 г. получил звание классного художника 3 степени. Со 2 февраля 1892 по 1914(?) г.— преподаватель рисования в Полоцком кадетском корпусе. Православного вероисповедания. Адрес фотостудии: Нижне-Покровская ул., дом Эпштейна.

Синайский А. С. Адрес фотостудии: Александровская ул., дом Фаенсона. Награждён знаком Его Императорского Величества Великого Князя Владимира Александровича.

Шиф Абрам Аронович. Полоцкий мещанин, владелец фотостудий в Полоцке и Дисне. Разрешение на открытие фотомастерской в г. Полоцке получил 6 февраля 1895 г. Адреса фотостудии: Пробойная ул., дом Брешна; Витебская ул., дом Гейликлмана.

На студийных портретных снимках полоцких фотографов отображены представители различных сословий. Мы можем увидеть рядовых Российской царской армии, чиновников различных гражданских ведомств, офицера Кайзеровской Германии, воспитанника Полоцкого кадетского корпуса, актёра театра в сценическом костюме и гриме. Широко представлены детские и семейные снимки. Фотографии дают представление о костюмах и причёсках горожан конца XIX — начала XX в.

В фондах НПИКМЗ хранятся три фотокопии, присланные из Франции потомками Викторины Розиио, преподавательницы французского языка Полоцкой женской гимназии. Групповой фотоснимок 1912 г. гимназисток и преподавательниц выполнен фотографом Бернштейном. На фотографии неизвестного автора В. Розиио изображена в бричке на ул. Александровской. На третьем фотоснимке запечатлена «живая картина» с участием воспитанниц Полоцкой женской гимназии на сюжет Отечественной войны 1812 г. Предположительно, фотография сделана в интерьере фотостудии Ю. Р. Берманта.

Жанр документальной фотографии представлен фоторепортажем полоцкого губернского фотографа Н. Т. Миронова о пожаре в Полоцке. Фотографии опубликованы в журнале «Всёмирная панорама» (КП22-33297), изданном в Санкт-Петербурге 10 августа 1912 г.

В экспозиции Музея белорусского книгопечатания находится альбом с фотографиями (КП6-3006), на которых изображены празднования, связанные с перенесением мощей святой Евфросинии Полоцкой в 1910 г. В альбом также помещены фотоснимки с изображением видов Полоцка, интерьеров храмов и сюжетные фотографии 1904 г., на которых запечатлены моменты замены колокола на Николаевском кафедральном соборе.

Автором фотографии, которая помещена на второй стороне пятого листа альбома, является полоцкий губернский фотограф Н. Т. Миронов. В коллекции филокартии НПИКМЗ есть открытка 2010 г. (КП22-32603) издания Спасо-Евфросиниевского монастыря с аналогичным изображением. Автором фотографии, помещённой на другой стороне шестнадцатого листа альбома, является Ю. Р. Бермант. Идентичная фотография была размещена в подобном альбоме со штампом фотографа Берманта, который выставлялся на интернет-аукционе.

Можно предположить, что альбомы в память о торжествах, связанных с перенесением мощей преподобной Евфросинии Полоцкой, выпускались как с фотографиями одного мастера, так и со снимками разных фотографов.

После Октябрьской революции новая власть стала реквизировать помещения фотографических мастерских и павильонов, их лаборатории, имущество наравне с другими промышленными и торговыми заведениями. Всероссийский союз фотографов в 1918 г. обратился за помощью в Комитет фотографии и фототехники при Комиссариате народного просвещения, результатом чего явилось распоряжение Наркомпроса о льготах для фотографов-профессионалов, опубликованное 25 января 1919 г. в № 17 «Известий ВЦИКа». Документ приравнивал фотографов к художникам, освобождал от личной трудовой повинности и от реквизиции оборудования фотомастерских. Благодаря этому постановлению фотографы-профессионалы смогли сохранить свои ателье и мастерские ещё несколько лет, до конца 1920-х гг.

Фонды НППГКМЗ насчитывают 19 фотоснимков фотографа Ю. Р. Берманта 1920-х гг. и ещё 27 фотографий, которые были сделаны в помещении фотомастерской Берманта, но не имеют штампа фотографа. Фотографические мастерские Полоцка 1920-х гг. представлены также снимками фотографов Эйлима, Г. Лурье и А. Просмушкина. Подавляющее большинство послереволюционных фотографий — это групповые изображения членов различных общественных организаций.

Таким образом, накоплен достаточный материал по данной теме, что позволяет планировать создание стационарной выставки, посвящённой первым полоцким фотографам. Предполагается разместить выставку в цокольном этаже Домика Петра I после создания там необходимых условий экспонирования музейных предметов. Выставка логично дополнит экспозицию «Прогулка по Нижне-Покровской», расширит её визуальный ряд и более полно отразит жизнь города и рядовых полочан.

Для создания экспозиции желательно пополнить коллекцию фотографиями тех авторов, которые не представлены в музейном собрании НППГКМЗ, предметами быта, мебели, а так же фототехникой конца XIX — начала XX в.

ЦЕЛЬ ВЫСТАВКИ: Посредством музейных предметов рассказать о первых фотографах и фотомастерских в Полоцке.

ЗАДАЧИ ВЫСТАВКИ:

- через предметный ряд музейных предметов, экспозиционными средствами показать развитие фотографии в конце XIX — начале XX в. в Полоцке;
- показать фотографию, как предмет синтеза науки, техники и изобразительного искусства;

- максимально раскрыть информационный потенциал фотографии;
- пробудить интерес посетителей к изучению истории города, истории своей семьи.

Тип экспозиции — комплексный. Основной способ показа музейных предметов — коллекционный. Коллекция фотодокументов будет дополнена предметами из других коллекций: мебель, скульптура, филокартия и приборы, аппараты, инструменты. Научное значение экспонатов помогут раскрыть пояснительные надписи. Погрузиться в атмосферу эпохи поможет видеоряд с использованием открыток с видами Полоцка конца XIX — начала XX в. В экспозиционном пространстве предполагается воссоздание интерьера фотоателье начала XX в. с интерактивной зоной для фотографирования посетителей.

Поскольку на сегодняшний день в цокольном помещении здания Домика Петра I ещё не созданы условия для экспонирования музейных предметов, не представляется возможным начать работы по созданию новой экспозиции. Работа над концепцией выставки будет продолжена после проведения необходимых работ.

Список литературы и источников

1. Адресь-календарь Витебской губернии на 1890 годъ / Издание Витебского Статистического комитета.— Витебск: Типо-Литография наследников М. Б. Неймана, 1890.— С. 198.
2. Музейныя сшыткі: навуковае праектаванне музейных экспазіцый / Навукова-метадычны зборнік I / уклад. А. Б. Сташкевіч.— Мінск: Беларускі інстытут праблем культуры, 1996.
3. Список торговых и промышленных предприятий по г. Полоцку за 1895 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ).— Фонд 2523.— Оп. 1.— Д. 6.
4. Ведомость типографий, литографий, а также заведений производящих и продающих произведения тиснения в г. Полоцке. 1899 г. // НГАБ — Фонд 1430.— Оп. 1.— Д. 43942.
5. Прощение об открытии фотографии в г. Полоцке Мовши-Горшен Шмуйловича Лабрана. 1907 г. // НГАБ — Фонд 1430.— Оп. 1.— Д. 38538.— Л. 66—68.
6. Прощение об открытии фотографии в г. Полоцке Еруха Абрамовича Беренштейна. 1907 г. // НГАБ — Фонд 1430.— Оп. 1.— Д. 38538.— Л. 97.
7. Прощение об открытии фотографии в г. Полоцке Лисецкого И. И. 1907 г. // НГАБ — Фонд 1430.— Оп. 1.— Д. 38538.— Л. 113.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1881 годъ/ Издание Витебского Статистического комитета.— Витебск: Типография Витебского губернского правления, 1881.— С. 120.

9. Памятная книжка Витебской губернии на 1895 годъ/ Издание Витебского Губернского Статистического комитета.— Витебск: Губернская типография, 1895.— С. 188.
10. Поляков, С. И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков.— Полоцк: Полоцкое кн. изд-во: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010.— С. 45.
11. Попов, А. П. Российские фотографы (1839—1930): словарь-справочник: в 3 т. / А. П. Попов.— Коломна: Музей органической культуры, 2013.
12. Путеводитель по городу Полоцку: к торжеству перенесения святых мощей пр. Евфросинии, княжны Полоцкой из г. Киева в г. Полоцк / Издание Полоцкого церковного братства.— Полоцк: Типография Х. В. Клячко, 1910.
13. Студзенікіна, Ю. У. Да пытання аб гандлі ў Полацку ў канцы XIX ст. // Полацкі музейны штогоднік (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / укл. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова.— Полацк: НППКМЗ, 2011.— С. 97—136.
14. Фотография: энциклопедический справочник / редкол.: Бояров П. И. [и др.].— Минск: Беларуская энцыклапедыя.— 1992.— С. 37.
15. Фотографы и фотографические ателье дореволюционной России // Большой Русский Альбом [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rusalbom.ru/foto-atelie.html>.— Дата доступа: 01.02.2018.
16. Экспазіцыя ў музейнай прасторы: праектны менеджмент (Музейны сшытак) / уклад., агульн. рэд. І. Б. Лапцёнак.— Мінск: ДУА «Інстытут культуры Беларусі», 2012.

УДК 621.74(476.5-21)"1945/1970"

ЛИТЕЙНО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД Г. ПОЛОЦКА В 1945—1970 ГГ.

Кисляк А. В.

старший научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

Полоцкий литейно-механический завод, являясь одним из старейших предприятий нашего города, внёс существенный вклад в развитие промышленности и экономики региона. Предприятие было основано в 1927 г. на базе мелких кустарных мастерских, с 1930 г. — сельскохозяйственных мастерских. На то время в них работало около 30 человек, которые занимались ремонтом сельскохозяйственного инвентаря, а также изготавливали дверную и оконную фурнитуры, топоры, замки, навесы и прочие металлические изделия для бытовых нужд. К 1941 г. завершилось

строительство кузнечного цеха с административным корпусом в зданиях по улице Октябрьской, которые в годы Великой Отечественной войны были полностью разрушены [18, с. 3]. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков началось восстановление предприятия, и к началу 1945 г. мастерские были частично восстановлены, хотя оборудования и станков практически не было, и все операции выполнялись с использованием ручного труда. Численность работающих в то время на заводе составляла 36 человек (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество работников литейно-механического завода

Годы	1945	1949	1951	1957	1963	1965	1966
Количество работников	36	72	102	177	350	387	448

В апреле 1945 г. Полоцкий облисполком принял решение приступить к строительству в бывшем здании сельскохозяйственных мастерских по улице Октябрьской, 5 литейно-механического завода. В ноябре 1945 г. областной совет депутатов трудящихся подтвердил это решение и распорядился о доставке оборудования для завода из г. Минска. Было также получено некоторое трофейное оборудование. Вскоре планы изменились, и было решено переоборудовать литейно-механический завод в завод кос, которых в то время не хватало, так как их выпускало только одно уральское предприятие. В Полоцке началась установка соответствующего оборудования и его тестирование. Но неожиданно пришло распоряжение об отмене такой реконструкции [5, с. 24]. Окончательно было решено начать строительство слесарно-механического (с апреля 1946 г. — литейно-механического) завода, директором которого был назначен Залман Бляхман. Уже в феврале 1946 г. первую продукцию дал новый кузнечно-слесарный цех, а литейный, механический и электросварочный цеха были практически полностью переоборудованы [9, с. 227]. К маю 1947 г. предприятие размещалось в двух каменных производственных зданиях и временно отведённом под литейный цех деревянном сарае. Административно-управленческий аппарат в те годы занимал 2-этажное кирпичное помещение. Планом на 1947—1948 гг. предусматривалось строительство и частичное оборудование литейного цеха и цеха термической обработки металлов, а также прокладка водопровода и благоустройство территории завода. Персонал завода насчитывал уже 80 человек [14]. В 1946—1948 гг. годовой выпуск валовой продукции составлял около 800 тысяч рублей по ценам того времени (см. табл. 2).

Таблица 2. Объём валовой продукции предприятия

<i>1948 год</i>	<i>1955 год</i>	<i>1966 год</i>
754 тысяч рублей	1 915 тысяч рублей	2 700 тысяч рублей

В 1946 г. в списке основных изделий значились топоры, железные кровати, плуги [15]. К 1948 г. завод расширил номенклатуру выпускаемой продукции для хозяйственно-бытовых нужд (сковородки, чугушки, доски стиральные) и для сельского хозяйства (плуги, предплужники, окучники). Кроме того предприятие продолжало оказывать услуги по ремонту сельскохозяйственного оборудования различным организациям и колхозам Витебщины [19]. Однако ввиду недопоставок материала и слабой механизации производства заводом не был выполнен производственный план на 1948 г. Так, вместо запланированного выпуска 65 тысяч топоров выпустили не более 20 тысяч, что составило менее 30% [17].

Несмотря на определённые трудности в первой половине 1950-х гг. реконструкция предприятия продолжалась. К лету 1950 г. Полоцкий литейно-механический завод запустил производство кос, которые изготавливались в отдельном цехе. Для обучения и прохождения переквалификации 32 работника из Полоцка двумя группами были отправлены на Артинский завод кос (Урал) [13].

Во второй половине 1950-х гг. большинство работ было механизировано. На предприятии использовались пневматические молоты, механические горны, улучшенные токарные станки, механизмы для транспортировки деталей [3]. В литейном цехе при производстве чугунных канализационных частей и сковородок начали применять многоразовую кокильную отливку, что позволяло экономить рабочее время и формировать сразу несколько партий продукции улучшенного качества. В итоге производительность труда на Полоцком литейно-механическом заводе увеличилась в 2 раза, что помогло расширить список выпускаемой продукции, освоив при этом новые виды изделий (например, параконные плуги и кочкорезы), а также увеличить объём выпуска запчастей к сельскохозяйственному оборудованию (тракторам, комбайнам, плугам, телегам, косам и др.) [2]. Объём валовой продукции в итоге составил 1 915 тысяч рублей, т. е. увеличился по сравнению с показателями периода конца 1940-х гг. более чем в 2 раза (см. табл. 2).

Вместе с тем в те годы имелись и недостатки в работе завода: тяжёлые условия труда в кузнечном цехе из-за отсутствия в его помещении вентиляции, значительные потери металла, связанные с выпуском некачествен-

ной продукции, недостаточное проведение работ по снижению текучести кадров — на заводе не хватало литейщиков и кузнецов [7].

В 1959 г. предприятие было переименовано в Полоцкий завод санитарно-технических изделий и сельскохозяйственного инвентаря и разделилось на два основных участка — кузнечно-механический и литейный, который специализировался на чугунном литье. В состав вспомогательного производства входила ремонтная и транспортная группы [1]. В период с 1957 по 1964 г. осуществилась реконструкция литейного производства в направлении расширения выпуска изделий санитарно-технического назначения (фасонно-канализационные части и сифоны) [16].

В 1967 г. предприятие вернуло своё прежнее название — Полоцкий литейно-механический завод, директором которого был назначен В. К. Климков [20]. К тому времени в список основной продукции входили изделия сельскохозяйственного назначения (плуги, окучники, культиваторы, стойловое оборудование, автопоилки, подвесные дороги для животноводческих ферм, запчасти к сельхозмашинам, оси для телег), товары народного потребления (топоры, лопаты, вёдра, вешалки для одежды, портсигары, сухарницы, пепельницы), а также чугунное литьё (рама пианино, фасонно-канализационные части, сифоны, весовое литьё, пластины детского рояля) [11].

Продукция литейно-механического завода поставлялась по всей Беларуси: Полоцкому нефтеперерабатывающему и авторемонтному заводам, весовому заводу в г. Бобруйске, Больше-Можейковскому обзорок-лётному заводу (Гродненская область), Борисовской фабрике пианино, Городокскому райпромкомбинату и другим предприятиям и организациям. Но в основном предприятие работало на нужды колхозов и машинно-тракторных станций. Из 69 названий выпускаемых изделий 62 поступали в сельское хозяйство как белорусской республики, так и Российской Федерации, Украины, Прибалтики, Казахстана [4]. Некоторые сельхозмашины сбывались на мировом рынке. Например, осуществлялись поставки конных плугов в Республику Мали (Западная Африка).

В 1960-е гг. массовый характер на предприятии приняло социалистическое соревнование на звание бригад и ударников коммунистического труда за досрочное выполнение планов. Так, по итогам соцсоревнований за первый квартал 1967 г. литейно-механический завод был занесён на городскую Доску Почёта. В третьем квартале 1969 г. коллектив Полоцкого литейно-механического завода был отмечен на республиканском уровне за положительные показатели в производственной деятельности наряду с коллективами Могилёвского металлургического завода и Витебской фабрики художественных изделий [10]. Годовой план по производству и реа-

лизации продукции выполнен на 105,6%, сверхплановая прибыль составила 52 тыс. рублей, были введены в производство 17 единиц нового оборудования и внедрено 24 рационализаторских предложения с экономическим эффектом в 27 тыс. рублей. В 1960-е гг. на территории Полоцкого района для заводчан построили базу отдыха «Щаты» на 60 мест с оборудованными бытовыми и культурно-просветительными помещениями, лодочной станцией и спортивным инвентарём [12]. По итогам республиканского социалистического соревнования в трёх кварталах 1969 г. за достигнутые успехи в производственной и хозяйственной деятельности коллективу предприятия было присуждено первое место и переходящее Красное Знамя, а также вручена денежная премия в размере 4 200 рублей [12].

Таких высоких показателей Полоцкий литейно-механический завод достиг благодаря внедрению ряда рационализаторских предложений и высококачественного труда передовиков производства. В 1955 г. из 19 рационализаторских предложений 15 внедрили в производство [6]. Среди инициаторов многих начинаний в период восстановления завода был Н. Н. Левданский, работавший на предприятии ещё с 1930-х гг. В послевоенное время он был начальником литейного цеха, а затем возглавлял один из колхозов на Полотчине. В 1962 г. Н. Н. Левданский вернулся на родной завод слесарем [8]. За боевые и трудовые заслуги он был награждён орденом Красной Звезды, а в 1966 г. — орденом Ленина. Среди передовиков производства были токарь Д. П. Хаменко, награждённый в 1971 г. орденом Ленина, участник Великой Отечественной войны, электрик, Я. Ф. Шкиндр, в 1975 г. удостоенный звания «Заслуженный работник промышленности». Мастер литейного цеха А. Патетько и начальник кузнечного цеха М. Раскин зарекомендовали себя как передовики и новаторы производства. Лучшими рационализаторами завода в 1950-е гг. также были Д. Точило, мастер литейного цеха, технолог, В. И. Берзон, строгальщик, затем конструктор и заместитель начальника технического отдела, В. Иоффе, слесарь-инструментальщик [6].

Среди рационализаторов были и первые ударники коммунистического труда предприятия: А. И. Горбачёв, который после окончания Белорусского политехнического института работал начальником ремонтно-механического цеха, а затем исполнял обязанности главного инженера предприятия; Г. В. Кривенков, шлифовщик, мастер механического цеха, проработавший в общей сложности на заводе 44 года; Е. С. Вальшонок, токарь, общий стаж работы которого на предприятии составил 37 лет.

Таким образом, Полоцкий литейно-механический завод, восстановленный почти сразу после освобождения Полотчины от немецко-фашист-

ких захватчиков, в период с 1945 по 1970 г. значительно расширил, в сравнении с довоенными, свои производственные мощности. В течение первого послевоенного десятилетия осуществлялась реконструкция предприятия, были введены в эксплуатацию новые цеха. Механизация производства во второй половине 1950-х гг. позволила существенно повысить производительность труда, расширить номенклатуру выпускаемой продукции и освоить новые виды изделий. За два с половиной десятилетия заметно возросла численность квалифицированных рабочих. Из года в год увеличивался объём выпускаемой продукции и расширялся рынок сбыта. Это позволило Полоцкому литейно-механическому заводу занять своё место в ряду крупнейших и авторитетнейших промышленных предприятий республики.

История Полоцкого литейного предприятия на этом не заканчивается и требует дальнейшего исследования архивных документов и проведения более глубокой поисково-краеведческой работы.

Список литературы и источников

1. Акт передачи Полоцкого завода сантехизделий и сельхозинвентаря из ведения Управления бытового обслуживания и местной промышленности Витебского облисполкома в ведение Управления автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения СНХ БССР // Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). — Фонд 839. — Оп. 4. — Д. 23. — Л. 1.
2. Бажан, В. Рацыянальна выкарыстоўваем вытворчую плошчу і абсталяванне / В. Бажан // Сцяг камунізма. — 1955. — 19 студз. — С. 2.
3. Банько, Л. Прадукцыя ў лік новай пяцігодкі / Л. Банько // Сцяг камунізма. — 1955. — 29 крас. — С. 3.
4. Барановіч, В. Асвойваем выраб новай прадукцыі / В. Барановіч // Сцяг камунізма. — 1955. — 10 ліп. — С. 2.
5. Гаўрылава, С. Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944—1954 гг. Частка 1. Першыя крокі на шляху аднаўлення. Прамысловасць / С. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік (зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, І. П. Воднева, С. В. Нікалаева. — Полацк: [НПГКМЗ], 2011. — 468 с.: іл.
6. Голанд, Г. Сямігодка ліцейна-механічнага... / Г. Голанд // Сцяг камунізма. — 1958. — 23 снеж. — С. 2.
7. Жарчанка, В. З малога складаецца вялікае / В. Жарчанка // Сцяг камунізма. — 1967. — 10 ліп. — С. 2.
8. Жарчанка, В. Яго біяграфія — гісторыя завода / В. Жарчанка // Сцяг камунізма. — 1967. — 16 ліп. — С. 2.

9. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; П. Т. Петриков (отв. ред.) — 2-е изд., перераб. и доп.— Минск: Наука и техника, 1987.— 320 с.: ил.
10. Постановление Министерства местной промышленности от 28.10.1969 г. об итогах республиканского социалистического соревнования коллективов и предприятий Минместпрома БССР за III квартал 1969 г. в честь 100-летия со дня рождения Ленина // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 4.— Д. 87.— Л. 120.
11. Пракаповіч, А. Рабочае сумленне — лепшы кантралёр / А. Пракаповіч // Сцяг камунізма.— 1967.— 3 сак.— С. 2.
12. Приказ министра Местной промышленности БССР Г. Семенихина от 20.11.1969 г. о ходе социалистического соревнования за высокую культуру производства в честь 100-летия со дня рождения Ленина на Полоцком литейно-механическом и Витебском инструментальном заводах // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 4.— Д. 87.— Л. 135.
13. Приказ от 14.04.1950 г. министра местной промышленности Я. Кагана // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 1.— Д. 32.— Л. 83.
14. Производственный план завода на 1949 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 1.— Д. 26.— Л. 16.
15. Производственный план на 1948 г. в разрезе кварталов по литейно-механическому заводу г. Полоцка // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 1.— Д. 16.— Л. 2.
16. Производственный план по литейно-механическому заводу на 1957 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 3.— Д. 25.— Л. 22.
17. Протокол № 2 заседания балансовой комиссии Белметаллотреста по рассмотрению годового отчёта за 1948 г. от 11.03.1949 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 1.— Д. 23.— Л. 79.
18. Раскін, М. Замест сельскагаспадарчых майстэрняў / М. Раскін // Сцяг камунізма.— 1967.— 14 крас.— С. 3.
19. Решение Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся от 30.11.1948 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 3.— Д. 1.— Л. 134.
20. Статистический отчёт за 1967 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 839.— Оп. 4.— Д. 61.— Л. 33.

УДК 614(476.5)"1941"

САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 22 АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ИЮНЕ — ИЮЛЕ 1941 Г.

Копыл С. П.

заведующий Музеем боевой славы — филиалом НПИКМЗ

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в лечебных заведениях всех наименований было учтено 22 326 907 человек, прошедших госпитализацию. Из них только за шесть месяцев 1941 г.— 2 118 666 человек. Эти данные характеризуют так называемые санитарные потери. Под ними понимаются раненые, контуженные, больные и обмороженные военнослужащие, утратившие боеспособность и эвакуированные из района боевых действий в лечебные заведения не менее чем на одни сутки. Военно-медицинская статистика показывает, что из числа раненых, контуженных и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, 71,7% было возвращено в строй, 20,8% признано негодными к службе и уволено из армии с исключением с воинского учёта или в долгосрочные отпуска по болезни. И только около 7,5% умерло [7, с. 8, 241, 242].

Этот результат достигнут тем, что советская военная медицина в предвоенные годы активно развивалась и совершенствовалась. В организации её работы учитывались как достижения отечественной медицинской науки, так и опыт, полученный в ходе локальных войн и вооружённых конфликтов. Боевые действия на Дальнем Востоке против японских войск, Советско-финляндская война внесли коррективы в организацию санитарной службы Красной армии. Весной 1941 г. был проведён разбор тех событий. В период с 18 по 25 апреля 1941 г. в г. Москве состоялся сбор руководящих работников армейской медицины. С докладом «Об итогах медико-санитарного обеспечения боевых действий войск в Монгольской Народной Республике и Финляндии, о состоянии и задачах Санитарной службы Красной Армии» выступил начальник Санитарного управления Красной армии дивизионный врач Е. И. Смирнов. По результатам сборов были выработаны предложения, вскоре утверждённые Народным комиссаром обороны. Согласно им, из состава стрелковых дивизий изымались дивизионные госпитали, батальонные врачи переводились в полки, а в медико-санитарных батальонах дивизий число хирургов увеличивалось до 14 человек, что позволяло ежедневно обработать до 500 раненых и больных. Кроме того, для каждой армии формировались роты медицинского усиления и обмы-

вочно-дегазационные роты. Совершенствовалась и номенклатура военно-учётных медицинских специальностей. С этой целью в армии были введены нейрохирурги, челюстно-лицевые хирурги, врачи — клинические лаборанты, врачи-стоматологи, а также старшие операционные сёстры [4, с. 56—62].

Перед второй мировой войной положение раненых, больных и медицинского персонала в районе боевых действий определялось третьей Женевской Конвенцией принятой 27.07.1929 г. Называлась она «Конвенция по улучшению участи раненых в действующих армиях». Согласно её статьям, к медицинскому персоналу, т. е. к военным врачам, фельдшерам, медицинским сёстрам, стали относиться санитары, санитарные инструкторы и санитары-водители. Они должны были носить на левом рукаве белую повязку с красным крестом и иметь удостоверение личности. Кроме того, эмблема красного креста должна была фигурировать на флагах и всех материальных средствах, принадлежащих медицинской службе. Конвенция требовала, чтобы на поле боя, оставшемся за победителем, были организованы мероприятия по поиску раненых и убитых. Победитель должен защищать их от мародёрства и плохого обращения. Раненые и больные, попавшие в руки врага, получали статус военнопленных. Если воюющая сторона вынуждена была оставить раненых и больных противнику, то, насколько позволяли условия, она должна оставить с ними часть своего медицинского персонала и материалов для их лечения. Медицинский персонал, захваченный противной стороной, не должен был рассматриваться, как военнопленный, а при первой возможности вместе со всем имуществом, средствами передвижения и личным оружием должен был быть передан врагу. СССР ратифицировал Конвенцию 25.08.1931 г., а Германия почти два с половиной года спустя — 21.02.1934 г. Т. о. обе стороны приняли на себя обязательства гуманного отношения к раненым, больным и медицинскому персоналу [1, л. 22; 2].

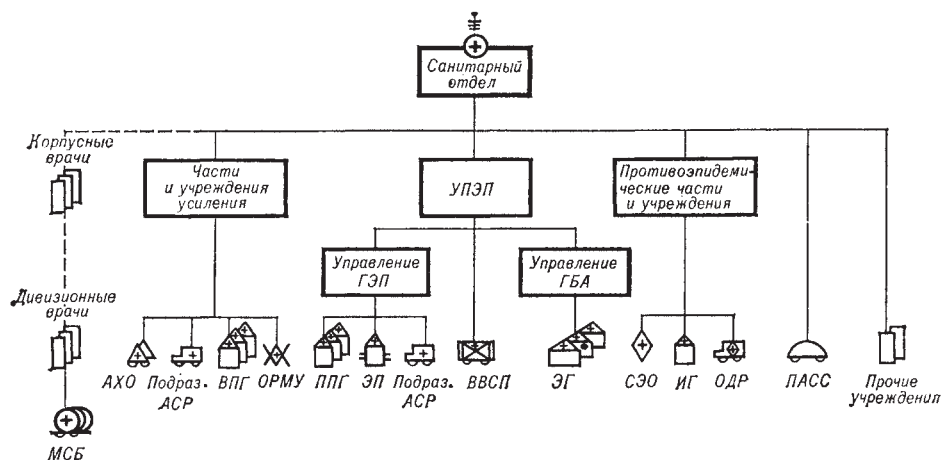
Работа санитарной службы Красной армии строилась, прежде всего, в соответствии с требованиями Полевого устава РККА, утверждённого в 1939 г.

Согласно им, эвакуация и лечение раненых и больных осуществлялась в стрелковом полку — санитарной частью полка, развёртывающей батальонные медицинские пункты (БМП) в 1—2-х км от линии фронта и полкового пункта медицинской помощи (ППМ) в 3—6 км от линии фронта. В дивизии — медико-санитарным батальоном, разворачивающим дивизионный пункт медпомощи (ДПМ) в 8—10 км от линии фронта и на пункте сбора легкораненых (ПОЛ) в районе дивизионного обменного пункта.

Многочисленные командно-штабные игры и войсковые учения предвоенной поры показали, что стрелковая дивизия Красной армии была тяжёлой и громоздкой для современной маневренной войны. Поэтому

5.04.1941 г. был утверждён новый штат стрелковой дивизии на военное время. По сравнению с предыдущим, от 10.06.1940 г., количество личного состава в нём было уменьшено на 15,6% и составило 14 483 человека, из них 3 352 человека приходилось на тыл. Среди личного состава тыла стрелковой дивизии около четверти (25%) занимали медицинские работники всех уровней от дивизионного врача до санитары роты [9].

Рисунок. Схема организации санитарной службы армии [5]

Условные обозначения:

АСР — автосанитарная рота.

АХО — автохирургический отряд.

ВПГ (ПВПГ) — военный полевой (полевой военный) госпиталь.

ВВСП — временный военно-санитарный поезд.

ИГ — инфекционный госпиталь.

МСБ — отдельные медико-санитарные батальоны дивизий.

ОДР — обмывочно-дезинфекционная рота.

ОРМУ — отдельная рота медицинского усиления.

ПАСС (ГАСС) — полевой (головной) армейский санитарный склад.

ППГ — полевой подвижный госпиталь.

СЭО — санитарно-эпидемиологический отряд.

УГБА — управление госпитальной базы армии.

УГЭП — управление головного эвакоприёмника.

УПЭП — управление полевого эвакоприёмника.

ЭГ — эвакуационный госпиталь.

ЭП — эвакоприёмник.

Прочие учреждения: постоянные и временные военно-санитарные поезда, санитарные летучки, полевые прачечные отряды, мех. прачечные, зуботехническая лаборатория, патологоанатомическая лаборатория, авиационная санитарная эскадрилья.

По взглядам советской военной науки того времени, схема организации санитарной службы армии выглядела следующим образом [5] (см. рисунок).

О довоенных планах размещении госпиталей на случай войны в г. Полоцке частично рассказывает переписка о ходе выполнения плана оборонных мероприятий по округу за 1941 г. Помимо командования ЗапОВО, в его реализацию были вовлечены все народные комиссариаты БССР. Так, изготовлением и размещением санитарного оборудования к автобусам занимался Народный комиссариат автомобильного транспорта республики. В соответствии с разработанным и подписанным начальником и старшим инженером мобилизационного отдела данного наркомата на 1.01.1941 г. в г. Полоцке имелось 7 автобусов и 19 грузовых автомашин. Для сравнения, в это же время в областном Витебске числилось 16 автобусов и 25 грузовых автомашин. В течение года планировалось поставить в Полоцк ещё 3 автобуса. На все автобусы уже было изготовлено оборудование, предназначенное для перевозки раненых. Однако вызывает вопросы тот факт, что в плане на 1941 г. запланировано изготовление только трёх комплектов оборудования на грузовые автомашины.

14.04.1941 г. военный комиссар Витебского областного комиссариата докладывал на имя начальника устройства тыла, снабжения и дорожной службы ЗапОВО, что: *«Для производства работ по приспособлению школ №№ 9, 12, 2 проекты и сметы составлены, договор со строительной организацией заключен, но к работе не приступили исключительно из-за отсутствия фондируемых материалов. Приспособление зданий Полоцкого лесного техникума и Полоцкого строительного техникума не производится. По данному вопросу запрошены Наркозем и Нарколес БССР, но ответа не получено. Ассигнованные 140,5 тыс. рублей на работы по приспособлению казарменного помещения НКО в г. Полоцке бывшего Кадетского корпуса не используются из-за отсутствия в Обл.ФО данных какую необходимо финансировать на эту цель организацию»* [17, л. 7]. В данном документе речь идёт о типовых школах, которые были построены в 1936—1940 гг. Кирпичные здания имели два этажа, широкие коридоры, большие классы. Их стены опирались на фундамент размером 50×40 м. В народе их называли «Сталинскими».

О первых днях войны, связанных с мобилизацией, сохранилось не так много свидетельств очевидцев и участников тех событий. Одно из них оставила жительница Полоцкого района Н. Ф. Осипова, 1914 г.р. Уже после войны она писала: *«В первой Боровухе возле г. Полоцка формировалась воинская часть и наш медсанбат. Это 50 дивизия, 10 медсанбат. Я встретила много знакомых медиков: с г. п. Ветрино — врачи Качурин и Мищенко, с г. Полоцка — Стрижевская, Волкова, Ольга Гатих, Головнёва. Нас распределили по местам.*

С этого и началась моя военная служба. Утром наши казармы бомбили. Мы приняли своё первое боевое крещение, в котором погибло много людей». Т. к. к моменту окончания прибытия приписного личного состава стало невозможно организовать их отправку в свои части, то было принято решение об их использовании в обороне Полоцкого боевого участка. Так, сводный стрелковый полк 50-й СД занял позиции на южном фасе укреплённого района, а медиков распределили по формирующимся госпиталям и санитарным частям 22-й армии. Далее Н. Ф. Осипова вспоминала: «К сумеркам подошли груженные машины — аптека, операционная, перевязочная, все, что надо для работы полевого госпиталя. Нас везли на машинах через Полоцк, Горяны, речку Оболь. Свернули в лес. Лес уже весь был полит кровью. Работать приходилось много, т. к. раненых бойцов было столько, что пересчитать практически было невозможно. Нас бомбили зажигательными бомбами. Операции и перевязки проходили под страшным огнём противника».

Полочанин Б. Г. Трифсик, в 1941 г.— студент Витебского медицинского института писал: «В 1941 году, в конце 4-го курса учёбы я в числе большой группы студентов был направлен на врачебную практику в Полоцкую городскую больницу им. В. И. Ленина. Здесь мы получили возможность учиться и работать у замечательных высококвалифицированных врачей: Б. А. Боравского, В. С. Магаршака, Михаила Дунье, Михаила Павловича Мышкина и др. С началом войны почти всех врачей и многих сестёр призвали в армию. В хирургическом отделении остался только М. П. Мышкин, который исполнял обязанности главного врача больницы. Студенты-практиканты, не получив указаний из института, разъехались. В то же время из города и близлежащих деревень начали поступать раненые. Я непрерывно днём и ночью находился в хирургическом отделении» [11, л. 4].

Главным санитарным учреждением гарнизона являлся Полоцкий военный госпиталь, развёрнутый в зданиях Полоцкого кадетского корпуса ещё в 1928 г. С 23.06.1941 г. госпиталь приступил к выполнению организационно-мобилизационных мероприятий. Прежде всего, начались перемещения врачей в пределах ЗапОВО и образованного Западного фронта: врач Хазанова убыла в распоряжение Витебского облздравотдела, военврач 2 ранга Н. И. Бурский — в распоряжение начальника санитарной отдела 10-й армии Западного фронта, военврач 2 ранга И. И. Катаков и рентгентехник красноармеец М. А. Григорьев — в Лидский военный госпиталь. После передачи дел и должности своему заместителю по мед. части военврачу 2 ранга Н. Жилкину в Лидский военный госпиталь на должность его начальника должен был убыть и Н. А. Фоменко. Идущих на поправку больных-военнослужащих стали выписывать в свои части и подразделения. Начался приём врачей, среднего и вспомогательного медперсонала из Полоцкого

горздравотдела и районного военного комиссариата. Перед личным составом теперь уже военного госпиталя № 431 стояла задача в короткие сроки развернуться с 300 коек до госпиталя на 800 койко-мест. Бывший работник учреждения М. С. Калидова вспоминала: «23 июня 1941 года я пришла добровольно в военкомат. Направили в 431 военный госпиталь. Меня встретили начальник госпиталя и комиссар. В палатах лежали довоенные больные. 24 июня уже стали приезжать медики. За первые дни войны приняли около 50 человек эвакуированных раненых. Бойцов кормили, поили, заполняли фронтовые карточки и готовили к дальнейшей эвакуации. Полоцк всё время бомбили. Было страшно. Больных прятали в подвал» [10, с. 115]. (см. табл. 1)

Недостающее по новым штатам имущество и медикаменты получались из расположенного здесь же на территории госпиталя гарнизонного санитарного склада № 715.

Таблица 1. Количество больных и раненых ЭГ № 431 в июне 1941 г.

<i>Дата</i>	<i>23.06</i>	<i>24.06</i>	<i>25.06</i>	<i>26.06</i>	<i>27.06</i>	<i>28.06</i>	<i>29.06</i>	<i>30.06</i>
<i>Количество больных и раненых</i>	160	146	127	192	317	408	294	373

[14, л. 164 об].

Увеличение пациентов с 26.06.1941 г. связано с началом поступления раненых с фронта и с действиями немецкой бомбардировочной авиации. Несмотря на трудности с транспортом, удалось отправить в тыл первую партию раненых из 114 человек. Однако в результате очередной бомбардировки города в госпиталь 30.06.1941 г. привезли ещё 79 человек. Не сумев пробиться в г. Лиду, к временному исполнению обязанностей начальника 431-го военного госпиталя вернулся военврач 2 ранга Николай Александрович Фоменко.

По данным Военно-медицинского архива на 23.06.1941 г. в г. Полоцке дислоцировался ППГ № 721. Под управлением военврача 2 ранга Тимофея Васильевича Дёмина он формировался, предположительно, на базе полоцкого военного госпиталя № 431. На его укомплектование из Полоцкого РВК прибыли медицинские сёстры Лидия Ивановна Купченко и Мария Ивановна Марченко. Обе жительницы д. Скуево Полоцкого района. Из Дзержинского РВК г. Ленинграда по мобилизации приехала Н. А. Галицкая. В её наградном листе от 1943 г. говорится: «Боевую жизнь начала с г. Полоцка, где не щадя сво-

ей жизни, самоотверженно работала по оказанию помощи раненым бойцам и командирам во время неоднократных налётов вражеской авиации. Особенно жестоки были налёты 2—3 июля 1941 г., когда до 40 самолетов налетало на город, причём объектом бомбардировки был и госпиталь, когда было несколько прямых попаданий» [13]. Грамотно организованная 4.07.1941 г. эвакуация госпиталя из горящего г. Полоцка, позволили сохранить личный состав и материальную часть. При этом было вывезено 190 человек раненых бойцов, командиров и 10 человек тяжелобольных из числа гражданского населения.

В период с 22.06.1941 — 24.06.1941 г. в соответствии с Мобилизационным планом в г. Полоцке городским отделом здравоохранения начали формироваться два эвакуационных госпиталя № 2069 и № 2075, на 500 мест каждый. О втором из них известно крайне мало: сформирован 22.06.1941 г., что сомнительно, зная сроки отмобилизования новых учреждений, скорее всего — с 23.06.1941 г. С 24.06 по 4.07 1941 г. он находился в подчинении Санитарного отдела Западного фронта, с 7.07 перешёл в подчинение Санитарного отдела 22-й армии Западного фронта. Начальник госпиталя военврач 1 ранга Штейнгардт. Расформирован 24.11.1941 г. [15].

Об Эвакогоспитале № 2069 информации больше. С 24.06.1941 г. его формировал военврач 2 ранга Вениамин Соломонович Магаршак, призванный Полоцким РВК с должности главного врача городской больницы им. В. И. Ленина. С этого же дня госпиталь вошёл в подчинение Санитарного отдела Западного фронта. 25.06.1941 г. на его довольствии уже числилось 69 человек. В последующие дни их количество возросло (без разбивки на личный состав госпиталя и поступивших больных). Связано это с вышеперечисленными причинами: с поступлением раненых с фронта и действиями немецкой бомбардировочной авиации. (см. табл. 2)

Таблица 2. Количество довольствующих ЭГ № 2069 в июне — июле 1941 г.

Дата	26.06	27.06	28.06	29.06	30.06	1.07
Количество	103	130	160	270	380	600

[16, л. 9 об.].

До момента эвакуации учреждения из города по разнарядке Полоцкого горздрава дополнительно прибыли врач Шейнин на должность консультанта эвакогоспиталя, 13 врачей, 29 медсестёр и 35 красноармейцев. Гужевого транспорт пополнился 11 обозными лошадьми [16, л. 3 об., 5].

Неопределённое положение на фронте, оставление Красной армией западных областей Беларуси, почти всей Литвы, сдача г. Минска, а на

местном уровне — две массированных бомбардировки г. Полоцка немецкой авиацией привели к решению о выводе всех госпиталей из города.

1.07.1941 г. по железной дороге убыл военный госпиталь № 431, на следующий день 2.07.1941 г.— эвакогоспиталь № 2075. Через день, 4.07.1941 г.— полевой подвижный госпиталь № 721. Мы предполагаем, что эвакогоспитали № 2069 и № 2075 были отправлены в один день. Уже в пути начальник ЭГ № 2069 получил приказ о передислокации не в г. Осташков, а в г. Пенно. Отправленные своим ходом 17 лошадей с упряжью и 16 повозками на 21.07.1941 г. в расположение учреждения не прибыли. С ними находились 19 красноармейцев, вооружённых 6 винтовками с 790 боевыми патронами [16, л. 15].

24.06.1941 г. в 19.30 в Москве была подписана директива ГШ Красной армии № 47/ш об организации санитарного тыла ПрибОВО. В директиве предусматривалась и организация госпитальной базы Северо-Западного фронта. С этой целью фронтовому эвакуопункту подчинялись Псковский местный эвакуопункт (МЭП) № 111, Новгородский МЭП № 110, Калининский МЭП № 38, г. Даугавпилс и Полоцкий МЭП № 112. В Полоцкий МЭП входили госпитали в г. Полоцке № 431 — 800 коек, № 2069 — 500 коек, № 2075 — 500 коек. Итого в Полоцке 1800 коек. В г. Невеле № 1131 — 200 коек, № 1132 — 200 коек и 40 оперативных коек. Итого в Невеле 440 коек. В Торопце № 1129, № 1130 и № 1427 — на 200 коек каждый, итого — 600 коек. В г. Великие Луки № 423 — 100 коек, № 1126 — 400 коек, № 1127 и № 1128 на 200 коек каждый. Всего в Великих Луках 900 коек. В Новосокольниках № 1316 — 200 коек. В Глубоком № 2065 — 200 коек. В Воропаеве № 2384 — 300 коек. В Поставах № 2086 — 300 коек. Всего Полоцкий МЭП № 112 должен был объединить 4 540 коек. Местные эвакуационные пункты, являясь местными органами Санитарного управления Красной армии, обеспечивали работу военно-санитарного транспорта, распределение раненых по госпитальным гарнизонам, сбор сведений о коечной сети, хозяйственном положении, обеспеченности медицинскими кадрами. Кроме того, они руководили лечебной, воспитательной и научной деятельностью эвакогоспиталей, а также оказывали им методическую помощь, обеспечивали санитарный надзор за их работой, снабжали нарядами на продовольственное и вещевое довольствие как госпиталей, так и приписанных военно-санитарных поездов.

Для их обеспечения лекарствами и медимуществом планировалось использовать Головной санитарный склад № 1606, развёрнутый на базе Полоцкого гарнизонного санитарного склада № 715.

С 17.06.1941 г. в Витебскую область БССР и соседние районы Калининской области РСФСР стали прибывать шесть стрелковых дивизий,

два управления стрелковых корпусов с частями корпусного подчинения, объединённых Полевым управлением 22-й армии Уральского военного округа. Все дивизии прибывали со своими штатными медико-санитарными батальонами, имея по личному составу укомплектованность по штатам мирного времени, а по вещевому, санитарному снабжению и вооружению — по штатам военного времени. Возглавлял санитарный отдел армии военврач 1 ранга М. Г. Лазарев. Ему подчинялись санитарные отделы корпусов и 62-й корпусной военной госпиталь. На санитарные отделы корпусов через дивизионных врачей замыкались шесть медико-санитарных батальонов, также развёрнутых по штатам мирного времени, но имеющих запас всего необходимого на войне. В директиве по тылу 22-й армии № 1 от 28.06.1941 г. определялось, что *«Для санитарного обеспечения намечено открытие Головного эвакуационного пункта и полевых подвижных госпиталей в гг. Полоцк, Витебск, Идрица»* [18, л. 1 об.].

За основу развёртывания сети ППГ первой линии брался 62-й корпусной военной госпиталь под руководством военврача 2 ранга Якова Никифоровича Борисова. В пункт назначения (ж. д. станция Идрица) госпиталь прибыл к исходу 25.06.1941 г. При себе имел всё имущество неприкосновенного запаса, за исключением тёплого белья и стационарного оборудования (рентгенустановка, электроавтоклав и т. п.). Из его личного состава немедленно был выделен кадр для развёртывания трёх полевых подвижных госпиталей: ППГ № 2, ППГ № 3, ППГ № 207, а он сам приступил к развёртыванию по штатам военного времени. Работая на станции Идрица, в течение трёх суток ПВГ № 62 принял около 1 000 раненых и организовал их эвакуацию во фронтовой тыл.

В 10.00 29.06.1941 г. из Челябинска отправился эшелон с приписным составом медиков для этих четырёх полевых госпиталей. Через 10 суток пути в самый разгар боёв необмундированные врачи, фельдшеры и медсёстры прибыли в г. Великие Луки. 1.07.1941 г. ПВГ № 62 (в/ч 4212) передислоцировался в Городок Витебской области. За двое суток после прибытия в Городок через госпиталь прошло около 200 раненых.

Планы по формированию Управления местного эвакуационного пункта № 112 в г. Полоцке, ещё вчера считавшимся глубоким фронтовым тылом, потеряли свой смысл. Но для оказания организации врачебной помощи раненым, их обслуживания и эвакуации во фронтовую госпитальную базу до прибытия из УрВО ПЭП № 9 необходим был полевой эвакуационный пункт. Поэтому Постановлением Военного Совета армии № 1 от 5.07.1941 г. в г. Великие Луки на базе ЭГ № 432 был сформирован полевой эвакуационный пункт, которому присвоили номер, существовавшего на бумаге Полоцкого МЭП — № 112. Возглавил

УПЭП № 112 военврач 1 ранга Ефим Исаевич Амханицкий, хороший организатор с 15-летней выслугой в Красной армии и имеющий практический опыт руководства Управлением ГОПЭП в ходе Советско-финляндской войны. Следует ещё добавить, что он был назначен Санитарным управлением Красной армии с должности помощника начальника Санитарного управления Харьковского военного округа по боевой подготовке. Оценивая работу в июле 1941 г., военврач 1 ранга Е. И. Амханицкий писал: *«Работу Полевого эвакуопункта № 112 за время пребывания в 22 армии необходимо разбить на три периода. Первый совпадает с размещением Управления в г. Великие Луки в период с 5.7.41 по 16.7.41 включительно. Второй — соответствует пребыванию Управления полевого эвакуопункта в г. Торопец и отвечает периоду работы с 17.7.41 по 29.7.41 включительно. Третий период — соответствует переходу к новому месту расположения с одновременным ознакомлением прибывшего для обслуживания 22 армии Полевого эвакуационного пункта № 9 с входящими в него формированиями в период с 29.7 по 31.7.41 г.*

Самым трудным являлся первый период работы. Наряду с боевым сколачиванием за время с 5.7.41 по 16.7.41, а также за прошедшие до организации полевого эвакуопункта дни с 30.6 по 5.7.41:

поступило раненых и больных в госпиталья — 13377 чел.

эвакуировано из госпиталей в тыл — 12092 чел.

эвакуировано из санэшелонов — 2408 чел.

умерло — 80 чел.

За время работы в г. Великие Луки было подано 23 военно-санитарных поезда, которые совершили 46 рейсов. Головные эвакуопункты не были развёрнуты. Армейского санитарного транспорта для эвакуации не хватало. Основной поток раненых шёл порожняком непосредственно в г. Великие Луки не только из медсанбатов и военных полевых госпиталей, но и из более близких к переднему краю мест скопления раненых. За счёт сортировочного госпиталя и, частично, за счёт резерва медицинского состава, были созданы мощные приёмо-сортировочные пункты при госпитале и на вокзале, которые обеспечивали сортировку и организацию питания раненых и больных. При сортировочном госпитале работала врачебная комиссия, наблюдавшая за правильностью сортировки и здесь же проводившая свою работу» [20, л. 36—39].

Далее Ефим Исаевич Амханицкий продолжал: «Во второй период работы госпитали торопецкой группы и, направленные в г. Осташков из г. Невель и г. Великие Луки шесть госпиталей, получили приказание, дважды подтверждённое Санитарным отделом фронта, перейти в г. Свердловск. В составе 112 ПЭП(а) остались в г. Осташков ЭГ №№ 2069 и 2075. Вместо ушедших госпиталей из г. Торопца на их базе, получив от них большую часть оснащения,

развернулись полевые подвижные госпитали №№ 29, 30, 31, 32, проработавшие здесь с 22.7.41 по 29.7.41 г.

С 29.7.41 г. на ст. Торонец развернулся ГОПЭП № 1, прибывший в составе Полевого эвакуационного пункта № 9, а Управление ПЭП(а) № 112 получило приказ перейти в г. Осташков для развёртывания госпитальной базы армии на базе оставшихся в г. Осташков эвакуогоспиталей и, не обеспеченных автотранспортом, ППГ №№ 29, 30, 31, 32. Уже после начала погрузки госпиталей в эшелоны было получено приказание Санитарного отдела Западного направления оставить полевые подвижные госпитали в районе распорядительной станции Собола и перейти в г. Ржев с Управлением и двумя осташковскими госпиталями на 1 000 мест.

Движение раненых и больных во второй период работы с 17.7 по 29.7.41: поступило в госпитали — 5635 чел.

эвакуировано из госпиталей — 6075 чел.

эвакуировано из санэшелонов — 1140 чел.

умерло — 30 чел.

В третий период работы сведения давал Санотделу 22 армии ГОПЭП № 1. Необходимо, однако, признать, что наибольшее количество погрешностей в сортировке и документации было допущено в последние дни, что объясняется следующим: Управление ПЭП № 112 свернулось, передав работу Головному эвакуационному пункту № 1 и начальнику ПЭП(а) № 9, но в то же время Управление ПЭП(а) № 9 получило приказание разгрузиться не в г. Торонец, а на ст. Собола» [20, л. 39—41].

Из приведённых данных об организации и работе ПЭП № 112 видно, что среднее количество раненых, проходивших через госпитали ПЭП(а), равнялось в первый период 1 007 человек в сутки при средней ёмкости коечного фонда по г. Великие Луки — 900 койко-мест. Подача поездов в среднем составляла 1,5 поезда в сутки. Т. е. без формирования санитарных летучек и помощи санитарной авиации Полевой эвакуационный пункт № 112 не справился бы с эвакуацией раненых из госпиталей и санитарных эшелонов в количестве 21 715 человек. Таким образом, только за июль 1941 г. одним ПЭП(ом) было эвакуировано раненых на две стрелковые дивизии состава, с которым уральская 22-я армия вступила в бой.

По мере готовности частей и учреждений санитарного усиления армии её командование немедленно вводило их для обслуживания стрелковых дивизий. Так, 36-й автохирургический отряд и полевые подвижные госпитали №№ 2 и 2262 вошли в боевые порядки 51-го стрелкового корпуса.

2.07.1941 г. в Городок прибыл из Идрицы формирующийся ППГ № 207 под командованием военврача 2 ранга Евсея Львовича Воронова.

Оставленное им направление Идрица—Себеж прикрыли два отдельных медико-санитарных батальона 21-го механизированного корпуса, который формировался в окрестностях Идрицы, и к этому времени уже был втянут в бои под г. Двинском. Эти два ОМСБ фактически взяли на себя роль передовых подвижных госпиталей первой линии.

Однако ППГ № 207 недолго простоял в Городке: 4.07.1941 г. он убыл в г. Великие Луки для окончательного доукомплектования.

ППГ № 3 принял раненых 186-й стрелковой дивизии 62-го стрелкового корпуса под г. Городком, а ПВГ № 62 10.07.1941 г. из Городка переехал на станцию Дретунь, где уже размещался полевой подвижный госпиталь № 2263 под командованием военврача 2 ранга А. А. Нелазского. Полевой военный госпиталь № 62 занял пустующие помещения медсанчасти в военном городке довоенного полигона «Советская Беларусь». В подготовленных на скорую руку домиках его персонал за последующие двое суток оказал помощь 600 раненым из 174-й стрелковой дивизии и Полоцкого укрепрайона. Для эвакуации раненых не хватало транспорта. Старшая медсестра А. П. Козлова рассказывала, как в один из дней раненых собралось несколько десятков. Машин нет. С оружием в руках она выбежала на дорогу, по которой шли машины с грузом к фронту. Под угрозой револьвера заставила водителя разгрузить транспорт и загрузить раненых [3, с. 4]. 12.07.1941 г. за считанные часы до начала немецкого наступления с Дисненского плацдарма на г. Невель, госпиталь начал убытие в г. Великие Луки. Большая часть имущества осталась на месте, т. к. в первую очередь вывозились раненые. По воспоминаниям старшей операционной сестры ПВГ № 62 Н. И. Гуляевой: *«Развернулись в Дретуни. Место оказалось мрачным: лес, глубокий песок, правда, была и речка. В домиках, где на нарах, а где и на полу на соломе, размещали раненых. Речную воду для стерилизации инструментов кипятили на примусах. В автоклаве стерилизовали бинты, которых не хватало. Хирурги работали напряжённо. На помощь мы привлекали детей и местных жителей. Крестьяне кормили тяжелораненых, писали письма их родным. Бои тем временем приближались. В один из июльских дней мы только успели отправить раненых, как в деревню ворвались немцы. Мы побежали в лес, бросив часть медицинского имущества и склады. Следующим утром начальник госпиталя военный врач 2 ранга Я. Н. Борисов вернулся в Дретунь, чтобы уточнить, можно ли забрать имущество, которое осталось. Однако он наткнулся на автоматный огонь гитлеровцев. Немцы почитали его мёртвым, сняли с него планшет и пошли дальше. На вторые сутки наши бойцы нашли Я. Н. Борисова, принесли его обескровленного в соседний госпиталь, где ему сделали операцию и самолётом отправили в тыл».*

Во время поспешной эвакуации медицинский состав вынужденно разделся на две части: 17 человек вышли к штабу 62-го стрелкового корпуса и дальше совершали выход из тактического окружения вместе с ним. Другая часть успела эвакуироваться с ранеными. Имущество большей частью было потеряно. Все эти факты означали конец деятельности ПВГ № 62, как санитарного учреждения [6, л. 142].

Здесь же на станции Дретунь принимал и обслуживал раненых 162-й отдельный медико-санитарный батальон 174-й стрелковой дивизии, под командованием военврача 3 ранга Алексея Георгиевича Мошкина. За время боёв в Полоцком укрепрайоне медсанбат находился в д. д. Булавки, Червятка, в военном городке Боровуха-3 и на станции Дретунь. Около Булавок и ст. Дретунь размещались аэродромы, на которые садились санитарные самолёты Гражданского воздушного флота. Бывший шофер медсанбата И. К. Сидоренко рассказывал: *«Возил туда раненых, которых отправляли в тыл на У-2. Ездил на полutorке. Её оборудовали под санитарную машину. Из фанеры сбили будку. Вывозил раненых бойцов и командиров из полковых медицинских пунктов в медсанбат. В 3—4-х километрах — передовая. Попадали под артиллерийский и миномётный обстрел, неоднократно — под бомбёжку. Бывало, убивало людей в кузове и кабине. Однажды вёз раненых женщин. Осторожно веду машину, а они бедные плачут от боли, одна начала кричать. Остановился, заглянул в кузов. Один раненый боец говорит: «Ты везёшь хрусталь!» А дороги были очень плохими»* [8, с. 3].

Немецкие самолёты, несмотря на знаки Красного креста, бомбили санитарные эшелоны и госпитали.

К 19.07.1941 г. положение сложилось критическое. Немцы стремились окружить и уничтожить по частям советские войска. Под удар попадали как строевые, так и санитарные части и учреждения с большим количеством раненых.

В окружённом северо-западнее г. Невель 51-м стрелковом корпусе к вечеру 23.07.1941 г. скопилось до 2 000 раненых [19, л. 150]. Попытки пробиться оказались неудачными, и советское командование приняло решение выходить из окружения мелкими группами. Потеря централизованного управления означала разгром соединения. Два госпиталя, медсанбаты 98-й и 112-й стрелковых дивизий оказались предоставленными сами себе и к 25.07.1941 г. большей частью попали в плен. Удалось вырваться армейскому автохирургическому отряду № 36 под командованием военврача 3 ранга М. В. Дунье, призванного Полоцким райвоенкоматом по мобилизации 23.06.1941 г. Представляя Михаила Владимировича к правитель-

ственной награде в январе 1942 г., его командир писал: «Оказавшись в окружении противника вместе с АХО с 15 по 23 июля 41 г., т. Дунье сумел вывести весь личный состав и имущество АХО, производя сам лично с несколькими красноармейцами разведку для продвижения из окружения. 23.VII.41 г. при отходе наших частей на новый рубеж скопилось свыше 300 чел. тяжело-раненых бойцов и командиров РККА. Тов Дунье под обстрелом противника сам лично с оружием в руках ссаживал с движущихся машин здоровых людей, а погружал раненых и, таким образом, вывез всех раненых, которым грозил плен и неминуемая гибель» [12].

При выходе из окружения фактически погибли, как санитарные единицы, полевые подвижные госпитали № 2 (начальник госпиталя военврач 3 ранга Иван Степанович Осипов) и № 2262 (начальник госпиталя неизвестен).

Т. о. санитарный тыл в июне—июле 1941 г. большей частью развёртывался на базах тылов ПриОВО и ЗапОВО. Его мероприятия во многом носили на себе отпечаток вынужденного экспромта. После прорыва фронта немецкими войсками и выхода частей и соединений 22-й армии из окружения Генеральный штаб Красной армии, Санитарный отдел Управления тыла Западного фронта предприняли меры к восстановлению санитарного тыла 22-й армии. Вместо не вышедших из окружения, не развернувшихся до штатов военного времени санитарных частей и учреждений, из резерва выдвигались новые санитарные части и учреждения. Для восполнения потерь, понесённых в боях, из тыловых районов страны и прежде всего из Уральского военного округа в 22-ю армию прибывали врачи и средний медперсонал.

Список литературы и источников

1. Борисов, А. Нюрнбергский процесс, сборник документов / А. Борисов [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/200043>.— Дата доступа: 19.01.2018.
2. Веремеев, Ю. Г. Женевские конвенции о раненых и больных / Ю. Г. Веремеев [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hjst/zeneva-ran-1-c.php>.— Дата доступа: 19.01.2018.
3. Лихачев, В. Стойкость / В. Лихачев // Трудовая смена.— 1981.— 16 июля.— С. 4.
4. Малахов, Д. Н. Совершенствование тыла Красной Армии в предвоенный период / Д. Н. Малахов [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://vestnik.uspu.org/releases/istoriya/38_2/.— Дата доступа: 19.01.2018.
5. Медицинская служба [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://бмэ.орг/index.php/МЕДИЦИНСКАЯ_СЛУЖБА.— Дата доступа: 19.01.2018.

6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоу (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: БелЭн, 2002.— 912 с.: іл.
7. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование / Министерство обороны Российской Федерации; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева.— М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.— 608 с.: ил.
8. Сидоренко, И. К. За баранкой до победы / И. К. Сидоренко // Сцяг камунізму.— 1985.— 25 чэрв.— С. 3.
9. Стрелковая дивизия, штат № 04/400 от 5.04.1941 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rkka.ru/iorg.htm>.— Дата доступа: 19.01.2018.
10. Сыревич, И. В. Полочане-медики — на фронтах Великой Отечественной войны / И. В. Сыревич // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2012 г.) / уклад. Т. У. Явіч.— Полацк: НППКМЗ, 2013.— С. 111—128.
11. Трифсик, Б. Г. Воспоминания врача — Трифсика Бориса Григорьевича. [Рукопись].— г. Полоцк, 1986.— 21 с. (НПИКМЗ КП4-2032/15).
12. ЦАМО РФ.— Ф. 33.— Оп. 682524.— Ед. хр. 319.— № записи 11495579 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?id=11495579&tab=navDetailDocument>.— Дата доступа: 18.01.2018.
13. ЦАМО РФ.— Ф. 33.— Оп. 682526.— Ед. хр. 467.— № записи 16057290 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?id=16057290&tab=navDetailDocument>.— Дата доступа: 18.01.2018.
14. ЦАМО РФ.— Ф. 431 ВГ.— Оп. 15379.— Д. 1.
15. ЦАМО РФ.— Ф. 54484.— Оп. 16604 (2075 ЭГ).
16. ЦАМО РФ.— Ф. 2069 ЭГ (СЭГ).— Оп. 16000.— Д. 1.
17. ЦАМО РФ.— Ф. 127.— Оп. 12915.— Д. 159.
18. ЦАМО РФ.— Ф. 376.— Оп. 10807.— Д. 3.
19. ЦАМО РФ.— Ф. 376.— Оп. 10803.— Д. 34.
20. ЦАМО РФ.— Ф. 35104.— Оп. 25104.— Д. 1.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЭКСПОЗИЦИИ 3-ГО ЗАЛА ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Кочерягина Ю. Н.

старший научный сотрудник Детского музея — филиала НПИКМЗ

Есть в мире ценности, над которыми не властно время. Это нравственные ценности: понимание добра и зла, любви и ненависти, бескорыстия и эгоизма. Эти нравственные законы выработаны веками, передаются из поколения в поколение. Они помогают сохранить всё самое лучшее, самое светлое в человеке. И хранилищем этих законов являются книги.

В энциклопедическом словаре детская книга определяется как «...тип книжного издания, материальное воплощение произведения детской литературы, одно из важнейших средств развития личности, образования, распространения знаний. Как явление духовной и материальной культуры отражает исторические, национальные, социальные особенности воспитания подрастающих поколений в конкретную эпоху» [1].

Детской литературой обычно называют произведения, которые читаются детьми и написаны для детей от 0 до 16 лет. Но правильнее говорить о круге детского чтения, потому что в понятие «детская литература» входят 3 типа произведений:

- произведения, написанные специально для детей (стихи А. Барто, К. И. Чуковского, С. Я. Маршака и др.);
- произведения, написанные для взрослых, но перешедшие в круг детского чтения (сказки А. С. Пушкина, П. П. Ершова, А. С. Некрасова);
- произведения, сочинённые самими детьми, т. е. детское литературное творчество (детский фольклор) [2].

Как известно, детская литература берёт свое начало в недрах народного творчества. Колыбельные песни, потешки, прибаутки, былины, сказки — основные жанры фольклора. И только с XVI—XVII вв. детскому чтению стало уделяться больше внимания. В азбуки и буквари начали включать религиозные тексты, например, молитвы, жития святых. Во времена правления Петра I шёл активный процесс формирования детской литературы. Но, пожалуй, самый большой скачок в развитии детской литературы можно отнести ко второй половине XVIII в. В это время огромное количество произ-

ведений переводилось с иностранных языков. Значимый вклад в развитие детской литературы внесли такие русские писатели, как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин и др. Золотой век детской литературы относится к середине XIX столетия.

О важности детской литературы, как объекте духовной культуры и средстве воспитания, обращённого к ребёнку, к его внутреннему миру, говорили известные педагоги и психологи: К. Д. Ушинский, Е. И. Тихеева, С. Л. Рубинштейн и другие [3].

Детская литература, будучи частью общей литературы, обладает присущими только ей особенностями:

- ориентирована на интересы детей-читателей;
- основной функцией детской литературы является формирование у ребёнка первичного целостного образного представления о мире (изначально эта функция осуществлялась через фольклорные произведения);
- содержание и язык детских произведений неизбежно соотносится с психологией ребенка и соответствует определённому возрасту детей [4, с. 1, 5].

Традиционно принято следующее деление художественных произведений для детей:

- произведения для самых маленьких (0—2 года);
- дошкольный возраст (от 2 до 5 лет);
- старший дошкольный возраст (5—7 лет);
- литература для младших школьников (6, 7—9 лет);
- средний школьный возраст (10—13 лет);
- старший школьный возраст (14—16 лет) [5].

Кроме основной, с точки зрения педагогики, воспитательной роли, детская литература выполняет ряд немаловажных функций [3].

- 1) Познавательная. Благодаря чтению, слушанию книг расширяется кругозор детей. Всё, что было неизвестно или недоступно для детского понимания, описывается понятно, доходчиво, простым языком. Из книг ребенок получает много новой интересной информации на разные темы: о природе, животных, растениях, людях, взаимоотношениях, поведении и т. д.
- 2) Развивающая. В процессе чтения формируется, совершенствуется речь, накапливается словарный запас. Кроме того, обдумывание, ос-

мысление, представление прочитанного раскрывает творческие способности, фантазию.

- 3) Развлекательная. Ребёнок проводит свободное время с пользой и интересом. Без этой функции невозможно выполнить ни одну, ни другую. Только увлечённый чтением ребёнок может получить от книги удовольствие, узнать что-то новое, научиться чему-то полезному для себя.
- 4) Мотивирующая. Определённые моменты из книги, качества героев произведения наталкивают ребёнка на переосмысление моральных ценностей, изменение своего поведения. Такое пассивное занятие, как чтение, мотивирует на активную деятельность, помогает найти выход из различных жизненных ситуаций.

В своей практической работе мы ориентируемся на компетентностную модель, которая даёт возможность перейти от трансляции информации, механического освоения знаний, умений, навыков к созданию условий для овладения комплексом компетентностей, которые способствуют развитию личности [6].

Компетентностью называют сплав знаний, умений, опыта, отношений, она проявляется в деятельности, её можно определить как «...способность и готовность действовать в жизненно важных ситуациях» [6]. Ключевыми компетентностями дошкольников являются:

- деятельностьная компетентность;
- социальная компетентность;
- коммуникативная компетентность;
- здоровьесберегающая компетентность;
- информационная компетентность [6, с. 3].

Надо сказать, что формирование одной конкретной компетентности в отрыве от других невозможно. Формирование у учащихся одновременно нескольких ключевых компетентностей в учебно-воспитательном процессе называется компетентностным подходом.

По вопросу компетентностного подхода мы делаем ссылку на ФГОС дошкольного образования России, поскольку в системе дошкольного образования РФ разъяснения о ключевых компетентностях детей от 1 года до 7 лет находятся пока в стадии разработки [7].

Ведущим видом деятельности в дошкольном и младшем школьном возрасте была и остаётся игра, именно в игровой деятельности происходит социализация ребёнка и формируются коммуникативные умения.

С эмоциональной точки зрения технология игры феноменальна и не похожа на другие воспитательные технологии. Она предлагает детям удоволь-

ствие, разнообразные развлечения и одновременно с этим формирует необходимые для жизни в обществе ключевые компетентности дошкольника.

В экспозиции 3-го зала Детского музея планируется использовать разнообразные обучающие игры, которые, согласно классификации А. И. Сорокиной и Д. В. Менджерицкой, подразделяются на игры с использованием дидактического материала (словесные, настольно-печатные, игры с предметами и игрушками, с картинками, компьютерные) и игры по характеру игровых действий (игра-путешествие, игра-предположение, игра-поручение, игра-загадка) [8].

В работе с семейным посетителем мы ставим перед собой цель приобщать к книжной культуре, формировать устойчивый интерес к знаниям, развивать любознательность, создавать условия для развития творческого потенциала ребёнка и его комфортного пребывания в музее.

Для реализации этой цели мы используем следующие педагогические методы:

- по источнику получения знаний — словесные (рассказ, беседа, работа с книгой, диалог),
- по характеру познавательной деятельности — частично-поисковый, игровой [9].

В своей работе мы опираемся на инновационную образовательную технологию «edutainment», поэтому были поставлены конкретные цели: формировать интерес к музейному предмету, развивать коммуникативные речевые навыки, обогащать активный словарный запас, развивать любознательность, способствовать самовыражению и проявлению творческих способностей ребёнка; создать комфортные условия; в работе делать акцент на общении; выработать определённый алгоритм действий, предполагающий активную деятельность посетителя-ребёнка (субъект-субъектное общение). Прогнозируемый результат — получение удовольствия от процесса общения с экспозицией. Обязательное условие: процесс общения строится на игровой методике с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В примерах, приведённых ниже, игра является ведущим методом. Акцент сделан на познавательный момент, развлекательный момент используется с целью активизации участников игровой ситуации, вовлечения в диалог, преодоления психологических барьеров и трудностей.

В ходе проведения игр по сюжетам известных произведений детской литературы планируется использовать традиционные формы игровых действий: игровые манипуляции с предметом; поиск игрушки, числа, слова; соревнования; загадки; особые игровые действия (зачин, секретное письмо, игрушка, чтение отрывка из сказки) и др.

Детям среднего дошкольного возраста (3—4-х лет) предлагаем игру-путешествие по сюжету русской народной сказки «Колобок». Сказка «Колобок» относится к кумулятивным сказкам и наряду со сказками «Репка», «Теремок» и другими хорошо знакома детям.

Алгоритм работы по сказке:

- 1) Знакомство с ребёнком посредством игровых упражнений (например, упражнение «Ладошки») для установления тактильного и эмоционально-психологического контакта.
- 2) Использование сюрпризного момента (игрушка «Колобок») для активизации внимания детей; применение загадки в качестве приёма логического перехода к восприятию сказки:

Вот румяный привереда
Убежал от бабки с дедом.
По дорожке скок да скок
Покатился ... (Колобок).

- 3) Блок «Работа с книгой».

Методические приёмы:

- рассматривание иллюстраций в книге. Цель: уточнить, напомнить ребёнку содержание сказки;
 - беседа-диалог по содержанию сказки способствует развитию умения вести диалог со взрослым. Для организации беседы используем наводящие вопросы: Как появился Колобок? Кто его испёк? Какие предметы для этого понадобились бабке? Как ими пользоваться? Эти вопросы также станут логическим переходом к работе в экспозиционном комплексе «Скоро сказка сказывается...».
- 4) Показ экспонатов и информация о них (лопата, сито, дежа и др.) формируют у ребёнка навыки восприятия аудиальной и визуальной информации.
 - 5) Игра малой подвижности «Сложи дрова». Цель: предоставить возможность каждому ребёнку почувствовать важность коллективного труда и проверить себя в умении работать слаженно.
 - 6) Прослушивание музыкального произведения («Песенка Колобка» муз. Г. Струве, сл. В. Татарина), которое является связующим звеном в сюжете сказки, способствует эстетическому воспитанию и формированию музыкального вкуса.
 - 7) Настольно-печатная игра «Определи по тени героев сказки» или игра-лабиринт «Колобок спешит домой» дают возможность вспомнить

всех героев и определить характер каждого известного героя, формируют логическое мышление.

- 8) Просмотр мультфильма «Колобок» (2012 г.) по сказке, без концовки. Для развития творческих способностей ребёнка предлагаем ему придумать свой вариант концовки сказки.

Детям старшего дошкольного возраста (5—6-ти лет), мы предлагаем игру-путешествие по мотивам литературной сказки К. И. Чуковского «Айболит». Эта игра может использоваться в работе и с индивидуальным посетителем, и с небольшой группой детей.

Сюжет игры развивается в соответствии с сюжетом сказки.

Алгоритм действия игры строится следующим образом:

- 1) Знакомство ребёнка проходит по отработанной методике.
- 2) Работа в экспозиционном комплексе «Мои первые книжки и игрушки»:
 - самостоятельное рассматривание экспонатов (первичное восприятие экспозиции);
 - приём «Узнай героя стихотворения (или загадки)» позволяет уточнить информацию об игрушках, помогает соотнести содержание стихов с экспонатами, обратить внимание на некоторые детали. Например,

Кто не ест душистый мёд
И в берлоге не живёт?
Не умеет он реветь.
Это — плюшевый ... (медведь)

Не заставишь лёжа спать.
Лишь уложишь — хочет встать.
Поупрямее барашка
Эта кукла... (неваляшка).

- 3) Использование сюрпризного момента. Телеграмма с текстом: «Ребята, выручайте. Спешу в Лимпопо лечить зверюшек. Забыл свой чемоданчик с медицинскими инструментами» является переходом к сюжету игры. Этот приём поможет переключить внимание ребёнка на дальнейшее развитие сюжета игры.
- 4) Задание «Собери чемоданчик Айболита» реализует задачи:
 - уточнить, что означает имя Айболит;
 - вспомнить названия медицинских инструментов и их назначение;
 - формировать навыки рассуждения, связного высказывания по содержанию произведения.

- 5) Блок «работа с книгой». Методические приёмы: рассматривание иллюстраций в книге (художник Ю. Алисевич), зачитывание некоторых отрывков из текста. Например, отрывок

«Мы живём на Занзибаре,
В Калахари и Сахаре,
На горе Фернандо-По,
Где гуляет Гиппо-по
По широкой Лимпопо»

позволяет, используя текст сказки, дать первичные географические знания о реально существующей реке Лимпопо, пустынях Калахари и Сахаре, о горе, а точнее, острове Фернандо-По, на котором есть гора. Для этого мы предлагаем рассмотреть карту Африки, отыскать и показать, где находятся названные пустыни, острова и река.

Задавая вопрос о том, как добраться в Лимпопо без известных ребёнку средств передвижения, мы тем самым побуждаем его к творческому решению этой задачи. В качестве иллюстрированного ответа на этот вопрос (или подтверждения догадок) показываем отрывок из мультфильма «Лимпопо» (1939 г.).

- 6) Завершающий этап — игра малой подвижности «Помоги Айболиту добраться до Лимпопо».
- 7) В качестве поощрения и развлечения даём детям возможность поиграть в сюжетно-ролевую игру «Я — доктор Айболит». В данном случае игра будет способствовать развитию социальной и деятельностной компетентностей.

В 2016 г. была разработана и опробована игра-путешествие «По следам капитана Врунгеля» (по мотивам повести А. С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля»). Игра была разработана в виде соревнования между двумя командами детей 7—9-ти лет. В работе с индивидуальным посетителем можно использовать эти же методические приемы и следовать выстроенному алгоритму:

- 1) Знакомство с группой позволяет установить доброжелательный эмоциональный контакт.
- 2) Краткая информация о книге, об авторе, о герое способствует расширению кругозора, приобщению к книжной культуре и формированию интереса к литературе.
- 3) Постановка цели игры — найти два талисмана, которые Врунгель потерял в начале регаты, вследствие чего его кругосветное путешествие

не всегда было лёгким — способствует организации ребят в команды, распределению ролей и постановке задач для каждого участника игры.

- 4) Завершающий этап игры. Поощрение, награждение — методы, которые способствуют самореализации каждого ребёнка среди своих сверстников.

В качестве поощрения и награждения используются символические свидетельства, подтверждающие, что каждый из участников игры прошел краткий курс «Школы капитана Врунгеля».

Игра-путешествие «По следам капитана Врунгеля» строится на выполнении заданий по сюжету произведения (ориентирование по компасу, вязание морских узлов, определение маршрута кругосветного плавания, решение логических задач по тексту произведения и т. д.), что способствует формированию интереса к книге, музейному предмету, развитию ключевых компетентностей детей младшего школьного возраста, развитию логического мышления, внимания, речевой и практической деятельности, двигательных навыков, навыков работы в команде, реализации своего опыта и самовыражению.

Владея игровыми технологиями и используя детскую литературу как почву, на которой возрастает ребёнок, мы осуществляем свою практическую деятельность, направленную на социализацию ребёнка, на развитие его ключевых компетентностей. Детская литература для этого — благодатная почва. Она развивает и активизирует воображение, образное мышление, расширяет представления о мире, помогает осваивать модели поведения, формирует эстетическое отношение ребёнка к жизни, искусству, воспитывает культуру речи, культуру чувств и переживаний.

Список литературы и источников

1. Агачева, Э. Влияние литературы на воспитание детей. История, виды и жанры детской литературы / Э. Агачева // Семейный сайт [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: <http://www.list7i.ru/?id=388&mod=boards>.— Дата доступа: 13.11.2017.
2. Детская книга // Российская педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс].— 1993.— Режим доступа: https://pedagogicheskaya.academic.ru/1028/ДЕТСКАЯ_КНИГА.— Дата доступа: 10.11.2017.
3. Кузина, В. С. Методы и средства обучения, их педагогические возможности и условия применения / В. С. Кузина // Ведущий образовательный портал «Инфоурок» [Электронный ресурс].— 2015.— Режим доступа: <https://infourok.ru/metodi-i-priemi-v-obuchenii-587495.html>.— Дата доступа: 20.01.2018.
4. Молдавская, К. А. Тенденции развития, критерии оценки и продвижение современной литературы для детей и подростков / К. А. Молдавская.— Москва: «Первое сентября», 2011.— 64 с.

5. Поздеева, Т. В. Компетентностный подход в подготовке специалистов системы дошкольного образования / Т. В. Поздеева. // Репозиторий БГПУ [Электронный ресурс].— 2015.— Режим доступа: <http://elib.bspu.by/>.— Дата доступа: 26.01.2018.
6. Ракова, Е. Детская литература и ее специфика / Е. Ракова // Международный образовательный портал [Электронный ресурс].— 2015.— Режим доступа: <http://www.maam.ru/detskijasad/detskaja-literatura-i-e-specifika.html>.— Дата доступа: 13.11.2017.
7. Степанова, А. С. Дидактические игры в педагогическом процессе / А. С. Степанова // VIII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс].— 2016.— Режим доступа: <https://scienceforum.ru/>.— Дата доступа: 20.12.2017.
8. Толкачева, Е. Т. Становление начал ключевых компетентностей у детей дошкольного возраста // Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс].— 2018.— Режим доступа: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2018/01/22/stanovlenie-nachal-klyuchevyh-kompetentnostey-u-detey-doshkolnogo>.— Дата доступа: 26.01.2018.
9. Художественная парадигма русской детской литературы конца XIX — начала XX века // Учебная программа спецкурса для специальности 1-21 05 02 «Русская филология» [Электронный ресурс].— 2008.— Режим доступа: <http://www.philology.bsu.by>.— Дата доступа: 12.12.2017.

УДК 739(091):069.1(476.5-21)

ФРАГМЕНТЫ КІВОТНАГА КРЫЖА ПАЧ. ХІІІ СТ. З МУЗЕЙНЫХ ЗБОРАЎ НППГКМЗ

Магалінскі І. У.

*кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППГКМЗ*

Важнай катэгорыяй вырабаў з каляровых металаў з’яўляюцца прадметы хрысціянскага культу. Яны не толькі маркіравалі прыналежнасць да той ці іншай хрысціянскай канфесіі, але і з’яўляліся выдатнымі ўзорамі ювелірнага рамяства. Хрысціянская металапластыка ў калекцыі археалагічных артэфактаў з Полацка прадстаўлена масавымі і індывідуальнымі знаходкамі. Да групы масавых можна аднесці знаходкі крыжоў-цельнікаў розных тыпаў. Рэдкія артэфакты прадстаўлены крыжамі-энкаліпіёнамі і іх фрагментамі, абразкамі, элементамі царкоўнага аздаблення і інш.

Малюнак. Фрагменты ківотнага крыжа пач. XIII ст. з музейных збораў НППКМЗ

Сярод рэдкіх прадметаў хрысціянскага культу, выяўленых падчас археалагічнага вывучэння Полацка, вялікую цікавасць выклікаюць два фрагменты ківотнага крыжа, якія з'яўляюцца ўнікальнымі для тэрыторыі Беларусі ўзорамі візантыйска-кіеўскай хрысціянскай металапластыкі пачатку XIII ст.

Ківотныя крыжы адрозніваюцца ад нагрудных сваімі большымі памерамі і адсутнасцю вушка для падвешвання. Дадзеныя вырабы часцей за ўсё ставілі ў чырвоны кут і размяшчалі сярод ікон, а таксама прымацоўвалі да дзвярэй. Іх бралі ў вандроўкі і выкарыстоўвалі для арганізацыі часовых алтараў [1, с. 21; 2, с. 4].

Дэталі ківотнага крыжа былі выяўлены ў Полацку ў ходзе археалагічных даследаванняў 2007 г. на тэрыторыі першапачатковага Гарадзішча (кіраўнік — Д. У. Дук). Раскоп меў памеры 11×4 м і быў арыентаваны доўгім бокам практычна па накірунку захад-усход. Па шэрагу прычын раскоп быў не даведзены да мацерыка па ўсёй плошчы. У ходзе прац была выяўлена вялікая калекцыя індывідуальных знаходак, якая налічвала 496 пазіцый. Сярод артэфактаў былі сустрэты статусныя рэчы ўнікальных для Беларусі тыпаў, да групы якіх адносяцца знаходкі двух фрагментаў ківотнага крыжа. Прадметы знойдзены ў сляях XII—XIII стст. [3, с. 35; 4, с. 119].

Фрагменты крыжа, выяўленыя на полацкім гарадзішчы, прадстаўлены літымі бронзавымі барэльефнымі фігуркамі Прадстаячай Багародзіцы і Іаана Багаслова (малюнак). Выявы прадстаячых адліты з алавяна-свінцовай бронзы з нізкай канцэнтрацыяй волава ў аднабаковай ліцэйнай форме.

Гэты спляў мае добрыя ліцейныя якасці, а таксама вылучаецца шчыльнасцю атрыманых адлівак. Пераважнае выкарыстанне для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу алавяна-свінцовай і свінцовай бронзы ў цэлым характэрна для тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі і Беларусі [5, с. 249; 6, с. 328].

Фігура Прадстаячай Багародзіцы выканана вельмі якасна, з вялікай увагай да дэталей адзення і абрысаў твару. У выявы Іаана Багаслова страчана частка галавы, а агульныя абрысы фігуры не такія выразныя. На нашу

думку, гэтыя адметнасці трэба звязваць з бракам адліўкі. Магчыма, менавіта ў сувязі з гэтым фігурка Іаана Багаслова адсутнічае на ўсіх вядомых экзэмплярах крыжоў дадзенага тыпу.

Разважаючы пра паходжанне прадметаў, аўтар знаходкі Д. У. Дук не выключыў магчымасці вытворчасці дадзеных прадметаў на тэрыторыі Полацка мясцовымі ювелірамі, на што ўказваюць знаходкі фрагментаў тыгляў у раскопе [4, с. 119].

Знаходкі крыжоў дадзенага тыпу адзінкавыя на старажытнарускай тэрыторыі і пераважна канцэнтруюцца на яе паўднёвай частцы. Практычна поўнасю захаваныя экзэмпляры паходзяць з даследаванняў у Херсанесе (сучасны Севастопаль) і Судаку [7, с. 165]. Яшчэ два фрагменты падобных крыжоў былі знойдзены на тэрыторыі Кіеўшчыны [8, с. 11].

На думку В. Г. Пуцко, крыж з Судака ўяўляе сабой пераадліўку з арыгінальнага прадмета, на што ўказвае шэраг прыкмет. Па меркаванні таго ж даследчыка, херсанескі крыж з'яўляецца арыгінальным вырабам, які паходзіць з кіеўскай майстэрні візантыйскага майстра. Абодва прадметы датуюцца пачаткам XIII ст. [7, с. 165].

Такім чынам, фрагменты ківотнага крыжа, якія былі знойдзеныя на тэрыторыі старажытнага Полацкага гарадзішча ў 2007 г., з'яўляюцца ўнікальным для тэрыторыі сучаснай Беларусі прыкладам хрысціянскай металапластыкі пачатку XIII ст.

На нашу думку, полацкія знаходкі маюць усе прыкметы вытворчасці іх у адной кіеўскай майстэрні візантыйскага майстра, што і крыж з Херсанеса (Севастопалю). Выяўленне ў Полацку артэфакта выразнага паўднёварускага паходжання яшчэ раз пацвярджае існаванне цеснай сувязі Полацка з тэрыторыяй Кіеўшчыны на працягу XIII—XIV стст. Гэты факт пацвярджаецца і іншымі прадметамі элітарнай культуры, знойдзенымі ў апошнія гады на тэрыторыі горада (амулеты-змеявікі і інш.).

Спіс літаратуры і крыніц

1. Гнутова, С. В. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI — начала XX вв. из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва / С. В. Гнутова, Е. Я. Зотова. — М.: Интербук-бизнес, 2000. — 135 с.
2. Стерлигова, И. А. Киотный крест из Херсонесского музея и русские меднолитые киотные кресты XII—XIV вв. / И. А. Стерлигова // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Вып. 2. — М., 1993. — Ч. II. — С. 4—19.
3. Дук, Д. У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д. У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — Мінск, 2011. —

- Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка).— С. 30—60.
4. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук.— Наваполацк: ПДУ, 2010.— 180 с.
 5. Магалінскі, І. У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X—XVII стст. з Полацка (суадносіны тыпалагічных і металургічных груп) / І. У. Магалінскі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі.— Полацк: НППКМЗ.— С. 243—251.
 6. Асташова, Н. И. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея / Н. И. Асташова, Т. Г. Сарачева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.).— СПб.: Нестор-История, 2010.— С. 317—329.
 7. Пуцко, В. Г. Бронзовый киотный крест из Херсонеса (византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) / В. Г. Пуцко // Византийский временник.— М., 1999.— Т. 58.— С. 165—171.
 8. Тарновский, В. В. Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского / В. В. Тарновский.— Киев: Типография К. Н. Милевского, 1898.— 86 с.

УДК 341.321.54(091)(476.5-21)"1942/1943"

ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА «НЕУЛОВИМЫЕ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, БОЕВАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПОЛОТЧИНЕ В 1942—1943 ГГ.

Нарейко К. А.

ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НППКМЗ

Значительная часть постоянной экспозиции Музея боевой славы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника посвящена боевому пути в годы Великой Отечественной войны на Полоцкой земле знаменитой партизанской бригады особого назначения «Неуловимые». Столь значимое место партизанская бригада заняла по ряду причин. И прежде всего потому, что из 2 000 человек в её составе находилось до 60% уроженцев Полоцкого района. Это были местные патриоты и военнослужащие, бежавшие из фашистского плена. При этом боевое и командное «ядро» бригады составляли сотрудники и бойцы НКВД — НКГБ СССР и

Рис. 1. М. С. Прудников (НПИКМЗ КП-003079)

Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). В бригаде воевали подлинные профессионалы своего дела — мастера-подрывники Михаил Самосюк, Евгений Телегуев, Эдуард Соломон, Дмитрий Лазарев, Михаил Скрябин и др. Стоит отметить и тот факт, что по итогам боевой и диверсионной деятельности партизаны получили высокую оценку командования и народную признательность.

В фондах Национального архива Республики Беларусь хранятся обширные материалы по истории создания и деятельности этой партизанской бригады: рапорты, докладные записки, боевые донесения и воспоминания бывших партизан прославленного соединения. Большой пласт информации по ней собран и в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

ИСТОРИЯ

Партизанская бригада «Неуловимые» выросла из спецотряда в количестве 28 человек бригады особого назначения (ОМСБОН), выделенного для проведения диверсионной и разведывательной работы на временно оккупированной немецкими захватчиками территории БССР. После непродолжительной подготовки в марте 1942 г. отряд перешёл линию фронта в районе г. Торопца Калининской области и развернул боевые операции на железнодорожных линиях Невель-Витебск и Невель-Полоцк.

Командиром отряда был Михаил Сидорович Прудников — бывший командир специального батальона войск НКВД, участник обороны Москвы и знаменитого парада в Москве 7 ноября 1941 г. (рис. 1). Комиссаром этого отряда был назначен Б. Л. Глезин, начальником разведки — П. А. Корабельников, начальником штаба А. А. Чернышов. Отряд находился в прямом подчинении 4-го управления НКВД СССР.

Продолав путь в 600 км по тылам противника, спецотряд остановился вначале у хутора Забелье Невельского района, а вскоре перешёл на территорию временно оккупированной БССР и обосновался в 18 км севернее г. Полоцка в лесистой местности (район д. Большая Щеперня). Установив связь с другими партизанскими отрядами и подпольно-патриотическими группами, командование спецотряда начало подготовку к форсированному развитию партизанского движения на Полотчине.

Задачи спецотряда отражены в плане-задании диверсионной группы «Неуловимый» от 26.02.1942 г. за подписью майора госбезопасности П. А. Судоплатова: *«Для проведения диверсионной работы на тыловых коммуникациях и жизненных центрах противника, а также выполнения спецзаданий 4 управлением НКВД СССР забрасывается в район Новоржев, Великие Луки, Опочка, Невель диверсионная группа «Неуловимый» в составе 28 человек.*

Задачи:

- 1) Силами своего отряда и путем привлечения других партизанских отрядов берет под свой контроль шоссейные и железные дороги в районе действия спецотряда.*
- 2) Парализует нормальную работу железной дороги путем организации систематических крушений на железной дороге, устройства завалов, взрыва мостов, минирования железнодорожного полотна.*
- 3) Повсеместно уничтожает все линии связи, используемые немецким командованием.*
- 4) Уничтожает продовольственные базы, склады горючего, боеприпасов, снаряжения, предприятия, работающие на немцев.*

- 5) *Выполняет специальные задания (даются устно).*
- 6) *Устанавливает связь с действующими партизанскими отрядами, организует и принимает меры к максимальной активизации их боевой деятельности.*
- 7) *Ведет военно-политическую разведку в тылу врага, выявляя пункты сосредоточения немецких войск и техники, передвижении частей, дислокацию тыловых штабов и учреждений, строительство оборонительных рубежей и узлов сопротивления, политико-моральное состояние армии, подготовка противника к ведению химической войны, продовольственное положение населения, мероприятия военных и гражданских властей, отношение к немцам местного населения.*
- 8) *Систематически проводит политико-массовую работу среди местного населения (собрания, митинги, беседы, выпускает по возможности листовки)» [1, с. 12].*

В дальнейшем зона действия отряда расширилась и охватила Полоцкий, Россонский, Дрисенский, Освейский районы БССР. Согласно докладной записки, написанной майору госбезопасности П. А. Судоплатову, сразу же по прибытии в район действия спецотряда начался набор добровольцев из местных жителей, готовых служить в рядах партизанского отряда особого назначения. Так, в Невельском районе было набрано 70 человек, в Россонском — 61, Дрисенском — 25, Полоцком — 426 человек. Всего 652 бойца было набрано из местных патриотов Родины [1, с. 36]. Кроме этого, отряд особого назначения быстро пополнялся за счёт воинов Красной армии, попавших в окружение и бежавших из нацистского плена.

В соответствии с поставленными задачами отрядом велась активная разведывательная работа. Для её выполнения была создана широкая сеть агентурной разведки в оккупированных населённых пунктах Полоцке, Дретуни, Дриссе.

По воспоминаниям М. С. Прудникова: *«По прибытии в тыл часть населения нас встретила весьма добродушно и со слезами на глазах произносили: «Вот идут наши красные цветики», а часть местных жителей к нам относились враждебно. Свою работу во вражеском тылу командование спецотряда начало с изучения района и выявления антисоветского элемента с последующим уничтожением их, затем командование приступило к организации партизанских групп и отрядов из числа местных жителей и бойцов Красной армии. Стали постепенно втягивать их в боевую работу совместно с пришедшими из Москвы бойцами. Истребляли местные полицейские гарнизоны, уничтожали маслозаводы. За уничтожение маслозаводов население нас бла-*

Рис. 2. Б. Л. Глезин (НПИКМЗ КП-003081)

годарило, так мы их освобождали от сдачи молока» [3, с. 57].

К лету 1942 г. командование партизанским отрядом особого назначения «Неуловимые» смогло объединить многие действовавшие в Полоцком районе партизанские отряды и группы, а также сформировать новые партизанские отряды. В августе 1942 г. на совместном заседании Полоцкого подпольного райкома компартии во главе с Г. С. Петровым и командования спецотряда было решено сформировать 7 партизанских отрядов, общей численностью 650 человек. К концу года объединённые общим командованием москвичей все отряды были переименованы в партизанскую бригаду особого назначения. За новым объединением было оставлено

название «Неуловимые». Очень скоро в бригаду входило 10 партизанских отрядов численностью 1 030 человек. Командиром партизанской бригады стал Михаил Сидорович Прудников, комиссаром — Борис Львович Глезин (рис. 2). Многие отряды возглавили бывшие офицеры Красной армии. Среди них: А. И. Кривский, П. Ф. Лученок, И. В. Якимов, П. Е. Тищенко и др.

Штаб бригады и штабной отряд находились в лесу, недалеко от деревни Большая Щеперня, километрах в 18-ти северо-восточнее Полоцка и в 8 км западнее ж. д. станции Дретунь, на которой располагались крупный немецкий гарнизон и аэродром. Телефонной связи между отрядами не было. Для этой цели выделялись наиболее проверенные бойцы. С помощью радиации бригада поддерживала связь с Верховным Главнокомандованием Красной армии, руководством НКВД СССР и руководством партизанского движения на временно оккупированной территории БССР. Имелась связь также с командованиями Калининского и Западного фронтов.

К началу 1943 г. в составе бригады было 16 партизанских отрядов, которые дислоцировались на территории Полоцкого, Дриссенского, Ветринского и Шарковщинского районов [2, с. 3].

Как происходила организация партизанских отрядов бригады «Неуловимые» и становление партизанского движения на Полотчине, дают представление некоторые документы. Из опросного листа командира партизанского отряда В. И. Веселова от 9.02.1943 г.: *«Отряд Веселова был организован в апреле 1942 года еще в Западной Белоруссии в районе местечка Лужки Глубокского района. Командиром был я — Веселов Виктор Иванович, беспартийный, шофер-автомеханик 17 таксомоторного парка г. Москвы. Комиссаром и начальником штаба был Соловьев Николай Семенович.*

Вначале мы проводили организационную работу, вооружались. Диверсионной работой заниматься не могли — не было взрывчатки. Отряд состоял из военнопленных, крестьян. Условия жизни партизан были плохие. В этой местности был один лес. Против нас часто выступали каратели и полиция. В скором времени мы были вынуждены уйти на восток. В июне мы пришли в отряд Мышко в Дриссенский район, мне дали задание взорвать мост на ст. Новодруйск. Задание я выполнил. После операции мы остановились в деревне Молино. Здесь отряд пополнился за счет местных и военнопленных. В отряде к этому времени уже было 60 человек. На участке Фариново-Ветрино было пущено под откос два эшелона. В этом районе также спущен эшелон со скотом. Для подъема паровоза был немцами доставлен подъемный кран, который мы также взорвали.

За все время было убито 300 немецких солдат, 30 полицейских и других предателей, разбит маслозавод около д. Мосар, около Глубокского сожжено 5 немецких складов с продовольствием. Разбиты две гмины около д. Мосар и Лужки. В настоящее время в отряде 100 человек. На вооружении 3 ручных пулемета, 70 винтовок, 15 СВТ. Автоматов и станковых пулеметов нет. Личного оружия пистолетов и револьверов 30 штук. Не хватает патронов, взрывчатых веществ, имеется значительное количество гранат, но нет запалов к ним. Одеты и обуты все партизаны хорошо. В настоящее время мой отряд дислоцируется у деревни Морозы Верхние и Морозы Нижние в 9 км от Ветрино» [3, с. 9, 10].

Не редким было явление разукрупнения партизанских отрядов или передачи части личного состава другим партизанским бригадам и отрядам, действующим на оккупированной территории, для форсирования партизанского движения. Согласно докладной записки об организации партизанских отрядов на территории Витебщины за июль 1942 г.: *«Отряд Козлова бригады Прудникова организован 22 июля 1942 г. партизанским отрядом тов. Широкова, командиром назначен Козлов Михаил Константинович, комиссаром Глазкин А. Д. На 1 июля отряд состоял из 76 человек. 1 июля из отряда Широкова был выделен новый партизанский отряд — 44 человека, командиром назначен партизан тов. Шарипо Ефим*

Максимович, комиссаром Лагунов Григорий. Отряд Шарипо включен в состав 4-й Белорусской партизанской бригады» [2, с. 11].

Согласно архивным документам, после организации отряда, даже несмотря на незначительное количество бойцов, партизаны немедленно приступили к диверсиям на вражеских коммуникациях. «Отряд особого назначения Александрова организовался в первой половине апреля 1942 г. под руководством капитана Прудникова, командиром отряда был назначен Широков Николай Тимофеевич, комиссаром Бычков. В начале отряд состоял из 12 человек. 10 апреля группой Широкова был пущен под откос эшелон с немцами и военным снаряжением в составе 30 вагонов, одновременно со взрывом железнодорожного моста на пути Полоцк-Невель. Задержано движение поездов сроком на 2 суток» [2, с. 12].

В связи с постоянными боями, которые вели отряды бригады против оккупантов, а также в связи с карательными экспедициями гитлеровцев, партизанам постоянно приходилось менять место дислокации как отдельных отрядов, так и штаба бригады.

Согласно записанной беседе с командиром отряда бригады «Неуловимые» Веселовым от 9 февраля 1943 г.: «Бригада дислоцируется в д. Большая Щеперня, в 25 километрах северо-западнее г. Полоцка, отряд Гриненко находится около штаба бригады, отряд полковника — фамилию не помню — в 22 километрах от Полоцка в д. Черная. Отряд Широкова передвинулся с Западной Беларуси в район деревни Малая Щеперня, северо-западнее Полоцка. Отряд Чеверикина находится в районе д. Песчанки. Отряд Лученкова в районе д. Чернейка, отряд Мышко стоит около д. Литвик в 30 километрах от с. Адамово. Отряд Шинкорев в районе д. Дубинино, в 45 километрах северо-западнее Полоцка, отряды Козлова и Александрова стоят примерно в 15—18 километрах от станции Дретунь на северо-восток. Отряд Веселова находится от станции Фариново, примерно 20 километрах в районе д. Морозы. К моему уходу в госпиталь было 14 отрядов» [3, с. 9].

Нужно отметить, командование партизанским соединением пользовалось у бойцов бригады бесспорным уважением. Так, старший помощник начальника оперативного отдела БШПД капитан Бардадын в июне 1943 г. отмечал: «Комбриг Прудников и комиссар бригады Глезин серьезно занимаются своей работой. Пользуются хорошим авторитетом в бригаде. В бригаде хорошая дисциплина. Часто другие бригады получают разведданные у Прудникова» [4, с. 172]. В свою очередь комиссар бригады Б. Л. Глезин вспоминал: «М. С. Прудников всегда был требователен к себе и подчиненным, старался личным примером воспитывать в своих бойцах инициативу, смелость и хладнокровие, за что, в свою очередь, пользовался уважением среди партизан» [4, с. 151].

В июле 1943 г. распоряжением НКГБ СССР командиром бригады был назначен Анатолий Григорьевич Морозов, проходивший до этого службу в должности начальника штаба особого мотострелкового полка войск НКВД, начальником штаба стал Семён Сергеевич Морозов, комиссаром оставлен Б. Л. Глезин. М. С. Прудников был отозван в Москву на работу в НКГБ СССР.

На 15 августа 1943 г. в бригаде насчитывалось 1 048 человек, из них прибывших из Москвы — 26 человек, окруженцев и бывших военнослужащих — 394 человека, местного населения — 628 человек [1, с. 8].

Таким образом, бригада была сформирована в своём большинстве из жителей населённых пунктов, в районах которых дислоцировались отряды бригады.

В октябре 1943 г. партизанская бригада «Неуловимые» была реорганизована. Часть её личного состава была выведена за линию фронта, два отряда и отдельная группа положили начало формированию бригады А. Н. Кривского. В связи с немецкой блокадой в ноябре 1943 г. и для расширения партизанского движения в западных областях БССР оставшиеся отряды бригады начали передислокацию, пройдя по тылам противника свыше 500 км. Бригада «Неуловимые» действовала в дальнейшем в Юратишском, Ивьевском, Ивенецком, Лидском районах БССР. В тот период было спущено под откос (за 6 месяцев 1944 г.) 103 эшелона гитлеровцев, убито 1 318 солдат противника.

12 июля 1944 г. бригада соединилась с войсками Красной армии [1, с. 9].

БОЕВАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Задачи, поставленные перед партизанской бригадой, определяли и важнейшие направления её деятельности: боевую, диверсионную и разведывательную. Одним из главных направлений деятельности белорусских партизан были боевые операции на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, водных путях, диверсии на железнодорожных узлах, уничтожение баз и линий связи. Диверсионная деятельность — это важнейшая составляющая деятельности партизанской бригады особого назначения «Неуловимые». Диверсия — наиболее эффективный способ нанесения поражения противнику без вступления с ним в непосредственный огневой контакт.

Вся боевая и диверсионная деятельность проходила под руководством НКВД — НКГБ СССР, позже еще и — ЦШПД, БШПД, Витебского обкома, Полоцкого подпольного райкома КПБ(б). В августе 1942 г. возле д. Яковцы Полоцкого района прошло совещание Полоцкого подпольного райкома партии во главе с Г. С. Петровым и командного состава бригады. Секретарь Полоцкого подпольного райкома КПБ(б) Г. С. Петров призвал командование отрядов усилить боевые и диверсионные действия против гитлеровцев. Совещание дало новый импульс по развёртыванию партизанского движения на Полотчине.

По воспоминаниям М. С. Прудникова, по прибытии в тыл бойцы и командиры спецотряда столкнулись с совершенно новой и незнакомой им диверсионной работой, что затрудняло быстрое овладение и приобретение опыта в ней.

Первые диверсионные группы возглавлялись непосредственно командиром и комиссаром отряда. После совершения нескольких диверсий командный состав инструктировал бойцов и младших командиров отряда о методах и тактике проведения диверсий. По мере приобретения опыта диверсионные группы начали возглавлять младшие командиры, которые одновременно обучали рядовых бойцов. В первое время в отряде работали 3—4 диверсионных группы на трёх железных дорогах, а впоследствии до 50 диверсионных групп на 9 железных дорогах [3, с. 55]. Согласно агентурным данным, первое время железнодорожные и шоссейные пути на Полотчине охранялись гитлеровцами слабо, и по ним осуществлялось круглосуточное движение. По мере нарастания подрывной деятельности партизан немецкое командование было вынуждено увеличить охрану и гарнизоны возле дорог. Например, первоначально на станции Адамово на ж. д. участка Полоцк-Даугавпилс был гарнизон всего из 3 немцев и 7 полицейских, а осенью 1943 г. гарнизон насчитывал, согласно документам бригады «Неуловимые», уже 1 000 немецких солдат и офицеров с 4 пушками и 8 миномётами [3, с. 57]. Кроме этого, в документах и донесениях партизан отмечалось, что немцы под угрозой расстрела привлекали к охране железных и шоссейных дорог и местное население.

Подрывная работа проводилась на главных магистралях железных дорог Полоцк-Невель, Полоцк-Бигосово, Полоцк-Молодечно, Миоры-Воропаево. Осуществлялась она путём выделения из отрядов групп по 6—10 человек [3, с. 56].

Нужно отметить, что только за два месяца пребывания в тылу противника группой было взорвано три железнодорожных моста, спущен под откос вражеский эшелон с живой силой и техникой, уничтожен ряд мелких гарнизонов противника.

По мере накопления боевого опыта и мастерства бойцы спецотряда, а позже бригады «Неуловимые», совершенствовали тактику и методы диверсионной борьбы на коммуникациях противника. Уже к лету 1943 г. М. С. Прудников в своих донесениях отмечает: *«Нами изобретено 19 способов по пуску поезда под откос...»* [3, с. 60].

Так, например, согласно документам бригады Прудникова: *«7.7.1942 г. диверсионная группа в составе 8 человек под командованием командира отряда сержанта Бадоева на железнодорожном пути Полоцк-Витебск (2 км от Горян) заложила 76 кг тола на ж.д мост, в результате чего состоялось*

крушение немецкого эшелона». «Диверсионная группа в составе 5 человек во главе с сержантом Федоровым 72 часа находилась без пищи стремясь выполнить задание. 25 августа 1942 г. на ж. д. Полоцк-Даугавпилс пустила под откос 29 цистерн с горючим» [3, с. 63]. Ещё один пример, показывающий мастерство, самопожертвование и героизм партизан бригады: «Диверсионная группа в составе 8 человек, (в том числе инструктора ЦК ЛКСМБ товарища Беребашкиной) во главе с товарищем Самосюк провела результативную и дерзкую операцию. Движения поездов в ночное время не было, а днем подойти было невозможно из-за усиленной охраны. Тогда Самосюк решил ночью спрятаться в разбитые вагоны и сидеть в них до рассвета. В 8 часов утра 27.1.1943 г. на ж. д. Полоцк-Молодечно, партизаны заложили заряд и пустили поезд под откос с продуктами питания» [3, с. 63].

Диверсионная и боевая работа бригады проходила в тесном взаимодействии с местным населением и подпольно-партийным и комсомольским активом. Для проведения акций на железной дороге юные комсомольцы-подпольщики получали различные задания командования бригады. Как вспоминает бывшая партизанка бригады «Неуловимые» С. Е. Стержанова: «По поручению командования партизанского отряда Чеверикина привели в негодность железную дорогу Полоцк-Ленинград, т. е. полностью разобрали, развинтили рельсы, шпалы разнесли в лес и болота и зарыли. Эта работа повторялась несколько раз — мы разберем, а немцы восстановят, мы снова разберем участками. Потом им надоело восстанавливать, и они сдались. Все это приходилось делать ночами, нас охраняли партизаны, а мы разбирали. И вообще задача стояла перед нами как можно больше делать вреда в тылу врага...» [5, с. 4].

Как указывалось в отчёте о деятельности партизанской бригады «Неуловимые», только за 1942 г. бригадой был пущен под откос 151 эшелон с живой силой и техникой противника, взорвано 24 ж. д. моста, сбито 10 самолётов, уничтожено 39 вражеских автомашин. С подбитого немецкого самолёта Ю-52 были изъяты 23 секретные авиакарты, которые были направлены через линию фронта [3, с. 69].

В результате боевой и диверсионной деятельности на Полоцкой земле за период с 1 августа по 1 ноября 1943 г. было спущено под откос 98 вражеских эшелонов. Из них с техникой — 22, с боеприпасами — 15, с продовольствием — 19, с живой силой — 34. Уничтожено 8 ремонтно-восстановительных поездов. При этом разбит 101 паровоз, 932 вагонов и платформ. Убито 5 355 немецких солдат, ранено — 3 157 немцев и их пособников. Взорвано и повреждено 39 мостов, подорвано и уничтожено 36 автомашин и 6 повозок с живой силой на участках: Труды-Дретунь, Себеж-Пустошка, Себеж-Ляхово. При этом было убито 234 захватчика, ранено — 152 [1, с. 25].

А всего за время боевой деятельности партизанской бригады с марта 1942 г. по июль 1944 г.: спущено под откос — 511 эшелонов противника, взорвано и сожжено мостов — 104, уничтожено автомашин и тракторов — 81, сбито самолётов — 10, уничтожено бронепоездов, дрезин, мотовозов — 12, сожжено различных предприятий и складов — 45. [1, с. 11].

Во время проведения знаменитой акции «Рельсовая война» партизанами бригады «Неуловимые» уничтожено 1 170 рельсов [1, с. 11].

По воспоминаниям М.В. Чеверикина, бывшего командира отряда бригады особого назначения «Неуловимые», только отряд под его командованием за период своей деятельности 1942—1944 гг. *«пустил под откос с живой силой и техникой 62 вражеских эшелона, в результате чего разбито и выведено их строя 60 паровозов и свыше 1 000 вагонов. Было пущено под откос 2 бронепоезда и 2 мотодрезины, взорвано 5 железнодорожных мостов, 5 мостов на шоссейных дорогах, взорвано 11 грузовых и легковых автомашин, взорвано железнодорожных рельс свыше 2 000, взорвано телеграфно-телефонной связи свыше 16 километров, совершенно ряд других диверсий»* [2, с. 15] (рис. 3).

Исходя из данных отчётных цифр, можно сделать вывод, что результатом работы партизан бригады «Неуловимые» на вражеских коммуникациях на Полотчине стало уничтожение более 300 эшелонов противника с живой силой, техникой, обмундированием и продуктами питания, уничтожение более 60 шоссейных и железнодорожных мостов, сожжение более 30 различных предприятий и складов, работавших на гитлеровцев.

Командование партизанской бригады основное внимание уделяло разведывательной и диверсионной работе, однако не исключало из своей деятельности и атаки на гарнизоны противника. Партизаны бригады «Неуловимые» участвовали в десятках боёв с регулярными, хорошо вооружёнными гитлеровскими войсками и полицейскими формированиями.

Командованием бригады планы будущих боевых операций разрабатывались и готовились весьма тщательно. Как вспоминает М. С. Прудников: *«Перед предстоящими боями в своем районе мною проводились занятия со всем командным составом отрядов. Был оборудован специальный ящик с песком, на котором в уменьшенном виде был показан район действий и немецкие гарнизоны. На этом занятии было показано, как нужно действовать при нападении противника. Были разработаны сценарии боя»* [3, с. 69].

Оккупационное командование осознавало растущую угрозу со стороны советских патриотов. Поэтому уже с лета 1942 . оно организует ряд мелких и крупных карательных экспедиций. Документы бригады отмечают: *«С 19 по 25 июля 1942 года немецкий карательный отряд повел наступление в составе 486 полка на наши базы с целью окружения и уничтожения. Нам*

Рис. З. М. В. Чеверикин
(НПИКМЗ КП-011765)

удалось захватить у убитого командира 3 роты приказ, из которого мы поняли и разгадали планы немецкой группировки, благодаря чему в 6-ти дневных боях было убито 160 немцев, наши потери составили 6 партизан. Мы, действуя мелкими группами и внезапными налетами, заставили противника отойти. Оперативной разведкой было установлено, что из Полоцка движется колонна немцев в наш район. Нами противник был встречен из засад, а также стремительной атакой под командованием комиссара Глезина была атакована немецкая колонна, где уничтожено 50 немцев и 4 автомашины» [3, с. 70].

В конце 1942 г. гитлеровское командование, обескураженное большими потерями, приняло решение о начале полномасштабной карательной операции под кодовым названием «Нюрнберг» против

партизан треугольника Полоцк-Невель-Дретунь. В Полоцкий район были направлены танки, авиация и тысячи немецких солдат. Их боевая задача — прочесать леса на севере Беларуси, сжечь подозрительные деревни, уничтожить всех партизан и расстрелять советских активистов, коммунистов. Операция началась в декабре. «Неуловимые» встретили регулярные части гитлеровцев шквальным огнём. Вскоре они перерезали главную артерию снабжения гитлеровцев — железную дорогу Даугавпилс-Полоцк. С целью введения противника в заблуждение партизаны проводили одновременно атаки сразу с нескольких сторон. Немецкое командование было озадачено, а его бойцы деморализованы. Решающий удар «Неуловимые» нанесли в конце января 1943 г. После кровопролитных и неудачных для гитлеровцев боёв каратели отступили. Операция «Нюрнберг» провалилась.

Партизанами бригады «Неуловимые» часто устраивались дерзкие налёты на вражеские гарнизоны. Наиболее результативные из них — операция по уничтожению вражеских гарнизонов в м. Лужки Шарковщинского района и Гендики Полоцкого района: «21.08.1943 г. был организован налёт

на полицейский гарнизон м. Лужки, при этом был уничтожен мост длиной 40 м, сожжено 7 казарм и все гарнизонные учреждения. 5 сентября на д. Гендики Полоцкого района» [1, с. 38]. Из некоторых источников известно, что партизаны бригады «Неуловимые» и ранее участвовали в нападении на вражеский гарнизон в д. Гендики Полоцкого района. Однако в ноябре 1942 г. партизанам не удалось достичь поставленных целей и они с большими потерями вынуждены были отступить. Более того, известно, что «гарнизон» этой деревни состоял из так называемой «крестьянской самообороны» под предводительством местного старосты Зуева (в годы временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками в этой местности существовала так называемая «Республика Зуева»).

Согласно документам бригады, за весь период боевой деятельности было проведено подобных боёв с оккупантами — 51, устроено 283 засады, разгромлено 3 немецко-полицейских гарнизона, где захвачены трофеи, в том числе 2 мотоцикла, 17 велосипедов. Уничтожено 230 предателей и 252 полицейских. Сбито 10 немецких самолётов [3, с. 70].

За период нахождения во вражеском тылу партизаны бригады трижды оказывались во вражеском окружении, откуда выходили с меньшими потерями, в отличие от противника. Несмотря на непрерывные бои с карателями, партизаны продолжали уничтожать склады с горючим и боеприпасами. 13 мая 1942 г. партизаны спецотряда «Неуловимый» провели одну из самых знаменитых боевых операций (которая отражена в виде диорамы в экспозиции Музея боевой славы) — подрыв нефтебазы в г. Полоцке. Группа действовала в составе 3 человек (Иван Верхогляд, Иван Зырянов, Валентин Никольский) (рис. 4). Как вспоминал бывший заместитель начальника разведки бригады Станислав Иванович Пристрельский: *«Взрыв нефтебазы — был ярким началом развертывания партизанской войны в нашем крае»*.

12.5.1943 г. группа в составе 3 человек, в состав которой входили И. А. Саханов и Антон Саханов, подобралась к большой базе горючего, которая была расположена на северо-западной окраине г. Полоцка, на станции Громы. Её территория охранялась усиленным караулом гитлеровцев. Однако партизаны подложили заряд под баки с горючим. При отходе группа встретилась с охраной и *«пробив себе дорогу пулей и гранатой, прорвалась, благополучно убив 2-х немцев»*. База взлетела на воздух. Пожар продолжался не менее суток. Согласно документам бригады за 1943 г.: *«Подобных баз взорвано три и два мелких склада с горючим. Взорвано 2 склада боеприпасов. Взорвано и уничтожено 12 различных заводов: скипидарных, лесопильных, маслозаводов с готовой продукцией, которую часть забрали*

Рис. 4. В. П. Никольский
(НПИКМЗ КП-100941/03)

себе, часть раздали населению» [3, с. 68]. На боевом счету партизан соединения числятся взорванная электростанция в г. Полоцке и автомастерская, в которой сгорели 12 немецких автомашин.

Партизанские документы отмечают, что иногда партизанами применялись весьма оригинальные методы борьбы, так: «Лейтенант Руднев 4 раза пытался подойти к железной дороге, но всякий раз был обстрелян гитлеровцами и не мог совершить диверсию, тогда он заминировал сани и направил к немцам, немцы стали рассматривать подводу — произошел взрыв, погибло 10 солдат и офицеров противника» [3, с. 69].

В документах бригады отмечается факт существования доказательной базы на все боевые и диверсионные операции соверша-

емые партизанами бригады «Неуловимые» на Полоцкой земле: «Каждая диверсия проверяется путем войсковой и оперативной разведки, после чего заносится в журнал боевой и диверсионной работы» [3, с. 59].

Таким образом, за весь период боевой и диверсионной деятельности партизанской бригады «Неуловимые» на Полотчине её бойцы нанесли ощутимый урон противнику: они уничтожили несколько вражеских гарнизонов, взорвали не один десяток мостов и складов, сбили несколько самолётов, пустили под откос множество вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Партизанами было проведено более чем 40 крупных боёв с оккупантами и более 100 мелких, уничтожено более чем 300 вражеских эшелонов на железной дороге. В ходе «Рельсовой войны» взорвано 1 170 рельсов. На Полоцкой земле партизанами было убито и ранено более 25 тысяч солдат и офицеров противника.

Партизанская бригада являлась мощным боевым партизанским соединением и внесла значительный вклад в общенародное дело борьбы по разгрому немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на территории Беларуси.

Список литературы и источников

1. Докладная записка КГБ при Совете Министров БССР в ЦК КПБ о партизанской бригаде «Неуловимые» и копии документов бригады // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 28.— Л. 84.
2. Историческая справка и сведения об организации, боевых действиях, численности и личном составе и вооружении бригады Прудникова // НАРБ.— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 18.— Л. 18.
3. Материалы по боевой деятельности партизанской бригады Прудникова. 1942—1944 гг. // НАРБ.— Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 27.— Л. 168.
4. Материалы по боевой деятельности партизанских бригад и отрядов Витебской области. 7 мая 1942 — 2 июня 1944 г. // НАРБ.— Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 15.— Л. 393.
5. Стержанова, С. Е. Воспоминания [рукопись].— Полоцк, 1980—1990 гг.— 8 с. (НПИКМЗ КП22-035013).

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ Г. ПОЛОЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ В 1943—1944 ГГ. ПО ДАННЫМ ПАРТИЗАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Рудаков П. С.

ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

ГАРНИЗОН ПОЛОЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ. Полоцк был оккупирован немецкими войсками 16 июля 1941 г., освобождён — 4 июля 1944 г. За три года оккупации город был почти полностью разрушен, лишился большей части своего населения. Судьба самого города мало интересовала немецкое командование, важной была лишь его роль как транспортного узла пути снабжения на московском направлении. Поэтому вся деятельность оккупационных властей сводилась в первую очередь к обеспечению этой функции города.

Многочисленные партизанские отряды и их деятельность в Полоцком районе вынуждала немецкое командование содержать в оккупированном Полоцке и близлежащих деревнях сильные гарнизоны. По мере роста и развития партизанского движения эти гарнизоны также росли, хотя на их численный и качественный состав влияло множество факторов, часто не связанных с прямой угрозой со стороны партизан. Задачей гарнизонов было обслуживание и защита коммуникаций Полоцка и пяти основных направлений грузоперевозок. В состав Полоцкого гарнизона входили армейские, строительные, охранные подразделения, СС. Размещены они были в основном по окраинам города, кроме гарнизонной комендатуры и дивизиона СС (располагались на площади напротив Николаевского собора) и двух тыловых госпиталей (располагались на территории бывшего кадетского корпуса). На начало 1943 г. на окраинах Полоцка базировались:

- батальон украинцев до 400 чел. (из числа бывших военнопленных) — рядом с ж/д мостом, предназначался для охраны мостов через Западную Двину;
- немецкий строительный батальон до 250 чел. — в здании школы № 2 (как правило, такого рода подразделения относились либо к Организации Тодта, либо к Имперской службе труда и до 1942—1944 гг. являлись военизированными подразделениями, впоследствии приравненными по статусу к вермахту);

- немецкое железнодорожное подразделение до 500 чел. — в станционных зданиях и в Громах (неизвестно, были ли эти подразделения из состава полевых железнодорожных батальонов, либо принадлежали железнодорожным саперным войскам);
- в Громах находился бронепоезд с танками.

В городе дислоцировалось значительное количество вспомогательных подразделений Вермахта и Люфтваффе. С середины 1943 г. на полоцкий аэродром прибыл строительный батальон «LuftBauBatalion» в форме зенитных войск, в значительной степени состоявший из военнопленных. Чтобы предотвратить диверсионную деятельность партизан, на полоцкую нефтебазу прибыл и расположился батальон «Turkestan», сформированный из бывших военнопленных — выходцев из советских среднеазиатских республик. По улице К. Маркса жилые дома заполнялись подразделениями ПВО, осуществлявшими противовоздушную оборону мостов через Западную Двину и полоцкого ж/д узла. В Зелёном городке начал дислоцироваться 610-й восточный караульный батальон из числа бывших советских военнопленных. С середины апреля 1944 г. в городе также дислоцировался 4-й отдельный ж/д полк, состоящий из 4-х батальонов по 4 роты в каждом, численностью по 120—130 чел., задачей которого была подготовка, строительство и заграждение (недопущение диверсий) объектов железнодорожных путей сообщения [5, л. 170—175].

Общий количественный состав полоцкого гарнизона в разведывательных донесениях указывался весьма приблизительно — около 8 000—9 000 человек в начале 1943 г., около 25 000 — на середину 1943 г., что говорит о недостатке точной информации. С другой стороны, партизанская разведка получала достаточно информации об отдельных подразделениях, включая их номер, время появления в Полоцке и последующую передислокацию (если таковая имела место быть).

Задачу по обороне города выполнял не только его непосредственный гарнизон. Деревни и городки вокруг Полоцка были превращены в опорные пункты, целью которых было задержать наступающую Красную армию на подступах к Полоцку. В них также находились гарнизоны:

- Казимирово — 80—150 чел.
- Дретунь — 250 чел.
- Клястицы — 120 чел.
- Труды — 250 чел.
- Горяны — 250—300 чел.
- Оболь — 250 чел.

- Городок — 250 чел.
- в Боровухе-2 — 120 чел. Там же была зафиксирована часть № 727, занимающаяся снабжением всех гарнизонов Полоцкого района и проходящих частей [2, лл. 17—38].
- в Юровичах располагался военный городок, в котором на начало 1943 г. находилось 1200 человек 15—17 лет, которые проходили учёбу и готовились как резерв.
- в Дретуни в октябре 1942 г. — авиагородок около 400 чел., в 2-х км от станции Дретунь. На самой станции — 60—80 чел. (австрийцев) [2, л. 71].
- в Боровухе-1 в январе 1943 г. — гарнизон около 5 500 чел., зафиксирована лётная школа на 300 человек.

По показаниям пленных установлена дислокация 391-й учебно-полевой дивизии в районе Полоцка (на январь — февраль 1943 г.). Дивизия выполняла не только задачу подготовки личного состава пехоты, но и несла охрану коммуникаций, а также привлекалась для действий против партизан. Вероятно, военный городок в Юровичах готовил резерв именно для этой дивизии. Дивизия подтверждалась под Полоцком 25.10.43 г. [4, л. 9].

10 февраля 1943 г. установлена дислокация 201-й охранной дивизии в Полоцке и действия 601-го и 406-го полков этой дивизии против партизан в районе Россон [4, л. 10].

В здании бывшего кадетского корпуса до середины мая 1943 г. находилось два тыловых госпиталя — № 1/605 и № 1/684(mot), на улице Фрунзе — военный госпиталь (лазарет) 1/684 Abt. (для казаков, полицейских, украинцев). В середине мая госпиталь № 1/605 переехал в Гомель [5, л. 170—171].

В середине 1943 г. в окрестностях Полоцка были зафиксированы казачьи части — 603, 623, 624, 625-й батальоны и Ost Komp. 638 — *«танковая часть, из казаков, участница Африканской кампании, в июне 1943 стояла в Фариново без танков. Использовалась против партизан, но подчинялась не казачьему командованию, а непосредственно немцам. В августе выехала в Витебск»* [5, л. 153—168]. В данном случае имеют место быть либо непроверенные данные, либо умышленная дезинформация. В действительности батальон Ost Komp. 638 никогда не был танковым подразделением и не участвовал в Африканской кампании.

В ноябре 1943 г. партизанской разведкой были определены оперативные резервы противника, которые тот планировал использовать в обороне подступов к Полоцку в случае начала наступления Красной армии: Крулевщизна—Полоцк — 551-й полк, Молодечно—Крулевщизна — 975-й

полк, Крулевщизна—Поставы — 632-й полк, в районе Полоцка — 62-й охранный полк [4, л. 5].

Отмечается, что в апреле — мае 1944 г. немецкие гарнизоны усиленно готовятся к химической войне. Вероятно, командование Вермахта ожидало использования Красной армией всех доступных средств для преодоления немецкой обороны.

Национальный состав гарнизонов Полоцка и его окрестностей был неоднороден. Кроме немцев присутствовали австрийцы, французы, греки, итальянцы, причём французы и греки были мобилизованы насильно, а итальянские солдаты, зафиксированные в Полоцке в апреле 1944 г., были пленными в 4-м отдельном ж/д полку. По всей видимости, это итальянские солдаты, которые были разоружены и взяты в плен немцами после смещения Муссолини и перехода Италии в состав антигитлеровской коалиции [3, лл. 325—326].

НАСТРОЕНИЯ В ГАРНИЗОНЕ. В середине 1943 г., после поражения под Курском и выхода Красной армии к границам БССР, боевой дух немецкого гарнизона в Полоцке серьезно снизился. К примеру, информация, почерпнутая из разговоров с немцами — бывшими служащими лазарета: Полоцк находится в окружении партизан, отступать из него будет трудно, а если лазарет переедет в Витебск — будет возможность отступления вместе с основными частями на Оршу [5, л. 170—171]. На основании этих данных можно сделать вывод, что определённая часть немецкого гарнизона невысоко оценивала способность удержать Полоцк.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ. В 1943—1944 гг. в Полоцке и его окрестностях было развёрнуто обширное оборонительное строительство. Оборона города строилась по принципу круговой. Строительство велось одинаково интенсивно со всех сторон. В первых числах декабря 1942 г. Полоцк начинают огораживать колючей проволокой. На улицах и переулках роятся окопы [2, л. 71]. Строительство укреплений происходило силами местного населения и немецкого сапёрного батальона. Весь город был ограждён проволочными заграждениями, для чего каждый житель от 14 до 60 лет должен был предоставить 2 столба. Возле заграждений во многих местах были уложены противотанковые мины.

Оборонительные линии по всему периметру обороны в два ряда охватывали город и оконечностями упирались в Западную Двину (местами линии были в три ряда). Укрепления на внешней стороне города состояли из окопов, блиндажей и деревоземляных огневых точек (далее — ДЗОТов), они охватывали дугой сектор, заключённый между Псковской и Витебской железными дорогами. Укрепления строились и вдоль ветки, соединяющей Невельскую и Витебскую железные дороги.

На подходах к Полоцку создан ряд укрепленных пунктов, расположенных вокруг города — д. Струнье, Секеровщина, Зелёный Городок, Гендики, Экимань, Бельчица, Коровники. В этих деревнях были построены ДЗОТы и окопы [2, л. 364].

Основой опорных пунктов противника являлись деревоземляные и долговременные огневые точки (далее — ДОТы). В довоенный период и во время войны немецкими военными инженерами было разработано большое количество разнотипных долговременных сооружений, которые представляли собой стандартные проекты, адаптируемые под определённые условия.

Оборонительные сооружения сухопутных войск Германии (Вермахта) разделялись на три основных типа:

1) *Feldmässig Anlage* (полевые сооружения)

Сооружения этого типа были наименее защищённым и, как правило, строились из доступных материалов, таких как песок, торф, камень и бетон, если он был доступен. Толщина стен обычно 40—60 см. Такого рода сооружения защищали от стрелкового оружия и осколков снарядов.

2) *Verstärkt Feldmässig (Vf)*

Укреплённые полевые сооружения из бетона или железобетона с толщиной стен до 100 см. Предназначены для защиты от артиллерийских снарядов калибром до 105 мм и малокалиберных авиационных бомб (до 50 кг).

3) *Ständig Anlage (St)*

Долговременные сооружения, обладающие развитой инфраструктурой и приспособленные к продолжительному автономному функционированию. Данные сооружения были разделены на категории, исходя из толщины стен и перекрытий.

Интерес представляет тот факт, что по советской классификации инженерных сооружений два последних типа — *Verstärkt Feldmässig* и *Ständig Anlage* — относятся к категории долговременных. Соответственно, при сопоставлении данных противоположных сторон, касающихся укрепрайонов, узлов обороны и т. п., возможна путаница из-за разных подходов к классификации сооружений.

Наиболее распространённым типом немецких долговременных сооружений, построенных на территории Полоцка, являются сооружения типа *Verstärkt Feldmässig (Vf)* — небольшие железобетонные огневые точки, железобетонные укрытия для личного состава.

Наибольшее количество долговременных сооружений в Полоцке было сосредоточено в восточной части города, на витебском направлении. Это обусловлено как стратегической важностью восточного направления, как основ-

ного направления предполагаемого наступления Красной армии, так и необходимость защиты Полоцкого ж/д узла. На невеликом направлении оборона Полоцка была менее насыщена долговременными сооружениями по сравнению с восточным направлением. Северный сектор обороны был расположен в труднодоступной местности, со слабо развитой дорожной сетью, по которой наступление затруднено. Поэтому можно предположить, что командование Вермахта посчитало целесообразным насыщение его более дешёвыми дерево-земляными огневыми точками, окопами и проволочными заграждениями. На минско-оршанском направлении долговременных оборонительных сооружений было сравнительно немного, так как на южном направлении оборонительные рубежи возводились в последние месяцы перед советским наступлением. Их основной задачей была защита мостов через Западную Двину.

Кроме строительства полевых и долговременных укреплений, принимались и другие меры по улучшению обороны города. В ноябре 1943 г. между станцией Горяны и деревней Горяны было вкопано 18 танков. В декабре того же года между Боровухой-1 и Зелёным Городком было вкопано 12 танков [3, л. 385]. На правом берегу Западной Двины установлено 12 бронеколпаков. Усиление общей обороны Полоцка, как города-крепости, связано с выходом Красной армии к ж/д станции Дретунь и возникшей угрозой его освобождения. В это же время происходило насыщение немецкой обороны противотанковыми и противопехотными минами: в начале 1944 г. на участке ж/д от станции Оболь до станции Горяны были заминированы все водосточные трубы, мосты через Западную Двину, ж/д станция № 1 и кирпичные здания центральной части города [3, л. 401].

АВИАЦИЯ И ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА ГОРОДА. Большое внимание уделялось развитию аэродромов и ПВО в г. Полоцке. В городе и вокруг него существовала сеть аэродромов, активно используемая Люфтваффе для подготовки молодых лётчиков, ведения воздушной разведки и обеспечения с воздуха карательных экспедиций в партизанских зонах.

По данным за 22.10.43 г. на аэродроме Полоцк базировалось 46 самолётов разных типов. В феврале 1944 г. на аэродроме базировались 30—35 двухмоторных бомбардировщиков, и 2 шестимоторных самолёта (последние — вероятно, военно-транспортные Me-323 Giant, самые большие серийные самолёты Люфтваффе). В мае 1944 г. — уже 52 самолёта разных типов: разведчики Focke-Wulf-189 и Henschel-126, истребители Focke-Wulf-190, бомбардировщики Junkers-87. На Дретуньском аэродроме в августе 1943 г. базировалось 4 самолёта Focke-Wulf и 3 Heinkel неустановленных моделей. Позже — 9 разведывательных «Heinkel» (возможно, Heinkel-46), и 8 «Focke-Wulf» — «двухфюзеляжных» (Focke-Wulf-189) [4, лл. 1—67].

ПВО города и его окрестностей также постоянно усиливалась, прежде всего с целью защиты полоцкого ж/д узла и мостов через р. Западную Двину. С августа 1943 г. устанавливаются зенитные пушки в деревнях Секировщина, Яново-2, Экимань, Бельчица-2, Лозовка и в самом городе — в Черноручье, в районе действующей водяной мельницы на Полоте, на территории 15-го артполка и севернее Полоцкого аэродрома. В сентябре 1943 г. 3 зенитные пушки были установлены на полигоне северо-восточнее Воловьего озера. По данным на начало июня 1944 г. в Полоцке базируется 127-й артиллерийский дивизион 18-й зенитной дивизии. В дивизионе 800 человек личного состава, 6 батарей, в каждой по 6 тяжёлых и 3 лёгких зенитных орудия. В Боровухе-1 отмечено базирование 30-ти зенитных орудий и 6-ти прожекторов [1, л. 299].

СКЛАДЫ, БАЗЫ СНАБЖЕНИЯ. Полоцк, являющийся важным транспортным узлом, интенсивно использовался в интересах Вермахта как пункт снабжения и перевалочная база для ближних и глубоких тылов немецких войск, что обусловило активное использование бывших советских складов и оборудование новых. *«На 12.12.42 склады оружия находились в зданиях бывшего железнодорожного батальона в Громах, склады продовольствия — в Боровухе-2, нефтебаза — в бывшем скипидарном заводе у Полоцкого вокзала и 2-я нефтебаза — в другом конце города, по дороге на Боровуху-2»* [2, л. 24].

В конце декабря 1942 г. партизанской разведкой в Полоцке были обнаружены хранилища бензина на Рижской улице — ёмкостью около 500 тонн (за ж/д переездом), у переезда при вокзале — около 300 тонн.

В начале 1943 г. почти все склады были вывезены за Западную Двину. В середине августа того же года из Полоцка вывозили всё, кроме боеприпасов, включая невоенные принадлежности и ценности города [5, л. 176]. Причиной тому было стратегическое наступление Красной армии летом—осенью 1943 г., в результате которого советские войска освободили половину оккупированной противником территории и подошли к границе БССР. Вследствие этого Полоцк усилиями тыловых служб Вермахта и Люфтваффе начинает насыщаться складами с боеприпасами, горючим и продовольствием для усиливающегося гарнизона. В конце 1943 г. партизанами было выявлено до 60 складов с боеприпасами в Зелёном городке, 15 складов с продовольствием — по обе стороны железной дороги [4, л. 1]. В районе станции Горяны — 7 резервуаров большой ёмкости с бензином, вкопанных в землю [4, л. 10].

В начале 1944 г. на территории бывшего скипидарного завода было выявлено крупное бензохранилище, северо-западнее г. п. Фариново — 3 артиллерийских склада. Рядом, в лесу, в 1 км северо-западнее Фариново — склад горючего в бочках [4, л. 42].

01.05.44 г. в лесу северо-западнее Боровухи-1 находился бензосклад примерно на 1 000 тонн топлива, рядом — склад продовольствия [4, л. 83].

От 20.05.44 г. в Боровуху-1 поступило около 100 вагонов горючего в бочках, которые были сложены в лесу западнее военного городка [3, л. 267]. Расположение складов топлива в лесах было продиктовано необходимостью маскировки, так как советская авиация активно бомбила выявленные разведкой цели в городе и его окрестностях. В частности, во время налёта 01.02.44 г. советские бомбардировщики уничтожили 1 эшелон горючего, 1 эшелон с продовольствием, склад с военным имуществом и 1 самолет с экипажем [3, л. 418].

Данные разведки партизанских бригад, несмотря на свою фрагментарность, позволяют сделать определённые выводы. В Полоцке содержался крупный гарнизон, в задачи которого входили не только противопартизанские действия, но и удержание города и подступов к нему в случае наступления Красной армии, для чего он постоянно усиливался. Масштаб оборонительного строительства, привлечение значительных сил авиации и ПВО говорит о превращении Полоцка в город-крепость, а вместе с подступами к городу — в крупный укреплённый район, призванный сковать значительные советские силы и тем самым ослабить давление Красной армии на других участках фронта. Факт проведения впоследствии отдельной Полоцкой фронтовой наступательной операции показал, что советское командование имело хорошее представление о значимости для противника удержания Полоцка.

Список литературы и источников

1. Дело разведывательного отдела ШПД на 1-м Прибалтийском фронте с разведанными фронта // Национальный архив Республики Беларусь.— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 937.— Л. 219—301.
2. Материалы по боевой деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады // Национальный архив Республики Беларусь.— Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 7.— Л. 17—373.
3. Оперативные и разведывательные сводки БШПД // Национальный архив Республики Беларусь.— Фонд 1450.— Оп. 11а.— Д. 35.— Л. 173—418.
4. Планы военных объектов и оборонительных сооружений противника // Национальный архив Республики Беларусь.— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 905.— Л. 1—89.
5. Разведывательный отдел ШПД на 1-м Прибалтийском фронте с разведывательными данными партизанских бригад // Национальный архив Республики Беларусь.— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 917.— Л. 153—202.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ С ДЕТЬМИ 4—5 ЛЕТ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ситдикова Н. И.

старший научный сотрудник Детского музея — филиала НПИКМЗ

Цель работы — изучить теоретический материал по использованию мультимедиа технологий в образовательном процессе дошкольных учреждений, создать мультимедиа презентации по музейно-педагогической программе «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать».

17 июля 2017 г. в Республике Беларусь вступило в силу «Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь о приоритетных направлениях деятельности системы дошкольного образования 2017 / 2018 учебном году». Данное письмо представляет собой совокупность обязательных требований к дошкольному образованию: к структуре программы и её объёму, условиям реализации и результатам освоения программы.

В данном документе говорится о необходимости внедрения в педагогическую практику информационно-коммуникационных технологий, электронных образовательных ресурсов, а также обеспечение учреждений дошкольного образования современными средствами обучения [1].

То есть, сегодня мы наблюдаем не только интерес к процессу интеграции информационно-коммуникационных технологий в дошкольные учреждения, но и сделан акцент на важность и качество дошкольного образования в целом [5; с. 19].

В настоящее время мультимедиа является одним из наиболее популярных, динамично развивающихся и перспективных направлений информационных технологий, которые используются в образовательном процессе дошкольных учреждений.

Мультимедиа (multimedia) — это «современная компьютерная информационная технология, позволяющая объединить в себе текст, звук, видео, изображение, графическое изображение и анимацию (мультипликацию)» [6; с. 56—58; 9]. Исследования учёных показали, что использование данной технологии повышает усвоение материала, так как задействованы одновременно различные формы представления и усвоения информации —

зрительная, механическая, слуховая и эмоциональная. «Использование мультимедийных технологий позволяет сделать занятия эмоционально окрашенными и привлекательными, является прекрасным наглядным пособием и демонстрационным материалом, что способствует хорошей результативности занятия, а также дает возможность имитации проблемных ситуаций и экспериментов» [7; с. 134].

В нашей работе мы использовали презентацию как самую доступную форму представления информации в дошкольном учреждении. Цель мультимедийной презентации — донести до целевой аудитории полноценную информацию об объекте презентации в доступной форме. Мультимедийная презентация придаёт образовательному процессу проблемный, творческий, исследовательский характер, индивидуализирует процесс образования, способствует обновлению содержательной стороны предмета. Презентация несёт образный тип информации, понятный дошкольникам; формирует у малышей систему «мыслеобразования». Именно дошкольникам, с их образно-наглядным мышлением, понятно лишь то, что можно одновременно рассмотреть, услышать, подействовать или оценить действие предмета [3].

Разработка мультимедийной презентации, создание схемы сценария и составление текстового сопровождения к мультимедийной презентации требуют от воспитателей и музейных педагогов выполнения определенных принципов:

Содержание:

- 1) Объём: количество слайдов для детей дошкольного возраста не должно превышать 10 слайдов.
- 2) Доступность: нужно обеспечить понимание каждого слова, предложения, понятия, раскрывать их, опираясь на знания и опыт слушателей. Значения новых слов и терминов должны быть объяснены. В содержании презентации необходимо избегать использования схем, графиков и числовых значений.

Оформление презентации:

Для лучшего восприятия презентации, её влияния на результативность процесса обучения, на состояние здоровья детей и педагогов необходимо придерживаться следующих рекомендаций:

- 1) Расположение информации на слайде:

Наиболее важная информация должна располагаться в центре экрана. На слайде должна быть только та информация, которую воспитатель или музейный сотрудник хочет донести до детей. Недопустимо наличие отвлекающих рисунков, анимации в оформлении слайда, которые в дан-

ный момент неуместны. Всё это будет только отвлекать детей от основного содержания.

2) Цвет:

Цвет по-разному влияет на первичное восприятие предлагаемого материала, на его запоминание и на здоровье ребёнка. Например, зелёный и белый цвета — спокойные, не раздражающие, способствующие интеллектуальной деятельности. Недопустимо использовать в презентации красный фон, а также более 4-х цветов на одном слайде.

3) Общие требования к использованию изображений на слайдах:

- качественные фотографии, т. е. чёткие, графические изображения высокого разрешения;
- соответствие фотографий, изображений (как зрительного ряда) текстовому содержанию (фото и рисунки необходимо подписывать);
- размещение фотографий и рисунков на слайде должно отвечать общим дизайн-эргономическим требованиям экранного представления информации.

Корректно подобранное изображение усиливает внимание, положительно влияет на понимание содержания учебного занятия, на эмоциональный фон занятия (мероприятия) [4].

При ознакомлении детей с новым материалом на каждом слайде должно быть по одному изображению. Это требование относится ко всем возрастным группам. А при обобщении или закреплении пройденного материала в средних, старших и подготовительных группах можно использовать до 5—6-ти графических изображений на слайде (например, в игре «Какие предметы живут в Детском музее»).

Как показывает практика, наполнение мультимедийных презентаций зависит от темы и формы занятия, подготовленности и интереса детей, склонностей и пристрастий самого воспитателя, программно-методического обеспечения. Стоит отметить, что использование данной информационной технологии можно условно разделить на два уровня:

- эпизодический, когда воспитатель или музейный сотрудник периодически возвращается к слайдам презентации;
- синхронный уровень, который предполагает применение презентации на протяжении всего занятия или значительной его части.

В настоящее время существует множество видов презентаций. По способу представления информации их можно разделить на:

- статичные презентации;

- анимированные презентации;
- видеопрезентации;
- 3D-презентации;
- мультимедийные презентации [8].

Существует множество программ для создания презентаций. Например, такие как Microsoft Power Point, Windows Movie Maker, OpenOffice Impress, Keynote, SoftMaker Presentation, KPresenter. Нами для работы была выбрана программа Microsoft PowerPoint, так как она позволяет создавать мультимедийные презентации в виде слайд-шоу, с добавлением анимации, графики, текста, звука, видео и интерактивных элементов [6].

Наряду с изучением теоретических материалов по созданию презентаций, были изучены работы современных психологов С. Л. Новосёловой [10; с. 15—17], Е. В. Проскуры [11], Г. А. Урунтаевой [12; с. 285—290], а также Постановление Министерства здравоохранения «Санитарные нормы и правила «Требования для учреждений дошкольного образования» по вопросам организации деятельности детей и санитарно-гигиенических норм на занятиях с информационно-коммуникационными и мультимедиа технологиями [2].

В качестве практической части подготовлены презентации для детей 4-х и 5-ти лет по программе «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать».

Для проведения занятий первого блока программы «Давайте будем друзьями», в котором дети обобщают знания о своём ближайшем окружением, мы отобрали три темы, для раскрытия которых были использованы и опробованы в декабре 2017 г. мультимедийные презентации: «Знакомьтесь, это мы!», «Я работаю в Детском музее», «Рассказы мастера Добродеев» и игра «Таинственный горшок».

Презентация «Знакомьтесь, это мы!» разделена на два блока. Задачи первого блока: опираясь на изображения на слайдах, формировать представление ребёнка о самом себе, о своём месте в окружающем его пространстве, а также помочь детям составить рассказ о себе и своей группе. Поэтому в первый блок были включены фотографии самих детей (общее фото группы), а также режимные моменты из их жизни в дошкольном учреждении. Фотографии знакомых помещений детского сада и прилегающей к нему территории вызвали у ребят живой неподдельный интерес. Показ слайдов сопровождался эмоциональным, живым, ярким рассказом детей о том, что они видят на экране.

Вторая часть презентации состоит из интерактивного слайда: ребятам предлагается на выбор два пути, которыми можно добраться до Детского

музея. Этот блок решает целый комплекс задач: воспитывает интерес к культурным памятникам и историческим местам родного города, развивает пространственное мышление, формирует навыки речевого общения, воспитывает культуру поведения на дороге.

Кликнув на картинку с детьми, ребята выбирают пешеходный путь. Просмотр слайдов сопровождается диалогом с детьми, в процессе которого мы активизируем знания ребят об исторических местах, закрепляем названия улиц, по которым передвигаемся, говорим о правилах поведения пешехода на дороге. Во втором варианте (картинка «Автобус») мы говорим о поездке в Детский музей на общественном транспорте. В этом случае дети сами рассказывают о том, как вести себя в автобусе, нужно ли покупать билет и можно ли ходить по салону во время движения транспорта, а также надо ли внимательно слушать объявляемые остановки.

Задачей второй презентации «Я работаю в Детском музее» является предварительное знакомство ребят с пространством музея и местом работы научных сотрудников. В эту презентацию включены фотографии здания музея, скульптур «Школяр» и «Девочка с солнечными часами», рабочего кабинета, гардероба и экспозиционных залов.

Чтобы заинтересовать ребят в посещении музея, в слайдах данной презентации мы использовали анимацию и звуковые дорожки. А тем, кто уже был в музее, эти слайды помогут вспомнить предметы, увиденные ранее в экспозиции.

Интерактивный слайд «Какие предметы живут в Детском музее?» появляется в конце презентации и как итог знакомства, и как игровой момент. Ребятам нужно назвать предметы, которые живут в Детском музее.

А какие предметы живут в других музеях Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника?

Третья презентация «Рассказы мастера Добродея» — это иллюстрированный рассказ музейного педагога о жизни предметов в музее, о специалистах, занимающихся учётом, реставрацией и хранением музейных предметов.

Задача этой мультимедийной презентации: удержать внимание ребят, мотивировать их рассказ о своих впечатлениях, основанных на личном опыте посещения музеев, поделиться уже имеющимися знаниями.

По рекомендациям психологов, в презентации для детей 4—5 лет можно использовать не более 10—12 слайдов [7]. Однако, учитывая многоаспектность данной презентации, мы увеличили количество слайдов до 25-ти. В связи с этим была откорректирована методика работы с мультимедиа презентацией: введены настольные печатные игры, слайды были дополнены звуковыми дорожками и анимацией. Например, слайд «Скрипторий»

был дополнен звуковой дорожкой, воспроизводящей скрип гусяного пера, а слайд «Орган» привлёк внимание торжественным звуком органа.

В завершении презентации предлагаются интерактивные слайды, на которых ребятам необходимо внимательно рассмотреть экспозиции некоторых музеев и вспомнить, как называется тот или иной музей. Им предлагается выбрать из двух предложенных фотографий правильный вариант. В случае неправильного ответа дети слышат резкий сигнал. При нажатии на верный вариант дети слышат бурные аплодисменты, а фотография появляется на экране в большом формате, что позволяет детям рассмотреть некоторые из музейных предметов, представленных в экспозиции.

Все эти приёмы, использованные в презентации, усиливают эмоциональное впечатление детей и способствуют формированию устойчивого внимания при восприятии информации.

Завершающим этапом названных презентаций является интерактивный веб-квест «Таинственный горшок». Для ребят создаётся проблемная ситуация, решить которую они могут как все вместе, так и индивидуально.

Сюжет игры: на чердаке найден горшок, не очень красивый но, по виду, старинный. Пока его не очень осторожно несли, венчик горшка раскололся. Ребёнку, или группе детей, необходимо решить, как они поступят: попробуют склеить венчик самостоятельно (перейдя по открывшейся ссылке, им предлагается выбрать вид клея), посоветуются с другом или подругой, выбросят горшок или спросят совета у взрослых.

Задача данной игры — подсказать ребёнку, как следует поступить в похожей жизненной ситуации, а также чего не стоит делать (например, склеивать горшок самостоятельно). Данный веб-квест может являться дополнительным элементом к тематическим занятиям и может быть использован по усмотрению воспитателя или музейного сотрудника.

Таким образом, мы считаем, что использование мультимедийных технологий в проведении музейно-педагогических занятий на базе дошкольного учреждения, в сочетании с традиционными средствами обучения, развивает зрительное внимание и зрительную память, помогает подготовить ребёнка к самостоятельному изучению окружающего его мира и обеспечивает необходимый интеллектуальный уровень готовности к школе.

Созданные материалы могут использоваться на занятиях для детей 4—5 лет в условиях любого дошкольного учреждения при наличии необходимого оборудования. Презентации могут быть использованы как целиком, без изменений, так и выступать в качестве опоры для создания педагогами собственных презентаций, расширенных и дополненных по их усмотрению.

Список литературы и источников

1. Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь «Приоритетные направления деятельности системы дошкольного образования в 2017 / 2018 учебном году» // Национальный Образовательный Портал [Электронный ресурс].— 2017.— Режим доступа: <http://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2017-2018-uchebnyj-god/1262-instruktivno-metodicheskie-pisma.html>.— Дата доступа: 28.10.2017.
2. Об утверждении санитарных норм и правил «Требования для учреждений дошкольного образования»: Постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 25 января 2013 г., № 8 // База правовых актов: Министерство здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: http://minzdrav.gov.by/ru/static/acts/tehnicheskie/teksty/doshkolnye_uchrezhdenia.— Дата доступа: 20.12.2017.
3. Дмитриев, Ю. Информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности педагога дошкольного образования / Ю. Дмитриев, Т. Кротова, Т. Калинина // МПГУ [Электронный ресурс].— 2016.— Режим доступа: <https://mybook.ru/author/yurij-dmitriev-2/informacionnye-i-kommunikacionnye-tehnologiiv-pro/>.— Дата доступа: 08.12.2017.
4. Зенина, И. А. Принципы и правила создания учебных мультимедийных презентаций / И. А. Зенина // Муниципальное образовательное учреждение методический центр «Центр информатизации образования г. Ростова-на-Дону» [Электронный ресурс].— 2016.— Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/downloaddocs-79115/79115.doc>.— Дата доступа: 12.12.2017.
5. Калаш, И. ИКТ и дошкольное образование / И. Калаш // Возможности информационных и коммуникационных технологий в дошкольном образовании: аналитический обзор / Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании; рук. проекта И. Калаш.— М., 2011.— 177 с.
6. Колганов, А. А. Системы мультимедиа сегодня / А. А. Колганов // HARD&SOFT.— 2008.— № 4.— 103 с.
7. Ставцева, Ю. Г. Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовательном учреждении / Ю. Г. Ставцева // Гаудеамус.— 2015.— № 1 (25).— С. 132—137.
8. Елизаветина, Т. М. «Компьютерные презентации: от риторики до слайд-шоу»: Издательство: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2003.— С. 35.
9. Мультимедийная презентация // Новый словарь методических терминов и понятий [Электронный ресурс].— 2009.— Режим доступа: https://methodological_terms.academic.ru/1015/мультимедийная_презентация.— Дата доступа: 30.10.2017.
10. Новосёлова, С. Л. Компьютерный мир дошкольника / С. Л. Новосёлова, Г. П. Петку.— М.: Новая школа, 1997.— 85 с.

11. Проскура, Е. В. Развитие познавательных способностей дошкольника / Е. В. Проскура // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс].— 2002.— Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001264840>.— Дата доступа: 30.11.2017.
12. Урунтаева, Г. А. Социальная ситуация развития в период перехода от дошкольного к младшему школьному возрасту / Г. А. Урунтаева // Дошкольная психология: учеб. пособие / Г. А. Урунтаева.— 5-е изд.— М.: Издательский центр «Академия», 2001.— 336 с.

УДК 069(476.5-21)+581:39

КАНЦЭПЦЫЯ І РЭАЛІЗАЦЫЯ ВЫСТАВАЧНАГА ПРАЕКТА «зДрэва.by» У МУЗЕІ ТРАДЫЦЫЙНАГА РУЧНОГА ТКАЦТВА ПААЗЕР'Я

Сілкоў С. І.

старшы навуковы супрацоўнік

Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я — філіяла НППКМЗ

Дрэваапрацоўка спрадвеку была адным з найважнейшых, найбольш распаўсюджаных прамысловых заняткаў, што надавала характэрны каларыт гаспадарча-бытавому ўкладу і матэрыяльнай культуры насельніцтва беларускага краю.

Паўсядзённым быт і жыццё былі шчыльна звязаныя з лесам, сярод якога чалавек жыў. З дрэва рабіліся жыллёвыя і гаспадарчыя памяшканні, узводзіліся прамысловыя збудаванні і манументальныя культавыя будынкі. З дрэва вырабляліся сельскагаспадарчыя прылады, розныя прыстасаванні, прадметы дамашняга ўжытку, посуд, мэбля, транспартныя сродкі.

Адначасова з сацыяльнай эвалюцыяй і тэхнічным удасканаленнем палыблялася вытворчая спецыялізацыя, што абумоўлівала дыферэнцыяцыю дрэваапрацоўчых рамёстваў на адносна самастойныя вытворчыя заняткі. У залежнасці ад асаблівасцей рамеснай тэхнікі і наменклатуры вырабаў сярод іх можна вылучыць цясларства, сталярнае, стальмашнае і бандарнае рамёствы, выраб выдзеўбанага посуду, такарную апрацоўку драўніны.

Большасць неабходных для прадзення і ткацтва інструментаў, якія прадстаўлены ў пастаяннай экспазіцыі Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, вырабляліся таксама з дрэва. З гэтага вынікае, што тэма дрэва, як матэрыялу для вырабу прадметаў, блізка звязаная з тэмай музея. Таксама

ў фондах НППКМЗ знаходзяцца як інструменты, якія выкарыстоўваюцца ў дрэваапрацоўчых рамёствах, так і выкананыя з дрэва унікальныя прылады, прыстасаванні, узоры мэблі і посуду і іншыя прадметы хатняга ўжытку. У сувязі з гэтым наспела неабходнасць больш падрабязна разгледзець драўляны інструментарый, што месціцца ў экспазіцыі музея і ў фондах НППКМЗ. Вынікам вывучэння дадзенай тэмы/калекцыі з’явіўся выставачны праект «ЗДрэва.by».

МЭТЫ:

Пашырыць веды пра жыццё нашых продкаў і культуру іх побыту праз асвятленне дрэваапрацоўчых рамёстваў

ЗАДАЧЫ:

- актуалізаваць значнасць рамёстваў, звязаных з дрэваапрацоўкай;
- пашырыць веды пра інструменты і прадметы побыту, якімі карысталіся нашыя продкі;
- узнавіць некаторыя міфалагічныя ўяўленні пра дрэва;
- раскрыць сённяшні стан лясных пасадак і дрэваапрацоўкі на тэрыторыі Полацка і Рэспублікі Беларусь;
- выхоўваць павагу да працы, да гісторыі і культуры беларускага народа.

Пры стварэнні выстаўкі «ЗДрэва.by» мы абапіраліся на працы беларускіх і расійскіх этнографаў. У першую чаргу на працу Мікалая Якаўлевіча Нікіфароўскага (член Рускага геаграфічнага таварыства, даследчык побыту беларусаў Віцебшчыны). Яго грунтоўная праца «Нарысы прастанароднага жыцця-быцця у Віцебскай Беларусі і апісанне прадметаў побыту», выдадзеная ў Віцебску ў 1895 г. [4], натхніла нас для мастацка-архітэктурнага рашэння выбраць форму жылога дома з падворкам, як найбольш зручную для асвятлення тэмы выкарыстання дрэва і развіцця дрэваапрацоўчага рамяства беларусаў.

Таксама выкарыстоўваліся дадзеныя з працы Віктара Сцяпанавіча Цітова (беларускі этнограф, гісторык, педагог; доктар гістарычных навук, прафесар). Яго праца «Этнаграфічная спадчына: Беларусь: традыцыйна-бытавая культура», выдадзеная ў Мінску ў 2001 г., дазволіла больш грунтоўна паглыбіцца ў дыферэнцыяцыю дрэваапрацоўчых рамёстваў і, у адпаведнасці з гэтым падзелам, больш дакладна сартаваць прадметы на падкомплексы [7].

Выставачная прастора падзяляецца на тры вялікія тэматычныя комплексы:

- 1) «Двор». Гэты комплекс паказвае стылізаваны панадворак сялянскай хаты, які мог адначасова з’яўляцца і майстэрняй гаспадара ў цёплы час,

і пляцоўкай для дзіцячых гульняў [4, с. 213]. Таму тут дэманструюцца: 1) працоўнае месца цесляра, якое прадстаўляюць масіўная драўляная калода з дрэваапрацоўчымі інструментамі і драўлянымі нарыхтоўкамі для вырабу лыжак і чарпакоў; 2) зона для дзіцячых гульняў, у якой месціцца лялечны драўляны конь. Для дапаўнення атмасферы вясковага панадворка мы выкарысталі фотаздымкі аўтарства Ісаака Сербавы, на якіх выяўлены жыхары беларускіх земляў з драўлянымі прадметамі [1].

Своеасаблівай мяжой паміж прасторай хаты і прасторай двара сядзібы з’яўляецца стылізаванае акно, упрыгожанае ліштвай — элементам традыцыйнага дэкору вокнаў, у выглядзе накладной планкі [6, с. 321], што апошнім часам усё больш прыцягвае ўвагу даследчыкаў-этнографіў.

- 2) «Сенцы». Памяшканне прызначанае для захоўвання гаспадарчага рыштунку. У зімовы час магло выкарыстоўвацца гаспадаром як майстэрня, і ў ім маглі захоўвацца неабходныя гаспадару інструменты. Па гэтай прычыне ў дадзеным комплексе месціцца інструментарый, неабходны для існавання дрэваапрацоўчых рамёстваў. Згодна з В. С. Цітовым, дрэваапрацоўчыя рамёствы можна дыферэнцаваць наступным чынам: 1) цясларства, 2) сталярства, 3) бандарства, 4) стальмашнае рамяство, 5) даўбежнае рамяство 6) такарнае рамяство. Кожнае з рамёстваў патрабуе спецыяльных інструментаў [5, с. 103], якія і месцяцца ў адпаведных падкомплексах. Але дадаткова мы выдзяляем наступны падкомплекс — «Гатовыя вырабы», — у якім дэманструюцца прадметы побыту, што найчасцей маглі захоўвацца ў сенцах [4, с. 219].
- 3) «Жылая хата». Дадзены комплекс дзеліцца на падкомплексы «Бабін кут», «Чырвоны кут», «Жылая частка» [4, с. 235]. Кожная з гэтых частак хатняй прасторы змяшчае ўнікальныя па прызначэнні і па форме драўляны інвентар, што дазваляе раскрыць побыт нашых продкаў болей шырока і разгледзець ужыванне дрэва як ва ўтылітарных рэчах, такіх як посуд, мэбля, так і ў дэкоры сакральных элементаў сялянскага жылля, такіх як бажніца ў «Чырвоным куце».

Для найбольш прывабнай візуалізацыі галоўнай ідэі было прынята наступнае дзяленне выставачнай прасторы і размяшчэння прадметаў.
(гл. табліца)

Табліца. Дзяленне выставачай прасторы на комплексы і іх змест

Зона	Комплекс / падкомплекс	Прадметы	
Сенцы S=6,5 кв. м	Цясярства і сталярства	Сякера Долата Гэблік Фуганак	Піла Скобля Баран Драўляная скрыначка
	Стальмашнае рамяство	Кола Дрыль Свердзел	
	Бондарства	Струг Драўляны малаток Маслабойка ляжачая	
	Даўбежнае рамяство	Цясло Разец Начоўкі Жлукта	
	Такарнае рамяство	Верацяно	
	Гатовыя вырабы	Каромысел Вядро Рыдлёўка	
Жылая хата S=6,3 кв. м	Чырвоны кут	Бажніца Ікона	
	Сталовая частка	Стол Лыжкі Сальніца Стул Дзяжа	Абрус Чыгунок Міскі Лучнік (Дзед)
	Люстра	Люстра ў разной раме	
	Бабін кут	Палічка пад посуд Ручнік Вядро для вады	
Двор S=6,9 кв. м	Акно з ліштвай	Ліштва Стылізаванае акно	
	Працоўнае месца на вуліцы пад хатай	Лава Конік лялечны Кошык са стружкай Нарыхтоўка ручкі	Вазок Калода Нарыхтоўка лыжкі

Праект прадугледжваў правядзенне тэматычных экскурсій, заняткаў, лекцый.

ЛЕКЦЫЯ «ДРЭВА Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ».

Для разумення ролі дрэва ў жыцці нашых продкаў мала ведаць, што продкі сучасных беларусаў жылі на лясістай мясцовасці і былі вымушаныя выкарыстоўваць дрэва ў якасці асноўнага матэрыялу для будаўніцтва і вырабу прадметаў, неабходных ім у побыце. Трэба разумець, што «чалавек традыцыйнай культуры», якімі і з’яўляліся беларусы-сяляне, з’яўляецца носьбітам міфалагічнага мыслення і мусіць стварыць тлумачэнне для любоў з’явы [7, с. 132], у тым ліку, ён павінен упісаць у сваю культуру прадметы, якія ствараюць асяроддзе, у якім чалавек пражывае.

Лекцыя складалася з дзвюх частак: экскурсіі па выстаўцы «зДрэва.by» і непасрэдна лекцыйнай часткі. Падчас лекцыі, якую прачыталі выкладчыкі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта П. І. Мішын і В. І. Мішына, наведвальнікі даведаліся пра вобраз «Дрэва жыцця», якое ў некаторых культурах успрымаецца як вось, на якой трымаецца Сусвет. Таксама даведаліся пра вобразы розных дрэваў у сусветнай міфалогіі і міфалогіі беларусаў. Атрымалі інфармацыю пра розныя пароды дрэваў ва ўяўленнях нашых продкаў, пра выкарыстанне дрэва ў язычніцкіх і хрысціянскіх абрадах, а таксама разабраліся, якія дрэвы лічацца «добрымі», а якія «дрэннымі».

Каб раскрыць сённяшні стан лясных пасадак і дрэваапрацоўкі на тэрыторыі Полацка і Рэспублікі Беларусь, была запланавана лекцыя «Дрэва ў лесе і ў жыцці чалавека».

Натуральна, што найлепшым чынам замацаваць веды пра ўяўленні нашых продкаў пра дрэвы можна параўноўваючы іх з сучаснымі, ужо не міфалагічнымі, а навуковымі ўяўленнямі пра дрэва, таму было вырашана правесці яшчэ адну лекцыю, якая б дала адказы на пытанні пра сучаснае стаўленне чалавека да дрэва, пра ролю дрэва ў жыцці і выкарыстанне яго ў побыце сучаснага чалавека.

Лекцыя «Дрэва ў лесе і ў жыцці чалавека», як і папярэдняя, складалася з дзвюх частак: экскурсіі па выстаўцы «зДрэва.by» і лекцыйнай часткі, якую прачытала выкладчыца Полацкага дзяржаўнага ляснога каледжа С. А. Цярэшчанка. Лектар распавяла пра пароды дрэваў, якія можна сустрэць у сучасным беларускім лесе і канкрэтна ў горадзе Полацку і яго ваколіцах, пра праблемы і перспектывы лясных масіваў Беларусі, хваробы дрэваў, пра прымяненне выкарыстанне дрэва, пра работу па ахове здароўя лясоў Беларусі.

Для актуалізацыі значнасці дрэваапрацоўчых рамёстваў і папулярызацыі ведаў пра інструменты і прадметы побыту, якімі карысталіся нашыя продкі, былі распрацаваны музейна-педагагічныя заняткі «Гісторыя адной лыжкі».

Падчас заняткаў наведвальнікі пры дапамозе прадметаў, якія размешчаныя на выстаўцы «зДрэва.by», навучыліся адрозніваць «цвёрдыя» і «мяккія» пароды дрэва, разабраліся, якія з іх лепей выкарыстоўваць пры будаўніцтве хаты, а якія лепей ужываць для разьбярства [2, с. 89]. Таксама паглыбіліся ў гісторыю такога простага ва ўжыванні і цалкам натуральнага для сённяшняй культуры прадмета, як ложка. Наведвальнікі атрымалі інфармацыю пра сімвалічны бок ложка і яе ролю ў традыцыйнай культуры беларусаў, пачулі прыкметы і прыказкі, звязаныя з ложкай, паспрабавалі выкарыстаць ложку ў якасці музычнага інструмента. Напрыканцы кожны наведвальнік уласнымі рукамі зрабіў «Ложку-ляльку» — распаўсюджаную не толькі ва ўкраінцаў і рускіх, але, верагодна, і ў нашых продкаў цацку [3].

Такім чынам, госці маглі скласці для сябе поўную карціну важнасці дрэва і дрэваапрацоўчых рамёстваў для жыцця нашых продкаў на ўзоры простага драўлянага ложка, якая магла быць і сталовым прыборам, і музычным інструментам, і інструментам для варажбы, і нават лялькай.

Падсумоўваючы, хочацца адзначыць, што падчас рэалізацыі выставачнага праекта «зДрэва.by», які доўжыўся з 18 мая па 15 верасня 2017 г., выстаўку наведаў 991 чалавек.

Прайшло двое заняткаў, якія наведала 30 чалавек. Былі праведзеныя дзве тэматычныя лекцыі, якія наведала 35 чалавек.

25 мая 2017 г. у эфіры полацкага тэлекана «Самміт+ТВ» выйшаў рэпартаж пра выстаўку «зДрэва.by».

Наведвальнікі выстаўкі высока ацанілі афармленне. Наведвальнікі школьнага і студэнцкага ўзросту задавалі больш пытанняў пра канструктыўныя асаблівасці і прызначэнне прадстаўленых прадметаў; людзі больш сталага ўзросту расказвалі пра выкарыстанне некаторых з прадстаўленых прадметаў у сваім жыцці.

Мы выкарыстоўвалі прадметы з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, але разам з тым падчас падрыхтоўкі да выставы стала відавочнай і неабходнасць папаўнення калекцыі фондаў прадметамі, якія маглі б больш ярка паказаць выкарыстанне дрэва ў побыце. Так, у фондах НПКМЗ фактычна адсутнічае драўляны посуд, драўляныя цацкі, а традыцыйныя элементы знешняга дэkorу жылля, такія як ліштвы, якія знаходзяцца ў фондах, можна ахарактарызаваць як сціплыя. На жаль, разам з адыходзячай, на дадзены момант, традыцыйнай вёскай, адыходзіць у нябыт і інструментарый, якім яшчэ 50 гадоў таму карысталіся жыхары беларускіх вёсак, таму, пакуль яшчэ ёсць такая магчымасць, трэба збіраць вышэйназваныя прадметы і захоўваць іх для нашчадкаў.

Хацелася б адзначыць, што выставачны праект «3Дрэва.by» цалкам мабільны, не патрабуе складанага экспазіцыйнага абсталявання і не займае вялікіх плошчаў, таму можа выкарыстоўвацца для экспаніравання на самых розных пляцоўках, у самых розных музеях.

Распрацаваныя музейныя заняткі могуць дапоўніць існуючую музейную праграму, так як могуць праходзіць і пры скарачаным прадметным суправаджэнні, не абавязкова ў рамках выстаўкі.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Лабачэўская, В. А. Беларусы ў фотаздымках Ісака Сербавана 1911—1912 / В. А. Лабачэўская— Мінск: БелЭн, 2012.— 456 с.
2. Молчанова, Л. А. Матэрыяльная культура беларусова / Л. А. Молчанова— Мінск: Наўка і тэхніка, 1968.— 232 с.: іл.
3. Народно́я трыпичная кукла на ложке // «Каракулі», Сайт весёлых затей для родителёв и детей [Электронный ресурс] — 2014.— Режим доступа: <http://www.karakulyi.ru/2014/04/22/narodnaya-tryapichnaya-kukla-na-lozhke/>.— Дата доступа: 15.12.2017.
4. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. С географическим видом Витебской губернии и четырьмя чертежами в тексте: (этнографическия данныя) / Н. Я. Никифоровский.— Витебск: Губернская Типография, 1895.— 681 с.
5. Помнікі этнаграфіі: методыка выяўлення, апісання і збірання / Беларус. добраахвот. т-ва аховы помнікаў гісторыі і культуры, Сектар этнаграфіі Ін-та мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР; пад рэд. В. К. Бандарчыка.— Мінск: Наўка і тэхніка, 1981.— 150 с., іл.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко.— Мінск: БелЭн, 1996.— 784 с.
7. Цітоў, В. С. Народно́е спадчына: матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В. С. Цітоў.— Мінск: Наўка і тэхніка.— 1994.— 300 с.: іл.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ ФОРМ РАБОТЫ С ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ 3-Х — 6-ТИ ЛЕТ В МУЗЕЙНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Смирнова Т. Р.

ведущий научный сотрудник Детского музея — филиала НПИКМЗ

Пространство третьего зала Детского музея создано для детей и ради детей. Мы хотим, чтобы любому посетителю: ребёнку, подростку, взрослому — было в этом пространстве комфортно, интересно, занимательно. Поэтому, задумывая экспозицию третьего зала, мы предполагали создать особую, основанную на музейном предмете, предметно-развивающую среду, и на её основе спроектировать социальное пространство отношений, которое способствовало бы активному творческому развитию ребёнка через его общение с педагогом, близкими, сверстниками.

Развивающая предметная среда детства, по исследованиям учёного С. Л. Новосёловой, «это система условий, обеспечивающая всю полноту развития ведущих видов деятельности (игровой, продуктивной, познавательно-исследовательской, музыкально-художественной) ребёнка и его личности» [5, с. 36].

В формировании развивающей предметной среды детства мы опирались на исследования С. Л. Новосёловой, определившей базовые компоненты и требования к организации предметно-игровой среды [5, с. 36]:

- в каждом возрастном периоде ребёнка одновременно присутствуют общение, предметная, игровая, учебная деятельность, но опора делается на ведущий вид деятельности (например, у дошкольников — это игра);
- соответствие предметной среды возможностям ребёнка на грани перехода к следующему этапу развития, т. е. создание через предметную среду зоны ближайшего развития; среда должна содержать как известные факты, так и проблемные, подлежащие исследованию [5, с. 37];
- выполнение закона соответствия объёма знаний и возможностей их применения ребёнком.

Следуя перечисленным требованиям, в игровом пространстве музея мы обязаны умело планировать и организовывать взаимодействие с ребён-

ком в игре; применять игровые методы и приёмы таким образом, чтобы по тематике, настроению и содержанию они совпадали с актуальной игровой потребностью ребёнка. В таком случае пребывание в музее для ребёнка будет занимательным и интересным. Как известно, игра — один из тех видов детской деятельности, который используется взрослыми в целях воспитания дошкольников, обучения их способам и средствам общения. А для ребёнка игра — наиболее доступный вид деятельности, в процессе которой он входит в окружающий мир [4, с. 23].

Игра сейчас встаёт в строй самых насущных потребностей человека, она, как и любой другой вид человеческой деятельности, передаётся ребёнку людьми, умеющими играть. Ребёнок нуждается в организованной игре, в которой присутствует отобранный для усвоения позитивный опыт, разнообразные модели деятельности и поведения, общения и отношений, необходимые в качестве образца и стимула, игровой кругозор, игровой опыт и игровая культура взрослого. Как мы уже отмечали, человек становится личностью только в процессе социализации, то есть во взаимодействии с другими. Огромную роль в деятельности ребёнка и в познании им окружающего мира играет процесс общения его со взрослым. Общение и в дальнейшем остаётся источником психического развития ребёнка. Согласно исследованиям известных психологов, учёных, таких, как А. А. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, деятельность, познание и общение развиваются в неразрывном единстве.

Общение с применением игровых методических приёмов в пространстве музея должно быть направлено на решение развивающих, образовательных, воспитательных задач, которые обязательно базируются на эмоциональном компоненте. Позиция взрослого должна гибко меняться в зависимости от игровой ситуации и задачи, которую взрослый выстраивает. В любом игровом взаимодействии с ребёнком педагог может быть наблюдателем, исследователем, партнёром, организатором, комментатором. Музейный педагог и родители обязаны сберечь игровое состояние ребёнка: гамму переживаний, радость, восторг, удовлетворение от результатов игры. Эти компоненты лежат в основе увлекательного обучения (Edutainment), которое строится на:

- интересном содержании предлагаемого материала,
- удовлетворении от самостоятельного решения какой-либо задачи,
- социальном взаимодействии с партнёрами через игру.

Многие из нас задаются вопросом: а не много ли мы играем и что такое игра дошкольника сегодня? Актуальность игры повышается в связи с тем, что современный ребёнок перенасыщен информацией. Но визуальная информация, как правило, — материал для пассивного восприятия, поэто-

му важной задачей развития старших дошкольников становится умение самостоятельно оценивать и отбирать получаемую информацию. Развить подобные умения помогает игра, которая служит своеобразной практикой использования знаний.

Остаются актуальными на современном этапе и вопросы изучения игровой деятельности дошкольника и младшего школьника. Исследования известных учёных, психологов (Я. Л. Коломинского, Е. О. Смирновой, С. Л. Новосёловой, Д. В. Менджерицкой и др.) подтверждают тот факт, что игровая деятельность детей изменилась. Сегодня дети выбирают сюжеты в соответствии с новой социальной обстановкой и современными профессиями. Разыгрывая роли, дети мало общаются или не общаются вообще, потому что взрослые недостаточно учат детей играть: не учат «оживлять» предметные действия, обогащать игру содержанием, вести диалог [4, с. 23]. Игра социальна по своему содержанию именно потому, что она социальна по своей природе, по своему происхождению, т. е. возникает из условий жизни ребёнка в обществе [6].

А ведь игра выполняет определённые функции.

- 1) Обучающая функция позволяет решать конкретные задачи воспитания и обучения, направленные на усвоение определённого программного материала и правил, которым должны следовать играющие. Важны обучающие игры также для нравственного и эстетического воспитания детей.
- 2) Развлекательная функция способствует повышению эмоционально-положительного тонуса, развитию двигательной активности, питает ум ребёнка неожиданными и яркими впечатлениями, создаёт благоприятную почву для установления эмоционального контакта между взрослым и ребёнком.
- 3) Коммуникативная функция развивает потребность обмениваться со сверстниками знаниями, умениями в процессе игр, общаться с ними и устанавливать на этой основе дружеские взаимоотношения, проявлять речевую активность.
- 4) Воспитательная функция помогает выявлять индивидуальные особенности детей и устранять нежелательные проявления в их характере.
- 5) Развивающая функция заключается в развитии ребёнка, коррекции его личностных качеств.
- 6) Релаксационная функция заключается в восстановлении физических и духовных сил ребёнка.
- 7) Психологическая функция способствует развитию творческих способностей детей [3].

Что касается младшего школьного возраста, то, имея такое разнообразие функций, игра заслуживает того, чтобы её включали в учебный и во внеучебный процессы. Только через игры можно пробудить интерес к учебным занятиям, мобилизовать внимание ребёнка и обеспечить его переключение с одного вида деятельности на другой, т. е. активизировать учебную деятельность. Но в школьном возрасте практически любая игра носит познавательный характер. Термин «дидактические» (от греч. «поучение») правомерен по отношению к играм, целенаправленно включаемым в раздел дидактики (теории и методики обучения). Такие определения, как «обучающие», «учебные», «предметные» (имеются в виду игры по учебным предметам — математические, исторические), входят в понятие «дидактические» игры [1].

В научной литературе игры детей дошкольного и младшего школьного возраста принято называть дидактическими или познавательными, игры детей старшего возраста — интеллектуальными. Хочется коснуться вопроса интеллектуального развития личности. Интеллектуальное развитие ребёнка опосредовано его воспитанием и обучением, в ходе которого происходит интериоризация ребёнком социального опыта человечества и детерминируется не только извне, но и изнутри, т. е. зависит от уже достигнутого им уровня развития, от его возрастных и индивидуально-психологических особенностей и возможностей, а также интеллектуальных способностей [8, с. 95].

Во время общения с посетителем мы используем приёмы, которые формируют его интеллектуальную компетентность. Например, предлагаем индивидуальные творческие занимательные задания, базирующиеся на игровом материале, создаём поисковые ситуации, задаём вопросы причинно-следственного характера, додумываем сказки, сочиняем стихотворения на основе зрительного представленного алгоритма (изображения героев), иницилируем самостоятельные открытия, ведём диалектические беседы, разыгрываем повседневные ситуации.

В современной ситуации важно также уделить внимание относительно новому феномену игры, в который всё более активно погружаются младшие школьники — это компьютерные игры. Среди компьютерных игр выделяют различные жанры: приключенческие, боевики, ролевые, головоломки и т.д.

Как известно, жизненный опыт детей невелик, но он есть, и на нём лежит отпечаток интересов и потребностей ребёнка, особенностей семейного воспитания и той среды, в которой происходит взаимообмен информацией, формируются оценки и мнения. Этот опыт проецируется на каждый конкретный вид деятельности, в которой участвует ребёнок. Когда ребёнок овладевает новым для него видом деятельности, он постепенно усваивает и те действия, которые для него необходимы. И общий путь такого усвоения

состоит в том, что сначала все действия усваиваются во внешней форме, а потом некоторые из них становятся внутренними, психическими. Это легче всего заметить на примере действия с предметами в сюжетно-ролевой игре «Больница». Например, чтобы исполнять роль доктора, недостаточно просто вставить палочку под мышку кукле. Нужно представить себе, что кукла — это больной ребенок, а палочка — термометр, продумать диалог врача с больным, т. е. внешние игровые действия реализуют замысел игры, который выстраивается в уме, а источником этих внутренних действий становятся те пробы, опыт общения и наблюдений за взрослыми, которыми ребёнок на каком-то этапе не владел, не знал [4, с. 120].

Нам было важно провести собственное эмпирическое обследование, чтобы изучить вопрос об отношении современных детей к играм: как они понимают слово «игра», для чего они играют, какие игрушки и для какой игры нужны, степень овладения детьми старшего дошкольного возраста игровыми навыками. Методы обследования, которые мы использовали: наблюдение, опрос, собеседование и видеозапись бесед с детьми.

Анализ материалов наблюдений свидетельствует о том, что дети осознают, что игра — это добровольный вид их деятельности, в которой они сами выбирают вид игры, напарника по игре, игрушки, которые нужны для развёртывания сюжета и выполнения игровых действий.

После наблюдений за играми детей старшей группы Государственного учреждения образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка», мы констатируем:

- ролевые функции детей в игре взаимосвязаны;
- речь носит ролевой характер, определяемый ролью говорящего и его позицией к партнёру по игре;
- действия дети разворачивают в логической последовательности, отличаются разнообразием;
- игровые действия носят элементы творчества. Так, мальчики особо выделили конструирование, поясняя, что эта игра развивает их «мозги» (так ответили сами участники опроса), т. е. мышление, воображение. Заметно, что интерес к данному виду игр устойчив и ярко выражен, так как дети сразу стали показывать конструкции, которые они мастерят из деталей конструктора;
- общение в совместных видах деятельности отличалось не только интенсивностью, но и содержанием;
- дети демонстрируют своё понимание назначения игрушек в зависимости от возраста;
- дети жалуются на то, что им отводят мало времени на игру.

В момент нашего опроса и собеседования у детей преобладал эмоциональный компонент. «Играем, потому что нам весело в игре», — так ответили нам дети старшей группы Государственного учреждения образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка».

Мы делаем вывод, что музейному сотруднику в работе с ребёнком-посетителем нет необходимости обучать его игровым действиям, навыкам манипулирования с предметами, а с помощью уже сформированных у детей игровых действий, базовых знаний разных литературных произведений нужно последовательно реализовывать одну из главных функций игры — развивающую — и выстраивать творческое, живое общение.

Приоритетным направлением в нашей работе будет личностное общение с посетителем, основанное на взаимодействии с музейным предметом. При общении с ребёнком-посетителем мы будем ориентироваться на ярко выраженные особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста:

- 1) повышенную эмоциональность;
- 2) возможность саморегуляции.

А также учитывать:

- 1) ведущие виды деятельности;
- 2) этапы развития видов общения;
- 3) функции взаимодействия с ребёнком:
 - побуждающую — умение ориентироваться на спонтанность в самоактуализации личности ребёнка;
 - стимулирующую — умение задавать настрой;
 - аппелирующую — умение обращаться к эмоциям и чувствам детей;
 - направляющую — умение определять ориентиры и направление хода детской мысли;
 - активизирующую — умение стимулировать интеллектуальную деятельность;
 - организующую — умение предопределять ход выполнения действий;
 - функцию регулирования, координирующую работу всех названных функций [8, с. 97].

Работа по экспозиционным комплексам с ранним и младшим дошкольным возрастом (1,5—3,5 года) построена на использовании системы игровых заданий и игр различного типа с помощью определённых методов:

- наглядных (показ, подражание, совместные действия, обследование предметов);

- практических (предметные действия: пробы, практическое примеривание, прикладывание; игровые задания);
- словесных методов (потешки, песенки, стихи, считалки, объяснения).

Благодаря этим методам мы осуществляем реализацию следующих функций игры: развивающую, коммуникативную, развлекательную, релаксационную.

В работе учитываем индивидуальные черты характера, особенности темперамента, вида восприятия, настроение ребёнка.

- 1) *Игра «Будем знакомы».* Упражнения «Дружные ладошки», «Привет!», «Поиграем с погремушкой» помогают установить тактильный контакт ребёнка с незнакомым ему взрослым, побуждают ребёнка проявлять положительные эмоции.
- 2) *Приёмы формирования интереса к сотрудничеству со взрослым в процессе действий с предметами* помогают ввести ребёнка в игровую ситуацию через действия с предметами, помогают организовать диалог с ребёнком, формируют у ребёнка адекватное восприятие окружающих предметов, игрушек, интерес к действиям с ними. Если ребёнок не идёт на контакт, то игровые действия осуществляются через маму. Расположить к себе незнакомого ребёнка поможет и доброжелательная, эмоциональная речь музейного педагога.

Приведём варианты сопровождения игровых действий и приёмов описания внешнего вида игрушки. В корзиночке, которую предлагаем ребёнку, он находит игрушки: курочку, пирамидку, неваляшку, мишку и зайчика. Предлагаем ему рассмотреть предметы и показать способы действия с ними:

- например, курочка прыгает, клюёт; неваляшка качается, она непослушная, но поёт;
 - назови части тела разных игрушек: Мишки, Зайки, куклы;
 - куклу можно одеть, покормить, уложить спать, спеть колыбельную вместе с взрослыми.
- 3) *Для активизации общения очень важны приёмы эмоционально-речевого воздействия, ведения ролевого диалога:* совместное чтение стихов, повторение способов игрового отражения действительности, совместные игровые действия.

Смысл использования этих приёмов в том, что педагог корректирует и направляет действия ребёнка в соответствии с поставленными целями в момент, когда ребёнок действует с предметами самостоятельно или по инициативе взрослого.

Если в семье несколько детей, ситуация может сложиться по-разному. И нет ничего необычного в том, что ребёнок может наблюдать, как играют другие (игра-наблюдение), может один играть с игрушками, только изредка включаясь в разговор, может играть в непосредственной близости с другими детьми.

- 4) *Знакомство ребёнка с музейным предметом очень важный и ответственный момент.* В данном варианте (речь идёт о раннем и младшем дошкольном возрасте) нам важно, чтобы ребёнок мог сосредоточить своё внимание на книгах и игрушках в витрине, увидеть их и рассмотреть. Используя стихотворный этикетаж, вместе с ребёнком называем игрушки, рассматриваем их, обращаем внимание на книги в витрине и даём возможность рассмотреть книги-дубликаты. В работе с книгами используем приёмы и методы совместной деятельности: чтение с последующим обсуждением, рассматривание и обсуждение ситуаций по теме, рассказ педагога, обсуждение правил вежливости, отсроченное речевое сопровождение.

В работе со средним и старшим дошкольным возрастом (4—6 лет) используются игровые методы и приёмы, которые активизируют мыслительную и познавательную активность (репродуктивные, объяснительно-иллюстративные, проблемно-поисковые, исследовательские) и побуждают обратиться к продуктивной деятельности.

Развивающая и коммуникативная функции игры остаются главными, но в этом возрасте подключаются обучающая, воспитательная и психологическая функции игры. Основная форма общения — диалог. В этой возрастной группе мы по-прежнему используем игру «Будем знакомы», приёмы для активизации общения и привлечения внимания (сюрпризный момент или игра «Чудесный мешочек»), приёмы сопровождения игровых действий и приёмы, побуждающие к самостоятельной игре. На данном этапе эти приёмы являются своеобразным мониторингом интересов детей, особенностей их характера и темперамента.

По такой же схеме будет проходить работа и с детьми младшего школьного возраста.

Наша задача — опираясь на сформированные действия с предметами, знание содержания детских художественных произведений, мы продолжаем обогащать игровой опыт ребёнка, активизируем его речевую деятельность и вводим научную информацию о музейном предмете.

При этом есть осознание того, что не все приёмы сработают так, как мы запланировали: что-то останется без внимания, на какие-то вопросы и предложения ребёнок не откликнется. Мы помним о проблемах гиперак-

тивного ребёнка, мы будем учитывать особенности визуалов, кинестетиков, аудиалов. И берём за правило такое положение, что музей не должен быть назидательным, интеллектуально недоступным, он должен быть дружелюбным ребёнку, а общение — увлекательным и радостным.

Список литературы и источников

1. Бесова, М. А. Познавательные игры младших школьников / М. А. Бесова.— Минск: УП ИВУ Минфина, 2005.— 146 с.
2. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребёнка / Л. С. Выготский.—СПб.: Питер, 2001.— С. 56—79.
3. Никишина, Г. А. Весь мир — игра / Г. А. Никишина.— Мозырь: Белый ветер, 2005.— 220 с.
4. Панько, Е. А. Игра в жизни дошкольника: пособие для педагогов учреждений дошк. образования / Е. А. Панько [и др.]; под ред. Я. Л. Коломинского.—Минск: Нац. ин-т образования, 2012.— С. 184.
5. Репринцева, Г. От развивающей игровой среды — к гармоничным детско-родительским отношениям / Г. Репринцева // Дошкольное воспитание. Научно-методический журнал. М., 2009.— № 8.— С. 34—41.
6. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин [Электронный ресурс].— 2017. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1792535/>.— Дата доступа: 22.10.2017.
7. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Выпуск 2: программа «Новые музеи для Сибири» / сост. Н. Копелянская; под ред. Н. Толстой.— М., 2015.— С. 120.
8. Яфаева, В. Педагогическая технология проектирования интеллектуального развития дошкольников / В. Яфаева // Дошкольное воспитание: научно-методический журнал.— М., 2009.— № 6 — С. 94—99.

УДК [72(091)+902/904](476.5+21)

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОМА № 7 ПО УЛ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

Соловьёв А. А.

магистр исторических наук,

ведущий научный сотрудник научно-реставрационного отдела НПИКМЗ

Изучаемый объект расположен в центре исторической части Полоцка на территории между валом Ивана Грозного и ул. Евфросинии Полоцкой. Он представляет собой небольшое кирпичное здание с двухскатной крышей и двумя большими окнами на главном фасаде. Вход в дом расположен с южной стороны.

Главный фасад, боковые и торцевые стены здания имеют неровные штукатурные налёты со следами неоднократных поновлений. При косом солнечном освещении на поверхности фасадов читаются очертания контуров заложенных проёмов. На неоштукатуренном западном фасаде, обращённом к валу Ивана Грозного, видны замурованные первоначальные окна с лучковыми арками. Визуальный осмотр кладки данной стены и конструкции оконных арочных перемычек позволяет сделать вывод о возведении объекта в конце XIX — начале XX вв.

До настоящего времени по периметру всего здания сохранился аутентичный венчающий карниз, на южной стене имеется массивный кирпичный пояс, на северной — зафиксирован клин от металлического тяга, который, судя по его расположению, был вмурован в кладку восточной стены (главный фасад). Таким образом, исследуемый дом является важным элементом исторической застройки Полоцка конца XIX — начала XX вв., сведения о котором практически отсутствуют.

Длительное время в изучаемой постройке располагался магазин «Коровка» Полоцкого молочного комбината. После закрытия торгового объекта здание продолжительное время не использовалось, постепенно приходя в запустение. Ситуация начала меняться в мае 2015 г., когда новыми собственниками дома были начаты строительные и земляные работы как на самом объекте, так и на его территории.

Завалы земли и мусора между зданием и валом Ивана Грозного приводили к скоплению сырости в помещении. Новые владельцы планировали расчистку территории, прилегающей к изучаемому дому, и возведение

подпорной стены для защиты от сырости и оползней со склонов вала Ивана Грозного. Кроме того производился ряд ремонтно-восстановительных работ по перекрытию крыши, усилению фундаментов и стен постройки. В ходе выполнения указанных работ проводились архитектурно-археологические исследования объекта.

Первоначально расчистка западной стены от мусора и оползней со стороны вала производилась строительной техникой. В ходе работ был выявлен слой балластного характера (примерно от уровня подоконников первоначальных окон здания), который представлял собой землю, насыщенную обломками кирпича и камней, фрагментами пластиковой и стеклянной посуды, растительным мусором.

На стадии планирования масштабных нивелировочных работ по понижению существующего уровня грунта и выравниванию дневной поверхности точка отсчёта высоты была привязана к юго-западному углу карниза изучаемой постройки. Уровень земли возле юго-западного угла здания был 2,95 м от карниза. Этот архитектурный элемент сохранился по всему периметру стен здания и стал точкой привязки для отсчёта уровней перепадов рельефа местности с точностью до 10 см.

В ходе земляных работ 2015 г. вдоль северной стены была обнаружена плохо сохранившаяся прикладка из битого и целого кирпича шириной 0,6—0,4 м, которая представляла собой массивный выступ из 4—5 рядов кирпича. В выбираемом экскаватором грунте было найдено много камней, битого и цельного кирпича. Там же встречались и фрагменты керамической, стеклянной и фаянсовой посуды второй половины XX в.

У северо-западного угла здания (перед западным фасадом) нами было обнаружено скопление камней диаметром 0,3—0,5 м.

В 2016 г. земляные работы продолжались уже вручную. Велась расчистка пространства между изучаемым домом и валом Ивана Грозного. С северной и западной стороны здания рабочими был срезан пласт земли на глубину 0,25—0,3 м. Таким образом, уровень площадки перед его западным фасадом понизился примерно на 3,25 м от венчающего карниза постройки. Стратиграфия образовавшегося среза вала на данном участке представляла собой пласты строительного мусора с корнями деревьев. Там же были выявлены следы срубленных каменных и кирпичных кладок. Зачистка образовавшегося среза вала показала, что в земле по-прежнему преобладали обломки камней, кирпича, кроме них начали встречаться обломки штампованной черепицы с надписями. Там же имелись примеси в виде комков глины — предположительно из ядра насыпи вала Ивана Грозного. Дальнейшие земляные работы по понижению уровня дневной поверхности

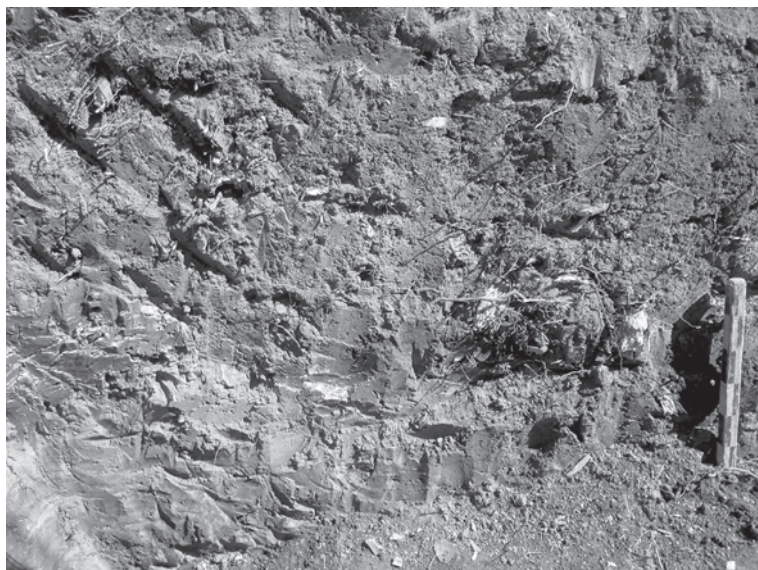

Рис. 1. Срез вала Ивана Грозного при раскопках перед северной стеной здания: видно глиняное ядро, которое перекрывает перемешанный культурный слой

грунта на территории между валом и изучаемым нами объектом позволили обнаружить у южного фасада (юго-западный угол) на глубине 0,25 м от уровня 2015 г. остатки деформированного булыжного мощения. Траншеи, сделанные рабочими перед северным фасадом здания, позволили также проследить глинистое ядро вала, прорезанное на глубину до 0,6 м (рис. 1). Там, в частности, найдены фрагменты кружки с рифлением, аналоги которой имеются в материалах архитектурно-археологических исследований здания бывшего кадетского корпуса (НПИКМЗ КВФ5-8329).

В 2016 г. были начаты работы по возведению подпорной стены на участке, прилегающем к исследуемому объекту, с целью предохранения вала от оползания. Была проложена траншея глубиной 0,35 м от дневной поверхности, образованной в ходе работ 2015 г., и шириной около 0,8 м. На уровне дна данной траншеи производилось бурение скважин под сваи на глубину до 1,5 м. Выбираемая буром порода представляла собой глину с примесью песка. При разработке траншеи были расчищены ряд кладок из камня и кирпича, перпендикулярно примыкавших к западному фасаду здания, и скопления камней диаметром около 0,3–0,5 м.

Особый интерес представляет хаотичное, на первый взгляд, скопление камней диаметром 0,3–0,5 м, расположенное перед западным фасадом изучаемого нами здания. Исследования каменной кладки в срезе

Рис. 2. Срез вала Ивана Грозного при раскопках перед западной стеной здания: видна мощная кладка подпорной стены, севернее её видно глиняное ядро, которое перекрывает перемешанный культурный слой, южнее — стратиграфия вала уничтожена, видна прослойка красной глины от первоначального ядра вала

вала, как и расчистка обнаруженного скопления камней, показали, что они являются частями одной массивной конструкции толщиной около 0,8 м. Археологическая обработка прилегавшей к ней стратиграфии среза вала показала, что это была подпорная стена, защищавшая небольшой дворик от оползания вала (рис. 2, 6: 1). Восточная часть данной конструкции была прослежена в составе северной стены изучаемого здания, являясь фактически её основанием. С южной стороны обнаруженной подпорной стены, сохранившейся на высоту до 1,2 м, территорию двора перекрывал мощный завал из битого кирпича, камней и строительного мусора.

Среди других конструкций на территории между домом № 7 по ул. Евфросинии Полоцкой и скатом вала большой интерес представляет кирпичная кладка, обнаруженная в районе угла западной стены. Она расположена на одной линии с южным фасадом. Данная кладка толщиной в кирпич сохранилась на высоту до 0,6 м в срезе вала. Раскопки с северной стороны стенки показали, что конструкция имела булыжный фундамент (рис. 3, 6: 1). Возле стенки в срезе вала удалось обнаружить завал штампованной черепицы с надписями «ПОЛОЦКЪ ШПАЕРЪ» или «ПОЛОЦКЪ ПРЖЕСИМЕНЦЫ». В ходе исследований была произведена частичная выборка завала черепицы и собрано несколько целых и фрагментарных об-

Рис. 3. Кладка кирпичной стены (ограды?), примыкающей к юго-западному углу дома, частично расчищено её каменное основание, вдали видны остатки каменной мостовой

разцов. При этом удалось проследить сохранившуюся кирпичную кладку стены на длину около 2,0 м, которая сохранилась под завалами мусора и оползнями со склона вала. С южной стороны к ней примыкала булыжная мостовая. Данная мостовая располагалась под более ранней выкладкой камнем и сохранилась намного хуже.

При расчистке территории перед северным фасадом изучаемого здания под слоем мусора была зачищена стратиграфия напластований вала. Под однородным и сильно перемешанным верхним слоем земли нами прослежен участок частично прорезанного ядра вала в виде мощного плотного массива материковой глины.

В июне 2017 г. между подпорной стенкой и зданием был срезан уровень земли на глубину до 0,5 м. Таким образом, общий уровень территории понизился до 3,75 м от карниза изучаемого объекта. При раскопках в районе юго-западного угла здания вновь удалось обнаружить упомянутую выше стену толщиной в кирпич. Именно за ней перед западным фасадом здания начинался слой земли с единичными находками в виде фарфора производства М. С. Кузнецова, стекла, черепицы с надписями и керамики. У самой стенки и юго-западного угла дома при углублении ниже нового уровня дневной поверхности найдены обломки оконного стекла и керамической миски. При расчистке нижнего обреза кирпичной кладки найден разбитый

Рис. 4. Западная стена дома, разнохарактерный фундамент от предшествующего здания

стеклянный резервуар от керосиновой лампы или спиртовки. Он располагался на уровне начала каменной кладки основания. Ниже уровня дневной поверхности 2017 г. на глубине 5—7 см найден железный топор и массивная деталь от печи или парового котла. Данные находки характерны для конца XIX — начала XX вв.

В ходе зачистки кладки западной стены оказалось, что фундамент её был неоднороден. На протяжении около 3,4 м от юго-западного угла нижний обрез стены соответствовал уровню дневной поверхности 2017 г. Далее был выявлен отрезок кладки длиной 1,0 м и высотой 0,15 м над уровнем дневной поверхности, к его северной части примыкала штраба длиной 0,5 м (утопленный ряд кирпича). Под ней на высоту 0,2 м от д/п 2017 г. прослежена бутовая кладка на известковом растворе с кирпичным боем (рис. 4, б: 5). Далее, после штрабы, высота бутовой кладки достигала 0,4 м от дневной поверхности. Она была выполнена из камней на известковом растворе с кирпичным боем. Данная кладка прослеживалась вплоть до места примыкания к северо-западному углу подпорной стены. На этом участке булыжная кладка западной стены выступала за плоскость кирпичной на 0,2 м, образуя расширенное основание.

В северной части территории, примыкавшей к дому, прослежены изменения стратиграфии. Об этом говорят результаты исследования упомянутого выше вреза вала, образовавшегося при расчистке пространства пе-

Рис. 5. Кладка кирпичной стены (ограды?), примыкающей к юго-западному углу дома, частично расчищено его каменное основание, расположенное на различных уровнях, и шов между остатками ограды и западной стеной здания

ред западной стеной дома. В южной части преобладает земля с коричневым оттенком, насыщенная кирпичным боем, кусками жирной и плотной красной глины от повреждённой части вала. Возможно, именно с обилием глины в данной части дома связано устройство более мощного бутового фундамента под западной стеной. Этот фундамент может быть и частью более ранней постройки, к которой примыкала подпорная стенка.

При расчистке найденной нами и описанной выше кирпичной стенки выяснилось, что в месте её примыкания к юго-западному углу здания его западная и южная стены не имели перевязки кладки. Северные поверхности южной стены и найденной нами стенки находятся в единой плоскости и, возможно, первоначально представляли собой единую конструкцию. Об этом говорит различный уровень залегания и конструкции фундамента. Западная стена здания имела завершение кирпичной кладки на уровне дневной поверхности 2017 г., а расчищенная нами стенка имела продолжение кирпичной кладки ниже уровня 2017 г. (были оголены, по крайней мере, два-три ряда кирпича — 0,2 м). Кроме этого, не совпадали и продольные швы кладок (рис. 5).

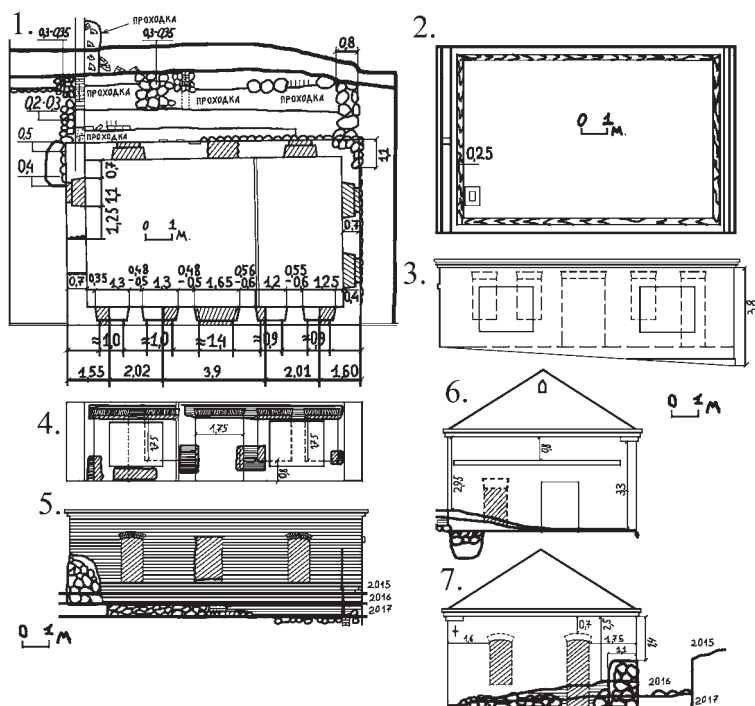

Рис. 6. Обмерный рисунок с фиксацией выявленных первоначальных проёмов, кладок здания и расположением поисковых зондажей: 1 — ситуационный план территории с траншеями и найденными кладками здания, закладки и частичные обмеры; 2 — план здания на уровне чердака; 3 — восточный фасад здания с очертаниями первоначальных проёмов (пунктир); 4 — восточная стена здания со стороны помещения с размещением поисковых зондажей и обнаруженных в них кладок с очертаниями первоначальных проёмов (пунктир); 5 — западный фасад здания, обращённый к валу, с обозначением кладок (перемычек, кирпичной кладки в виде полос, каменной кладки в виде стен); 6 — южный фасад с очертаниями первоначального входа; 7 — северный фасад здания, с очертаниями первоначальных окон и обозначением кладок (перемычек, кирпичной кладки в виде полос, каменной кладки в виде стен)

Изучаемая нами постройка имела разнохарактерный неоднородный фундамент. Он был сложен из камней диаметром от 0,15 до 0,3 м, камни были уложены «на сухо» в верхней части пролиты слабым известковым раствором, что привело к деформации западной части южной стены после прокладки коммуникаций. Сами кирпичные стены также не были перевязаны на высоту до 1,0 м, северная сторона южной стены была гладкой, а срез кладки западной был выполнен небрежно. Ряды кладок обеих стен

располагались на разных уровнях и не могли быть перевязаны даже конструктивно (рис. 3, 6: 1, 5 и 6).

Натурные исследования дома № 7 по ул. Евфросинии Полоцкой проводились в 2015 г. Первоначальная планировка постройки была полностью утрачена, пол залит бетоном и выложен керамической плиткой в ходе одного из ремонтов, проводимых для устройства в здании магазина. В это же время была возведена ныне существующая внутренняя стена толщиной в половину кирпича.

Территория, на которой располагается изучаемое нами здание, имеет два уклона: в восточном и северном направлении. Точкой отсчёта для выяснения перепада высот дневной поверхности является венчающий карниз изучаемой нами постройки. При высоте здания 3,8 м у северо-восточного угла (где уровень дневной поверхности наиболее низок) и 3,4 м у юго-восточного угла, с учётом уклона улицы, у северо-западного угла высота его составляла около 2,4 м от карниза, а у юго-западного — 2,95 м от карниза до дневной поверхности. Таким образом, перепады высот составляли с запада на восток перед южным фасадом около 0,3 м, а с юга на север — 0,4 м, толщина завалов вдоль западного и северного фасадов здания, с учётом наклона площадки от вала к ул. Евфросинии Полоцкой, составляла около 0,5 м.

Натурные исследования поверхности стен дома показали, что первоначально он имел совершенно иную планировку. Со стороны помещения на восточном и южном фасаде были устроены поисковые зондажи для выявления остатков первоначальных оконных и дверных проёмов (рис. 6: 1, 2; 7, 8, 9).

Наружное изучение восточной стены показало наличие трёх окон и двух дверей со стороны улицы. Все проёмы имели клинчатые плоские перемычки толщиной в кирпич. Первоначально центральный вход изучаемой постройки была значительно шире бокового и предусматривал наличие двустворчатой двери. Некоторое время данный вход использовался даже в период размещения в здании магазина «Коровка», о чём свидетельствуют дополнительные прикладки на боковых откосах.

Первоначальные окна в южной части стены были сдвоены. Они отделялись от центральной двери узким простенком, что говорит о принадлежности их первоначально одному помещению. Ширина простенков между окнами и главным входом составляли по 0,48—0,5 м каждый. Дверной проём и окно в северной части стены образовывали ещё одну группу. Простенки между проёмами в данной части фасада были шириной около 0,55—0,6 м, что позволяло между группами проёмов устроить перегородку. Незначительная ширина простенков и толщина стен изучаемого здания,

Рис. 7. Поисковые зондажи с обнаруженными простенками между первоначальными окнами и входами на восточном фасаде, перемычка и откос первоначального дверного проёма на южной стене здания

как и большая высота первоначальных окон и дверей, создавали угрозу деформации их кладки от распора кирпичных перемычек проёмов, что могло вызвать их обвал. Для предотвращения такой опасности в толщу кладки стены ещё в ходе строительных работ был вмурован металлический тяж, один из клиньев которого сохранился на северной стене до настоящего времени (рис. 6: 1, 2, 4, 5, 6, 7; 7).

Дверной проём имелся и в южной стене; судя по небольшим размерам, он был служебным (хозяйственным) (рис. 7). Его наличием объясняются и находки неоднократно переложённых булыжных мощений перед зданием, которые имеют подъём в сторону вала. В западной и северной стене постройки, ближе к углам дома, были расположены симметрично по два окна с лучковыми перемычками. Характер их размещения позволяет полагать, что они принадлежали самостоятельным помещениям, расположенным в западной части постройки. В средней части западной стороны дома, где не было окон, мог располагаться ватерклозет или лестница на верхний этаж. Отсутствие срубленных кирпичей позволяет полагать, что все внутренние перегородки здания были деревянными.

О существовании верхнего деревянного этажа свидетельствуют только косвенные данные. В отличие от одноэтажных кирпичных зданий, изучаемая постройка имеет незначительно выступающий узкий карниз, не позволявший обеспечить необходимый вынос кровли. Существующий кирпичный фронтон с пятиугольным окном (в 2002 г. уменьшено до треугольного) по сравнению с остальными стенами здания сложен крайне небрежно, с обилием повреждённого кирпича, полученного, вероятно, от разборки разрушенного строения. Таким образом, происхождение фронтона более позднее и связано, скорее всего, с послевоенным восстановлением. Необходимость устройства второго этажа могла быть обусловлена малыми размерами участка под строительство дома (рис. 6: 6 и 7).

Рис. 8. Полуразрушенная постройка за самоходной артиллерийской установкой ИСУ-152 335-го гвардейского самоходного полка 4 июля 1944 г.

Возможно, изучаемый нами дом имел сходство с полуразрушенной постройкой, запечатлённой на фото Полоцка времён Второй мировой войны (рис. 8). При обследовании местности и видовых точек, откуда предположительно была проведена фотосъёмка, удалось определить, что постройка на фото находилась южнее изучаемого нами здания. Объекты были схожи по этажности, конструкции и габаритам, кроме того, можно установить сходство в очертании карнизов и расположении окон [1, с. 2].

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы. Участок, на котором размещён исследуемый объект, начали застраивать в конце XIX в., когда был окончательно засыпан ров, проходивший перед валом Ивана Грозного на месте проезжей части современной ул. Евфросинии Полоцкой. Подтверждением этому

служат планы г. Полоцка 1778, 1786, 1793, 1820, 1828-х гг. [2, 57; 5, с. 380: рис. 4.4.4., 381: рис. 4.4.6., 382: рис. 4.4.7. и 4.4.8.]. Участок домовладения был частично врезан тылом в вал, который севернее его практически выступал на проезжую часть современной улицы. По западной и северной стороне участка была возведена низкая, но массивная стена из крупных камней диаметром около 0,5–0,7 м. Данная стена достигала до 1,5 м в высоту (с учётом разрушения верхних рядов), максимальная сохранившаяся высота составляет около 1,2 м.

С южной стороны изучаемая нами территория имела забор. Он был выполнен толщиной в кирпич на бутовом основании. По всей видимости, перед забором размещался проезд для доступа к воротам и служебному входу в дом. Об этом свидетельствуют булыжные мощения, которые неоднократно перекладывали. Исследования позволили зафиксировать два уровня мощения. Верхний ярус вымостки мог относиться уже к послевоенному времени.

Благодаря приведённым маркерам можно определить примерные размеры первоначального земельного участка, на котором располагалось изучаемое нами здание. Ширина его соответствовала длине главного фасада существующего дома — около 11—13 м (таково приблизительное расстояние между подпорной стеной и кирпичными забором). Сложнее определить длину участка. Ширина фасада дома около 7,0 м, ширина полосы, расчищенной строителями перед западным фасадом, около 2,0 м. Сделанная нами горизонтальная проходка вдоль кирпичного забора для выборки завала черепицы составила около 2,0 м глубины. На всём протяжении нами фиксировалась кирпичная кладка забора. При этом завал черепицы так и не был полностью пройден на всю длину из-за опасения обвала грунта. В результате переборки отвала нами было обнаружено большое количество крупных обломков черепицы, из которых удалось воссоздать полностью пять цельных пластин. При этом на массивную кладку из крупных булыжников выйти так и не удалось, что свидетельствует о том, что западная часть подпорной стены располагалась на расстоянии более 4,0 м от западного фасада существующего ныне дома. Именно она поддерживала основную часть вала. С учётом существующего ныне профиля склона вала за изучаемой постройкой, можно полагать, что максимальное расстояние до каменной кладки подпорной стены от западного фасада могло доходить до 7,0 м, из чего следует, что двор за зданием был небольшим. Если же добавить к нему ширину торцевой стены дома (около 7,0 м), то мы получим приблизительную длину первоначального земельного участка, которая могла достигать 14,0—15,0 м. Таким образом, изучаемый участок был по форме приближен к квадрату и мог иметь стороны около 12,0х15,0 м (рис. 9).

Первоначально возведённый на данной территории дом мог иметь высокое бутовое основание, возможно, беленое снаружи. Фрагменты его представляют собой кладку из мелкого бута на известковом растворе диаметром от 0,2 до 0,4 м. Судя по конструктивным особенностям стен и углов существующего здания, обращённых к валу, частично они вошли в состав его западной и северной стены.

Если существующая ныне постройка имеет вид прямоугольника, то прежняя могла состоять из двух разнохарактерных по конструкции и виду объёмов, построенных в разное время. Главная часть дома занимала северо-восточный его угол и имела высокий цоколь из мелкого (по сравнению с подпорной стеной) камня. К нему можно также отнести обмазанный раствором участок кладки длиной 1,0 м. Между этими частями имелась кирпичная стена со штрабой для дальнейшей перевязки кладок разных стен при новом строительстве. Таким образом, эта стена разделяла фундаменты

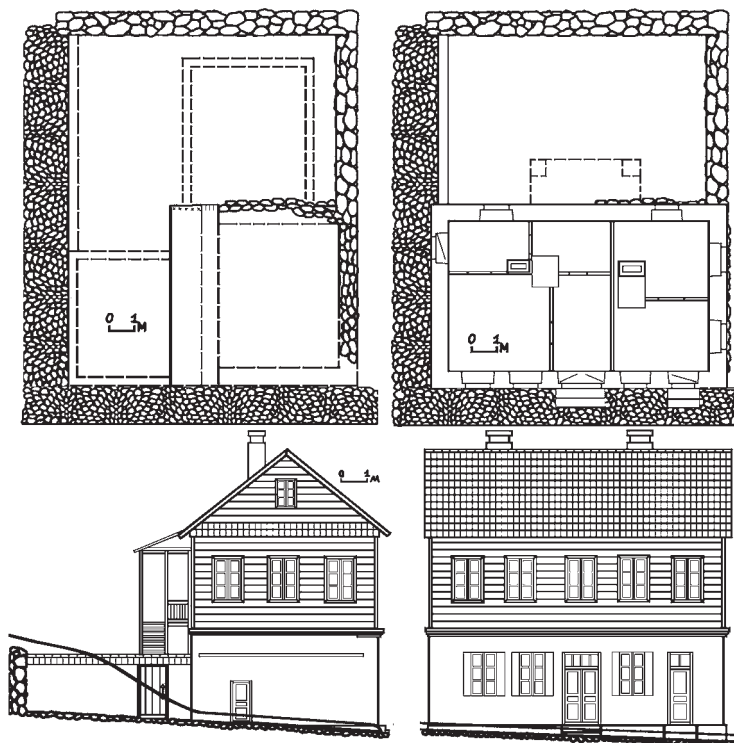

Рис. 9. Реконструкции плана участка и дома до и после строительства существующего здания (вверху); реконструкция первоначального вида южного и восточного фасада существующего здания (внизу)

различной конструкции. Сруб самого дома был близок к квадрату со стороной 6,5 м. Он мог иметь черепичное покрытие кровли (рис. 9).

Второй объём мог примыкать с юга, но не иметь кирпичного основания, он был на 1,0—1,5 м уже первого. С западной или с южной стороны к нему примыкала подпорная стена и кирпичная ограда.

Кроме того, нами найдена каменная кладка, близкая по конструкции подпорной стене, но менее мощная и выполненная из мелкого камня с остатками деформированной кладки толщиной в кирпич. Вся конструкция была сложена очень небрежно на слабом известковом растворе. Обрез кирпичной кладки находился на уровне около 0,5—0,6 м от дневной поверхности 2016 г. Это говорит о том, что данная конструкция была впущена в отложившийся к этому времени балласт. Она может быть цоколем деревянной пристройки к первоначальному дому или основанием отдельного сооружения.

Сравнивая две фотографии начала XX в. с видом на Красный мост и р. Полоту (сняты почти с одной точки), можно проследить характер происходивших изменений — появление новых, перестройку или снос старых построек. Видна беседка на гребне вала, почти полностью башни Николаевского собора, на переднем плане, у подножия вала, три деревянных дома. На открытке, снятой до 1910 г., на месте существующего ныне изучаемого нами здания за выступом вала, поросшем деревьями, видна часть дома с белыми рамами и двухскатной крышей. Среди зелени, вероятно, проглядывает беленый(?) бутовый цоколь(?), низкие и редкие деревья [3, с. 231]. Вторая фотография, более поздняя, посвящена переносу мощей преподобной Евфросинии Полоцкой. В застройке произошли перемены. Один из трёх деревянных домов разобран и на его месте строится кирпичный с четырёхскатной крышей. На месте изучаемого нами дома среди зелени, вероятно, просматривается беленый цоколь(?), виден также скат крыши дома в глубине квартала в районе нынешнего дома № 5 по ул. Евфросинии Полоцкой. Он развёрнут фронтоном к дороге [4, с. 330].

Таким образом, можно сделать вывод, что к 1910 г. изучаемый нами дом ещё не был построен, а прежний, деревянный, уже разрушен, именно на его месте началось возведение существующего здания. Об этом говорит тот факт, что часть кирпичной ограды оказалась встроеной в состав южной стены нынешнего дома. Каменный фундамент южной части западной стены упирался в кладку бывшей ограды. Сами кирпичные стены также не были перевязаны на высоту до 1,0 м, северная сторона южной стены была гладкой, а срез кладки западной был выполнен небрежно. Ряды кладок обоеих стен располагались на разных уровнях и не могли быть перевязаны даже конструктивно (рис. 5).

Новый дом, по всей видимости, был разделён на две неравные части, которые могли быть полностью изолированными друг от друга. Северная часть имела на восточном главном фасаде окно и дверь с прямыми клинчатыми перемычками толщиной в кирпич. Окна в западной и северной стене имели лучковые двухслойные перемычки. Данная часть дома имела как минимум два помещения.

Южная часть имела на главном фасаде два окна и дверь. Одно окно было в западной стене и малая дверь — в южной. Эта часть дома могла иметь три помещения. Главный зал для посетителей выходил окнами на улицу. К нему примыкали два служебных помещения. Одно — сени с окном, другое — склад или кладовая без окон (там могла располагаться также лестница на второй этаж) (рис. 9). Главный фасад мог иметь скромные украшения в

виде карнизов над перемычками окон. Само здание, возможно, первоначально не было оштукатурено.

Относительно реконструкции планировки и фасадов второго деревянного этажа изучаемого дома можно полагать, что расположение верхних и нижних оконных проёмов было не всегда согласованным. На восточном (главном фасаде) могло быть пять окон, на остальных — по два-три. Вид дверей и переплётов можно реконструировать по фотоснимкам городской застройки и образцам начала XX в. Лестница могла располагаться как внутри дома, так и с западной его стороны, примыкая к пристройке на кирпичных столбах между окнами западной стены. Крыша здания могла неоднократно покрываться черепицей, при этом использован как ранее использованный, так и новый материал. Об этом свидетельствуют различные надписи и цвета черепичных пластин.

Окончательно не определено функциональное назначение изучаемого здания. Вещевой археологический материал крайне скуден и не позволяет сделать однозначный вывод. Возможно, что расположенные на первом этаже помещения могли быть сданы в аренду для размещения объектов торговли, офисов, сферы услуг или медицины. С учётом наличия двух помещений, здание могло иметь две трубы для печей на самостоятельном основании.

Список литературы и источников

1. Копыл, С. П. Пятый Сталинский удар (Полоцкая наступательная фронтовая операция 29 июня 1944 — 4 июля 1944) / С. П. Копыл.— Полоцк, 2014.— 71 с.: ил.
2. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў.— Мінск, 1998 — 183 с.: іл.
3. Памяць: гіст. дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: Бел.Эн, 2002.— 912 с.: іл.
4. Полоцкое радование: Свято-Евфросиньевские Торжества 1910 года.— Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской православной церкви, 2010.— 440 с.: ил.
5. Чантурия, Ю. В. Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм в системе европейского зодчества / Ю. В. Чантурия.— Минск: Беларуская навука, 2017.— 503 с.: ил.

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛЬНОГО СМОЛЕНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ПОЛКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ И. Ф. САДЧИКОВА НА ПОЛОТЧИНЕ В 1943—1944 ГГ.

Сыревич И. В.

ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

В 1943 г. партизанские бригады, дислоцировавшиеся на территории Полоцкого, Ушачского, Лепельского, Чашникского и других районов, были объединены в партизанское соединение, которым командовал Владимир Елисеевич Лобанок. Была создана одна из самых крупных партизанских зон в Беларуси — Полоцко-Лепельская партизанская зона. Её центром стал городской посёлок Ушачи. Зона охватывала территорию более 3-х тысяч квадратных километров между Полоцком и Лепелем. В ней располагалось 1 220 населённых пунктов и проживало около 80 000 жителей. Главная задача партизан заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции и не дать возможность врагу занять освобождённую территорию. Внезапными налётами партизаны громили вражеские гарнизоны, взрывали мосты и склады, выводили из строя важные коммуникации. Помимо бригад, сформированных непосредственно на территории Витебской области, здесь действовали и соединения, передислоцировавшиеся из Смоленской области. Среди них — Отдельный партизанский полк особого назначения под командованием Ивана Фёдоровича Садчикова [5]. В фондах Национального архива Республики Беларусь хранится большой документальный материал по истории создания и боевой деятельности этого партизанского полка. Он включает в себя воспоминания бывших партизан, приказы, разведывательные донесения, рапорты и докладные записки командования в Белорусский штаб партизанского движения.

Историческая справка: Иван Фёдорович Садчиков родился в 1909 г. в Волгоградской области. После обучения в медучилище в 1939 г. был призван в Красную Армию, где успешно окончил Тамбовское кавалерийское училище. На фронте с начала войны, был ранен в бою. Награждён орденом Красного Знамени повышен в воинском звании до майора. После ранения его включили в группу подготовки к партизанской борьбе. После учёбы в Центральной партизанской спецшколе в Москве, 16 мая 1942 г. с группой в составе 8 человек прибыл в Смоленское партизанское соединение «Батя», которым командовал Никифор Захарович Коляда [1].

Рис. 1. Газета «Народный мститель»

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится приказ № 1 от 27.07.1942 г. Командующего Западным фронтом и Штаба главного руководства партизанским движением, согласно которому из пяти отрядов «Бати» был организован Отдельный партизанский полк особого назначения с непосредственным подчинением Штабу Западного фронта с заданием диверсионной и оперативной работы в районе треугольника Смоленск—Витебск—Орша. На основании приказа Иван Фёдорович Садчиков был назначен командиром партизанского полка, а батальонный комиссар А. Ф. Юрьев — комиссаром полка. Приказом № 3 по партизанскому полку от 28.07.42 г. были утверждены командиры, комиссары и начальники штабов партизанских отрядов полка [9].

Рис. 2. Громыко В. А.

Позже в полку было организовано ещё 9 отрядов. В 1943 г. отряды были объединены в батальоны. Официально полк именовался «Смоленский партизанский полк полковника И. Ф. Садчикова», но на самом деле был специальным формированием оперативной разведки Красной Армии. Особый партизанский полк потому и особый, что при нём была расположена резидентура глубинной разведки Главного Разведывательного Управления. Собственно, партизанская деятельность являлась едва ли не второстепенной задачей боевого отряда; это

значит, что прибывшие с ним офицеры в первую очередь были диверсантами-разведчиками, в задачу которых входило не только личное участие в спецоперациях, но и создание, организация деятельности диверсионно-разведывательных групп в тылу противника.

До марта 1943 г. полк действовал на территории Смоленской области, а затем перебазировался в Беларусь. Первое время бойцы проводили диверсии на ж/д линиях Смоленск—Орша, Витебск—Смоленск, Витебск—Орша, Орша—Лепель, Полоцк—Молодечно в Сенненском, Толочинском, Лепельском и Чашникском районах Витебской области. 21.09.1943 г. приказом Народного Комитета Обороны № 03612 бывшему в то время уже подполковником Ивану Фёдоровичу Садчикову присвоено военное звание полковник [3]. Благодаря усилиям командования в полку начала издаваться газета «Народный мститель» (рис. 1). Редакторами были Андрей Фёдорович Юрьев, Самуил Арсентьевич Лагереv, Эсфирь Соломоновна Романова. Статьи писали Сергей Алексеевич Рублевский, ставший после войны заместителем министра лесного хозяйства БССР, Борис Семёнович Рудин — после войны известный художник «Рекламафильма» и др. Заглавие и художественное оформление статей выполнял боец 4-го батальона Виктор Александрович Громыко — после войны известный в БССР художник, академик и профессор живописи (рис. 2). Забегая вперёд, можно отметить приказ № 96 от 07.02.1944 г., согласно которому партизану-ефрейтору В. А. Громыко присвоено звание сержанта. А приказом № 105 от 20.05.1944 г. сержант В. А. Громыко был назначен комиссаром 13-го партизанского отряда [9].

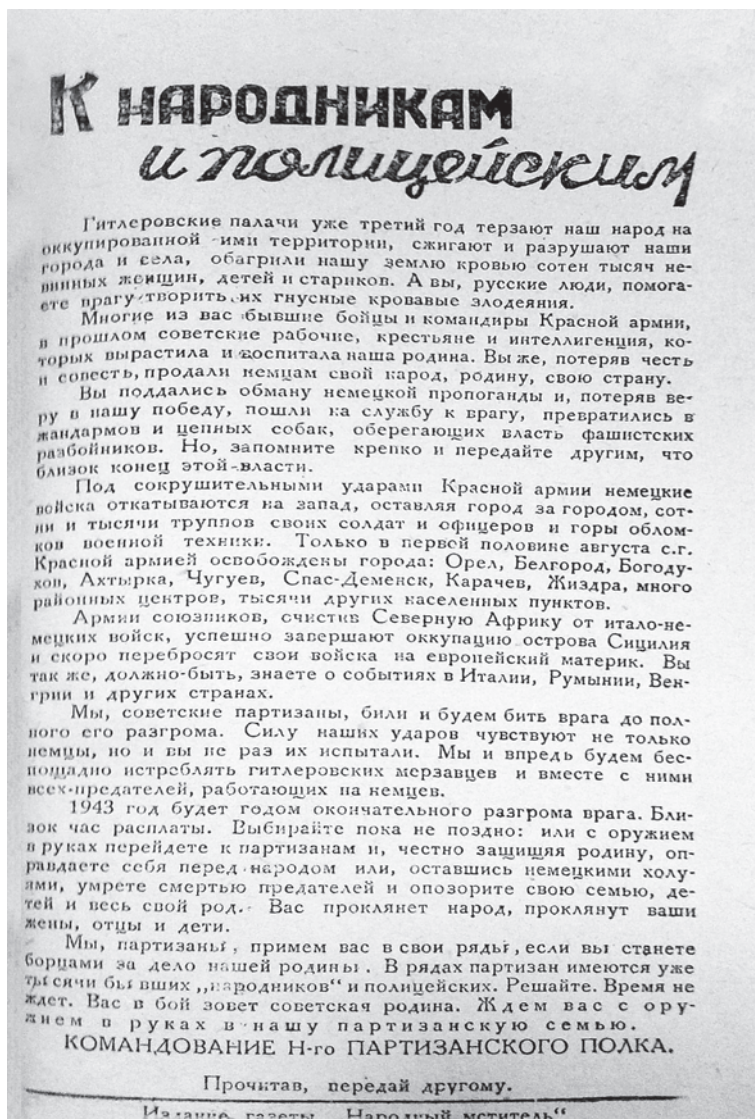

Рис. 3. Листовка полка

По указанию штаба Западного фронта полк Садчиков успешно осуществлял идеологическое разложение так называемых «народников». Большую помощь в этом оказала газета «Народный мститель» и листовки (рис. 3), которые регулярно поступали в Чашники к «народникам». Под влиянием партизанской пропаганды очень скоро к патриотам перешли 145 «народников» и 25 слушателей из Смоленской школы немецкой контрразведки. По этому поводу, в приказе № 74 от 27.09.43 г. говорилось: «Из

груп к партизанам с заданием вывести из строя комсомольско-политический состав и посеять панику среди партизан»[9]. Поэтому командование полка Садчикова более тщательно проверяло людей, поступающих в партизаны, также был усилен контроль за качеством продуктов и состояние питьевых источников (колодцев).

29.11.1943 г. полк, маневрировавший в Чашникском районе, получил радиogramму: *«Приказываю полком в полном составе 06.12.1943 г. прибыть в район д. Островенец (7 км севернее Ушачи). Переход совершить ночными маршами, сохраняя глубокую тайну. Указания о дальнейших действиях получите в районе д. Островенец». Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко»*[9].

К 06.12.1943 г. полк занял оборону юго-западнее Полоцка (17 км) на рубеже озёр Гомель, Конаши, Навлицкое. Общая оборонительная линия партизанских соединений включала окопы, ДЗОТы, минные поля и опорные пункты, общей протяжённостью около 230 км. Заняв оборону, полк получил боевую задачу (рис. 4). Каждый день группы партизан уходили в разведку и на диверсии, минировали дороги и подрывали эшелоны. Из разведдонесения № 1 от 20.12.1943 г. полковника Садчикова в штаб оперативной группы: *«По сведениям, полученным от соседей и нашей разведки, установлено: в г. Полоцк гарнизон противника до двух полков немцев и народников. В д. Меруги 85 немцев, вооружённых 7 РПД и 2 ротными миномётами. В д. Латышки 65 человек немцев и народников, вооружённых 5 РПД, остальные винтовки, 6 ДЗОТов, обнесённых проволочными заграждениями в 2 кола и т. д.»*[10].

В разведдонесении от 02.01.1944 г. говорилось: *«Захваченный полицейский Петрович Баано Васильевич из гарнизона д. Воробьи на допросе показал, что гарнизон имеет задачу охраны подступов к ст. Ветрино. На станции имеется гарнизон противника до 2 000 человек (учебный пункт немцев) и 60 человек охранной полиции. На ст. Фариново батальон 200 человек австрийцев, ком. состав — немцы. Исходя из разведданных, партизаны полка совершали диверсии против оккупантов. Так, в январе 1944 г.: спущено эшелонов — 3, разгромлено гарнизонов — 1, захвачено «языков» — 2, уничтожено немцев и предателей — 895, выведено из строя паровозов — 28* [10].

После боёв было много раненых, поэтому в лесу возле д. Бояры под Лепелем в двух больших землянках был организован госпиталь полка. Иногда медикам приходилось делать по пять-семь операций в день. Из докладной записки от 06.02.1944 г. начальнику оперативной группы Белорусского штаба партизанского движения от командира Садчикова: *«В моём полку имеется 22 тяжелораненых и больных, которые по состоянию здоровья требуют длительного лечения. Прошу разрешения эвакуировать авиатранспортом ука-*

занное число раненых в советский тыл». За время существования полка было 457 раненых, из них эвакуировано в тыл 90 человек [1].

В донесении от 10.02.1944 г. из штаба полка капитану Госбезопасности тов. Фролову говорилось: «09.02.1944 г. к нам в полк пришёл перебежчик из войсковой части „СС“ г. Полоцка № 28253 бывший старший лейтенант Красной Армии А. А. Чугунов». На основании его показаний в штаб оперативной группы Центрального штаба партизанского движения составлена разведсводка, в которой говорилось: «1. Полоцкий аэродром расположен западнее г. Полоцка 1,5 км. Самолётов на аэродроме находится до 65 штук бомбардировщиков, разведчиков и транспортных. Вылеты делают в летную погоду с наступлением рассвета и днём. 2. В г. Полоцке по ул. Невельской в двухэтажном белом доме (бывшая школа) расположен штаб армии „СС“. На этой же улице, в красной кирпичной церкви — склад боеприпасов. 3. В бывшем Доме Красной Армии расположены: общежитие авиачасти, почта „СС“ и кинотеатр для немцев. Большое скопление солдат и офицеров бывает с 14.00 до 20.00 ежедневно. 4. В Полоцке части главным образом стрелковые и артиллерийские. Все мосты и ж/д станции подготавливаются ко взрыву. 6. На рубеже Полоцк-Ропна-Баравуха-1 немцы строят линию обороны» [10].

Весной 1944 г. немецким командованием были разработаны две карательные операции: «Морозящий дождь» и «Праздник весны». К этому времени в Полоцко-Лепельской зоне находилось около 17 тысяч партизан. Они с трудом удерживали освобождённую территорию зоны. Одно из основных направлений атаки противника проходило на участке линии обороны полка Садчикова, передовые позиции которого находились километрах в десяти от Полоцка. Противник крупными силами предпринял несколько попыток наступления [5]. Оборонительные бои полка продолжались в течение марта и апреля 1944 г. Так, например, 16.03.1944 г. боевым охранением было установлено движение обоза противника 30-ю подводами из д. Семенец в д. Колпинка. В результате 4-х часового боя немцы численностью в 250 человек были выбиты с занимаемых рубежей, и отошли к д. Бельчица. 19.03—21.03.1944 г. противник численностью до 800 человек предпринял наступление на высоту 147,9 у д. Бецкое, Меруги, Глинище. Всего с 16 по 21.03.1944 г. каратели потеряли убитыми и ранеными 142 человека, был подбит один танк. Среди партизан 8 человек погибло и столько же ранено.

На несколько дней наступило затишье. Немцы готовили новый план наступления. 29—31.03.1944 г. противник численностью до двух пехотных полков с полком артиллерии, пятью танками и бронемашинами наступал из Полоцка и Ветрино с целью обезопасить от воздействия партизан участок ж/д Полоцк—Прозороки. Противник наступал уд. Глинище, Бецкое,

Ветрино, Орлы, Марьянполье. Под прикрытием танков, бронемашин и бронепоезда в наступление пошла пехота. В результате 2-х дневных боёв противнику удалось вклиниться в оборону и овладеть д. Бельково, Заскорки, Царево, Белый Двор. В этих боях многие бойцы и командиры проявили образцы героизма. При обороне д. Усомля командир взвода Волчков со своими бойцами, находясь в полуразрушенном ДЗОТе, окружённом атакующим противником, отбивался 13 часов до подхода подкрепления партизан резервной 16-й Смоленской бригады. Командир отделения А. М. Диков, смертельно раненый, до последнего отражал атаку противника. Его отделением было подбито два вражеских танка.

В результате трёхдневных боёв партизаны потеряли убитыми 12 и ранеными 42 человека. Артиллерией противника было повреждено 42 ДЗОТа нашей линии сопротивления. Партизаны убили и ранили 412 немцев, подбили 3 танка, вывели из строя 45-мм орудие. Все местное население из полосы боевых действий было своевременно эвакуировано в безопасные места.

«11.04.1944 г. противник силой до 1-й роты пытался вести разведку боем обороны полка у д. Улище, но был окружён. В результате боя было убито и ранено 44 и взято в плен 6 немцев. Бои продолжались и в последующие дни. В ночь на 17.04.1944 г. в результате контратаки противник был выбит с занятых рубежей и понёс потери, отойдя в направлении д. Лесины»[4].

В этих числах изднесений разведчиков стало известно, что немецко-фашистское командование начало стягивать войска к границам обороны зоны. В ходе карательной операции «Весенний праздник» предполагалось: войсками, численностью в 60 тысяч человек, с артиллерией и авиацией, окружить партизан в районе Лепель—Ушачи, а затем полностью уничтожить. К 11.04.1944 г. зона была блокирована. Самое крупное наступление на партизан началось утром 11.04.1944 г.. Положение партизан всё больше усложнялось [2].

К 27.04.1944 г., в результате наступления врага территория Полоцко-Лепельской зоны сузилась до 20 км. Со стороны Полоцка на Отдельный Смоленский партизанский полк Садчикова наступали части 252-й немецкой пехотной дивизии с танками и артиллерией. Наступающих поддерживала авиация. После отступления соседних с полком партизанских отрядов Садчиков получил приказ командования отойти от Полоцка к Ушачам и возглавить ударную группировку прорыва из блокады в западном направлении [11].

К началу мая вражеским солдатам удалось окружить партизан и 15 тысяч мирных жителей в Матыринском лесу. Рубеж обороны сократился до 8 километров. 30.04.1944 г. на совещании в Ушачах был объявлен приказ Белорусского штаба партизанского движения и командования 1-го Прибалтийского фронта

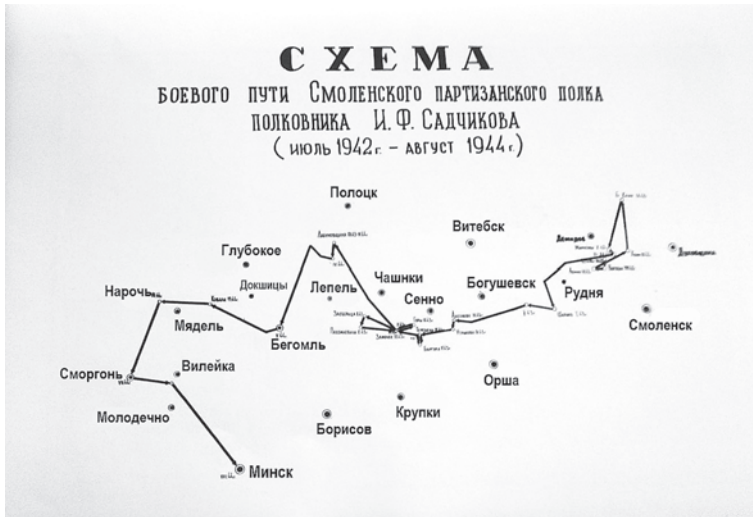

Рис. 5. Схема боевого пути

о прорыве вражеского кольца. 01.05.1944 г. партизанские бригады стали готовиться к выходу из окружения. Оборону под Ушачами держали один батальон (три отряда) полка Садчикова и один отряд бригады имени П. К. Пономаренко. Вечером того же дня Ушачи были оставлены партизанами. В начале мая были предприняты попытки выхода из окружения в западном направлении за ж/д Полоцк—Молодечно. Но прорваться не удалось [8].

На рассвете 03.05.1944 г. вышли к д. Рожновщина. Дальнейший путь лежал через болото. В целях маскировки костры разводить не разрешалось. Закончилось продовольствие, поэтому голодали все. Ели еловые побеги, жевали кожаные ремни, пили болотную воду. С огромными усилиями и потерями полк выбрался из болота и к вечеру 4 мая соединился с основными силами партизан. На этот момент кольцо вражеского окружения вокруг них сузилось до 3—4 км. Из воспоминаний командира полка И. Садчикова: «Операция на прорыв была намечена в ночь с 4 на 5 мая 1944 г. между д. Паперино и Новым Селом. Одним из основных на штурм шел наш полк. Лес был окружен тысячами фашистов, двумя боевыми линиями танков. В 23.30 4 мая 1944 г. партизаны всех бригад пошли на прорыв. В небо взвились ракеты. Гранатометчики забрасывали немецкие танки гранатами. Следом шли пулемётчики и автоматчики. Эти группы прорвали кольцо окружения на глубину 300—400 м. В атаку пошли батальоны, которые вступили в рукопашный бой. Немцы безжалостно расстреливали штурмовые группы и гражданское население» [8].

05.04.1944 г. партизаны Полоцко-Лепельской зоны осуществили прорыв вражеского кольца у д. Плино и Паперино, вышли из окружения и вы-

вели около 15 тыс. человек мирного населения. Бои продолжались до середины месяца. 15.05.1944 г. В. Е. Лобанок отдал письменное распоряжение Садчикову о передислокации полка в Вилейскую область. 03.07.1944 г. в районе Сморгони Вилейской области полк соединился с частями Красной Армии, имея в своём боевом составе 942 бойца. Вскоре полк был расформирован [12]. В рядах партизан Садчикова сражался и разведчик Михаил Егоров. Отделение бойцов под его командованием участвовало более чем в 50 боевых операциях. Лично им было захвачено 14 вражеских «языков». 02.05.1945 г., будучи разведчиками 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили на одном из куполов рейхстага древко со знаменем, которому суждено было называться Знаменем Победы. Им обоим было присвоено звание Героев Советского Союза. Вспоминая бои во вражеском тылу, Михаил Алексеевич Егоров говорил, что без боевого опыта, накопленного в рядах партизан, без школы мужества, пройденной под Полоцком в 1944 г., ему было бы очень трудно выполнить последнее, самое почётное, самое трудное задание [6, 13].

Таким образом, партизаны Особого Смоленского полка прошли большой боевой путь (рис. 5). Они продемонстрировали в ходе операций отличные боевые навыки, дисциплинированность и выучку. По итогам боёв на Полотчине по состоянию на 01.06.1944 г. партизанами полка было убито — 920, ранено — 1 300 немцев, подбито: танков — 10, автомашин — 7, бронемашин — 2, самолетов — 1, взято в плен — 18 человек [3]. Упорные действия партизан зоны, в том числе и полка, способствовали успеху Витебско-Оршанской и особенно Полоцкой наступательных операций во время освобождения Беларуси. В ознаменование их подвига по выходу из блокады 30 июня 1974 г. в Ушачском районе был открыт мемориальный комплекс «Прорыв» [5].

Список литературы и источников

1. Боевая деятельность Смоленского партизанского полка за февраль 1944 года // (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 43.— Л. 2.
2. Брюханов, А. И. В штабе партизанского движения / А. И. Брюханов.— Минск: Беларусь, 1980.— С. 171.
3. Журнал учета боевых операций партизанского полка Садчикова за июль 1942 — июль 1944 г. // (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 44.— Л. 1—2.
4. Краткое описание боёв с наступающим противником в период с 16 по 21 марта 1944 г. // (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 508.— Л. 138—140.
5. Лобанок, В.И. Партизаны принимают бой / В. И. Лобанок.— Минск: Беларусь, 1972.— С. 113.

6. Логунова, Т. А. О днях партизанских / Т. А. Логунова.— Москва: Политиздат, 1969.— С. 101—102.
7. Материалы по боевой деятельности партизанского полка Садчикова. 1942—1943 гг. // (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 4.— Д. 63.— Л. 164.
8. Описание оборонительных боёв полка с карательной экспедицией в Ушачском районе с 10.04.44 по 01.05.44 гг. и боёв на прорыв по выходу из окружения с 01.05.44 по 10.05.44 гг. // (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 41.— Л. 1—12.
9. Приказы по партизанскому полку особого назначения // (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 507.— Л. 1—5.
10. Сведения о боевых действиях партизанского полка с декабря 1943 по 24 января 1944 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1403.— Оп. 1.— Д. 43.— Л. 1.
11. Тябут, Д. В. Сквозь огонь / Д. В. Тябут.— Минск: Беларусь, 1975.— С. 276, 299.
12. Ширина (Демидова), Е. И. Полк особого назначения / Е. И. Ширина (Демидова).— Москва: Шаг, 1996.
13. Школьников, С. С. В объективе — война / С. С. Школьников.— Москва: Воениздат, 1979.

УДК 666.3/7(091)(476.5-21)

ПОЛОЦКИЙ КОМБИНАТ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ. 1945—1969 ГГ.

Торгашова М. О.

старший научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

История производства кирпично-черепичных изделий на территории Полотчины берёт своё начало ещё со времён Российской империи. В конце XVIII в. на территории города работали 3—4 мелких завода по производству кирпича с числом работников не более 4-х человек [1, с. 261]. По воспоминаниям полоцкого краеведа И. П. Дейниса, «в начале XX века в Полоцке имелись 2 кирпичных монастырских завода и кирпичный завод Корсака на территории Спас-Слободы» [2, с. 17]. После освобождения Полотчины от немецких и белопольских войск в 1920 г. новое советское руководство занялось восстановлением разрушенного хозяйства. Один из трёх кирпичных заводов, действовавших до революции, был запущен ближе к середине 1920-х гг. «Для него по улице Лагерной было поставлено 7 новых печей. Кроме того,

в городе работали ещё 2 небольших кирпичных завода. На них было занято около 150 рабочих. В год они выпускали около 5,5 млн. штук кирпича для нужд городских и сельских застройщиков, строительства промышленных зданий» [3, с. 359]. По материалам Зонального архива г. Полоцка, в 1930-е гг. в городе продолжали работать 3 предприятия по изготовлению строительных материалов. Так, в 1936 г. в документах упоминаются Кирпичные заводы № 1 и № 2, а также Черепичный завод и все подсобные предприятия на этих производствах (торфозавод, электростанция и др.) [4, с. 373]. В начале 1930-х гг. наряду со швейной мастерской и лесопильным заводом кирпичный завод был одним из крупнейших предприятий города. На нём работало 145 рабочих [4, с. 372]. Однако в 1931 г. предприятие не выполнило промышленный финансовый план на 46% [4, с. 371]. В годы Великой Отечественной войны полоцкие кирпичные заводы не функционировали. Уже в августе 1941 г. на территории одного из заводов появилось гетто, где в 10 бараках, которые ранее принадлежали предприятию, держали около 8 тыс. узников [5].

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков первоочередной задачей стало восстановление разрушенных городов и сёл республики. Для скорейшего возобновления народного хозяйства по приказу Наркомата промышленности БССР началось восстановление старых и строительство новых кирпичных заводов [6, л. 5]. В 1945 г. в Полоцке вновь заработал Кирпично-черепичный завод № 39, которой возглавил тов. Белявский. В соответствии с постановлением СНК БССР, Полоцкому заводу передали кирпичедельный агрегат, который ранее принадлежал Минскому кирпичному заводу, и паровую машину — последняя находилась на кирпичном заводе № 20 в Гродно [7]. 1 января 1946 г. состоялось первое укрупнение предприятия: в ведение завода, который возглавил уже новый директор, Сипченко П. И., был передан торфозавод «Череповщина» [6, л. 6].

Несмотря на все усилия руководства, производительность и качество выпускаемой продукции на предприятии в 1940-е гг. оставались низкой. Так, в областной газете «Большавіцкі сцяг» появилась статья о том, что Кирпично-черепичный завод № 39 работает с перебоями, из месяца в месяц не выполняет план. В итоге, вместо положенных по плану в 3,8 млн. штук кирпича, завод произвёл только 1,5 млн. штук [8]. О недостатках в работе предприятия было отмечено и в отчёте председателя Полоцкого городского Совета депутатов: «...подготовительные работы к началу нового строительного сезона 1948 г. проходят крайне медленно. Строительство здания нового прессового цеха не закончено», отсутствует ряд необходимого оборудования, не подготовлены цеха. Завод в полной мере не уком-

плектован кадрами (по плану 170 человек, а по факту только 101). У предприятия практически полностью отсутствует жилищно-бытовой фонд [9].

В 1950 г. произошла реорганизация Кирпично-черепичного завода № 39. Предприятие, которое стало называться «Полоцкий комбинат строительных материалов» (далее — ПКСМ), возглавил тов. Ерёменко. В последующие годы, когда заводом руководили Я. А. Фурман и И. Х. Вайзулин, на комбинате был введён в эксплуатацию тоннельный блок, построены навесы для естественной сушки изделий, увеличен автопарк, установлена тоннельная сушилка, которая ускорила процесс высушивания заготовок будущих кирпичей [10]. В 1956 г. на заводе работало уже 569 человек. В 1954 г. комбинат перевыполнил план по выпуску продукции на 102,5%, сверх плана произведено около 812 тыс. штук кирпича [11]. Хотя при этом проблем было очень много и одна из них — это расположение завода.

ПКСМ с момента образования размещался на окраине города, в районе под названием «Лозовка». Там проживало большинство семей рабочих и служащих предприятия. В областной газете «Знамя коммунизма» говорилось, что этот район находится в тяжёлом состоянии. Там отсутствовали продуктовый магазин и средства связи, плохо поступали газеты и другая корреспонденция. В сторону района ходил автобус, но стоимость проезда в нём была в 3 раза выше, чем в другие районы города [12]. По решению исполкома Полоцкого городского совета депутатов трудящихся в конце 1954 г. в Лозовке по улице Лагерной поставили ларёк, позже появились библиотека и аптека, а также был установлен телефон-автомат [13].

Одной из самых крупных проблем предприятия с конца 1940-х гг. были денежные долги. На основании письма заместителя председателя Совета Министров БССР предприятие в короткий срок должно было погасить долг перед Полоцкой электростанцией. Но, учитывая тяжёлое положение (недостаток оборотных средств), завод смог выплатить лишь половину долга [13]. В 1954 г. государственная санитарная инспекция БССР получила сведения о тяжёлых условиях труда в цехе сушки кирпича-сырца. Лабораторные анализы показали, что уровень загрязнения цеха угарным газом превышает допустимые нормы в 15 раз. В это время нередки были и жалобы рабочих на плохое самочувствие: частые головокружения и тошноту. Цех по сушке кирпича стоял под угрозой закрытия [14]. В 1959 г. комбинат столкнулся с новой проблемой — недостатком сырья. На территориях, которые принадлежали заводу, иссякли запасы глины. Уже через полгода ПКСМ выделили новый земельный участок площадью 16 га, с общим объёмом запасов глины в 1 млн. куб м, а в 1963 г. к предприятию был присоединён завод «Гвардеец» (в дальнейшем — цех № 3) для ведения горных разработок [15, л. 1].

В 1960 г. из-за обвала крыши между участками комбината под угрозой срыва стал производственный план предприятия [14]. В течение года была произведена реконструкция прессового цеха: установлено дополнительное глиноперерабатывающее оборудование, что привело к улучшенной переработке сырья для получения морозостойкого кирпича. Введение в эксплуатацию новых сушильных площадей и оборудования положительно отразилось на качестве продукции, однако условия труда рабочих при этом оставались плохими. Как отмечал директор предприятия в одном из писем в Министерство строительных материалов: «Цеха не отвечают санитарным требованиям: отсутствуют вентиляция. На территории комбината нет душевых кабин, умывальников, не оборудована комната отдыха и приёма пищи, рабочие не обеспечены питьевой водой» [16, л. 26].

В 1960-х гг. в связи с ростом количества рабочих и служащих остро ощущался недостаток служебного жилья, что приводило к увольнениям по собственному желанию. По архивным данным, в ведении комбината находилось лишь несколько 1—2-этажных домов для рабочих по ул. Шмидта, но помещения не отвечали санитарным нормам: отсутствовали кладовая для белья и прачечная, а в комнатах отмечалась скученность [15, л. 4]. Для решения данной проблемы в 1962 г. с Полоцкого завода стекловолокна было передано 5 индивидуальных жилых домов, подлежащих сносу. Позднее их перевезли в посёлок ПКСМ, в район Лозовки [17, л. 27].

Ещё одна проблема, которая отмечалась в отчётах руководителей завода, это недостаток производственных помещений: предприятие не имело своих ремонтных мастерских, здания материального склада и конторы, а ремонт оборудования и техники производился на открытых площадках. В 1962 г. на основании распоряжения Совета Министров БССР заводу были переданы здание механической мастерской, автогаража, котельной, материального склада и здание конторы, которые ранее принадлежали Полоцкой автотранспортной колонне № 9 [17, л. 26]. В результате, в конце 1960-х гг. у Полоцкого комбината строительных материалов насчитывалось 5 укомплектованных цехов: цех сырца № 1 (летний), цех сырца № 2 (зимний), цех № 3, цех сушки и цех обжига, а для принятия и отправления грузов была окончательно введена в эксплуатацию железнодорожная ветка [19]. С 1962 г. директором Полоцкого комбината строительных материалов был назначен П. П. Жук. При его умелом руководстве состоялся ремонт жилищно-бытового фонда предприятия, произошла реконструкция цехов завода. В это же время большое внимание уделялось и технике безопасности [19].

В 1960-х гг. по всему Советскому Союзу между государственными предприятиями, цехами, учебными заведениями и другими организациями на-

чали активно проводиться социалистические соревнования по производительности труда. Главным ориентиром производства служили плановые и сверхплановые социалистические обязательства. Сроки подсчёта итогов соцсоревнования, как правило, были приурочены к крупным праздникам или памятным датам. Эти мероприятия не обошли стороной и ПКСМ. Так, в 1962 г., когда Полоцк отмечал 1100-летие, на крупных предприятиях города прошли массовые социалистические соревнования. По итогам соцсоревнования на ПКСМ победителем был объявлен цех обжига, который выполнил план на 100,3%. Приказом директора предприятия данному цеху было вручено переходящее знамя, 105 рабочих были награждены денежными премиями, 18 — Почётными грамотами, а 28 человек получили благодарности [20].

Таким образом, Полоцкий комбинат строительных материалов в период с 1945 по 1969 г. был одним из крупнейших промышленных предприятий города. В конце 1960-х гг. он состоял из 5-ти цехов, нескольких производственных и административных зданий, имел свой автопарк, механическую мастерскую и котельную. На ПКСМ были созданы удовлетворительные жилищно-бытовые условия для работников и служащих предприятия, а для детей заводчан заработали ясли. Однако, несмотря на все приложенные усилия, государственный план по выработке и реализации продукции завод часто не выполнял, что требовало со стороны руководства предприятия постоянных доработок. Многие проблемы должны были решиться в последующие десятилетия.

Список литературы и источников

1. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс; уклад, прадм. і камент. М. Баўтовіча.— Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
2. Дейнис, И. П. Полоцк в XX веке. 1905—1914 / И. П. Дейнис; сост., предисл., примеч. А. И. Судника.— Полоцк: Полоцкое книж. изд-во, 2012.— 71 с.— (Наследие Полоцкой земли; вып. 15).
3. Маніс, М. А. Аднаўненне і развіццё народнай гаспадаркі / М. А. Маніс, С. С. Чарняўская // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: БелЭн, 2002.— С. 358—362.
4. Характарыстыка прамысловасці Полацка ў 1930-я гг. // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: БелЭн, 2002.— С. 371—373.
5. Кипяткова, Д. Гетто на территории г. Полоцка во время оккупации (1941—1945 гг.) / Д. Кипяткова // Моё местечко [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://shtetle.com/Shtetls/polock/polock.html>.— Дата доступа: 20.01.2018.

6. Приказы и указания министерства промышленности БССР от 21 августа 1945 г. // Зональный архив в г. Полоцке (далее — ЗГА в г. Полоцке).— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 1.— Л. 5.
7. Постановление СНК БССР № 150 от 11 сентября 1945 г. «О мерах помощи по восстановительным работам» // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 1.— Л. 6.
8. Цагельны завод № 39 не падрыхтаваўся да летняга сезона / І. Бучковіч [і інш.] // Большэвіцкі сцяг.— 1947.— 6 крас.— С. 2.
9. Решения Полоцкого городского совета депутатов трудящихся // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 21.— Л. 27.
10. План мероприятий по снижению себестоимости на 1954 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 28.— Л. 5.
11. Справка о выполнении общезаводских расходов по комбинату на 1-е полугодие 1953 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 28.— Л. 8.
12. Суравец, М. Забыты раён горада / М. Суравец // Большэвіцкі сцяг.— 1957.— 17 вер.— С. 2.
13. Справка о хозяйственной деятельности на 1951 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 51.— Л. 1.
14. Годовой отчёт по основной производственной и финансовой деятельности за 1952 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 15.— Л. 1.
15. Письмо директора комбината Министерству строительных материалов по производственной деятельности // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 115.— Л. 1, 4.
16. План мероприятий по внедрению в производство механизации и автоматизации и переписка за 1956 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 67.— Л. 2.
17. Письмо директора комбината в Министерство строительных материалов по производственной деятельности // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 147.— Л. 26, 27.
18. Годовой отчёт за 1962 г. // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 28.— Л. 16.
19. Приказы директора комбината за 1964 год // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 3.— Д. 3.— Л. 21
20. Приказы о награждении к 1100-летию г. Полоцка // ЗГА в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 2.— Д. 178.— Л. 44.

ТОНИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ СТЕНОПИСИ XIX В. СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ХРАМА В ГОРОДЕ ПОЛОЦКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ

Шафран О. А.

заведующий реставрационной мастерской НПИКМЗ

Якимович О. А.

художник-реставратор реставрационной мастерской НПИКМЗ

В 2017 г. художники-реставраторы музея-заповедника участвовали в реализации проекта «Реставрация отслоенной живописи XVIII—XIX вв. Спасо-Преображенской церкви в городе Полоцке путём тонирования».

Отслоенные и перенесённые на новую постоянную основу фрагменты стенописи дошли до нас с многочисленными утратами красочного слоя. Проведение реставрационных работ, а именно тонирование, даёт возможность полноценно воспринимать комплекс настенной масляной живописи XIX в. Спасо-Преображенской церкви.

Для выполнения тонирования фрагментов стенописи было отобрано 16 композиций площадью 6 340 кв. дм (общая площадь отслоенной и перенесённой на постоянную основу живописи XVIII—XIX вв. составляет 16 242,89 кв. дм).

Мы работали над двенадцатью композициями (площадью 3 569 кв. дм) — это 11 фрагментов стенописи 1885 г. («Св. первосвященник Аарон», «Св. пророк Захария», «Христос и самаритянка», «Св. великомученик Феодор Тирон», «Архангел», «Воскрешение Лазаря», «Св. бл. князя Борис и Глеб», «Св. бл. князя Владимир и Александр Невский», «Св. Георгий», «Ангел», «Призвание Закхей») и одна работа 1837 г. — «Чудо в Кане Галилейской».

В процессе тонирования необходимо было сохранить эффект монументальной живописи, не нарушив патины времени реставрационными тонировками, и восстановить целостное восприятие художественного произведения.

До проведения тонирования фрагментов стенописи проводилось тщательное обследование поверхностных повреждений красочного слоя авторской живописи. На некоторых композициях были обнаружены вздутия и жёсткий кракелюр с приподнятыми краями красочного слоя, что требовало незамедлительного укрепления. Для укрепления красочного слоя был использован клей Л-66. Клей с помощью кисти аккуратно, чтобы не сдвинуть

красочный слой, наносился на повреждённую поверхность. Если клей интенсивно впитывался, то процедуру повторяли. После подвешивания клея поднятый красочный слой с помощью фторопластового шпателя укладывался к основанию, лишний клей с поверхности удалялся этиловым спиртом.

Перед началом процесса тонирования с фрагментов стенописи требовалось удалить поверхностные загрязнения, такие, как копоть. Удалялись эти загрязнения с помощью поролоновых губок, смоченных в водном растворе детского мыла, а затем поверхность живописи была промыта чистой водой. Во время удаления загрязнений с использованием детского мыла не был достигнут нужный нам результат в отмывке копоти с поверхности живописи, и поэтому было решено использовать раствор «Крышталь-Люкс» (ХИММЕДСИНТЕЗ), который дал положительный результат.

После удаления загрязнений с поверхности живописи подводился реставрационный грунт. В нескольких композициях, в местах утрат авторской живописи, был подведён грунт акриловый «Снежка». После трёхдневной и даже недельной просушки грунт «Снежка» сильно вымывался. Также не давал нужную нам фактуру в местах утрат. Было решено использовать акриловый грунт VGT. С помощью мастихина грунт подводился в местах утрат авторской живописи. После просыхания около двух часов грунт выравнивали с помощью влажного ватного тампона. Таким методом на оставшихся композициях был подведён реставрационный грунт. Далее проводили покрытие поверхности даммарным лаком, разведённым в скипидаре (живичном) в соотношении 1:1,5. С помощью щетинной кисти лак наносился на поверхность живописи, избегая подтёков. После полного просыхания лака приступили к этапу тонирования стенописи в местах утрат авторской живописи.

Тонирование утрат красочного слоя монументальной живописи завершает цикл реставрационного процесса и имеет цель восстановить эстетическое восприятие художественного произведения. Восстанавливая утраченные части красочного слоя, реставратор должен погасить то, что мешает восприятию сохранившихся частей произведения для максимального выявления подлинных участков живописи. Не все произведения монументальной живописи требуют тонирования. В отдельных случаях, когда живопись сохранилась фрагментарно, целесообразно оставить её в таком виде, в каком она дошла до нас, то есть провести реставрационные работы, укрепление и удаление поверхностных загрязнений, не проводя тонирования утрат красочного слоя.

Сложность вопроса тонирования состоит в том, что отсутствуют единые, теоретически обоснованные принципы и требования к этому процессу. Тонирование утрат живописи не допускает свободного худо-

жественного творчества реставратора. Реставратор должен руководствоваться следующим принципами:

- 1) Нанесение краски строго в пределах утрат красочного слоя изначальной живописи.
- 2) Тонировки должны быть обратимы, т. е. сохранять возможность их удаления без нарушения изначального красочного слоя.
- 3) По своей фактуре и тону тонировки должны отличаться от тонируемой живописи, и, как правило, быть несколько слабее по тональности.

Выполненные таким образом тонировки позволяют при близком восприятии легко отличать их от общих росписей, а с расстояния тонировки становятся оптически неразличимы.

Для тонирования утрат на фрагментах стенописи нами были использованы наборы акварельных красок «Белые ночи», а именно мы брали светостойкие акварельные краски, чтобы тонировки минимально изменяли свой цвет при экспонировании произведения. Однако чистая акварель не создаёт прочную плёнку и при нанесении лака может быть стёрта, поэтому для упрочнения тонировки и для её связи с грунтом используются связующие, в нашем случае была использована медицинская бычья желчь, которая непосредственно добавлялась в воду для разведения акварельных красок. Работа по тонированию проводилась с использованием колонковых кистей (№ 1—5).

На композиции «Христос и самаритянка» 1885 г. был использован такой метод тонирования в пределах утрат авторской живописи, как лесировка. На палитре смешивался нужный тон и лёгкими прозрачными заливками наносился кистью на поверхность, после высыхания первого слоя на палитре смешивался новый цвет, краски наносили тонким прозрачным слоем на просохший первый слой. Так наносилось от двух до трёх тонких слоёв акварельной краски. Если пользоваться краской только одного цвета, накладывая её слой за слоем, то трудно достичь гармонии с авторской живописью, такая тонировка получится тёмной, резко отличающейся от подлинных частей живописи своими тяжёлыми, глухими тонами. Поэтому каждый новый цвет замешивался заново на палитре. Но в то же время тонированные места не должны нарушать общий колорит авторской живописи. Для этого нужный по колориту цвет тщательно ищется на палитре путём смешения красок, но не более четырёх цветов, чтобы в дальнейшем не потерять чистый и прозрачный цвет. Силы тона и насыщенности мы добивались с помощью многослойных заливок.

При работе над композицией «Св. Георгий» 1885 г. мы использовали несколько методов тонирования: тонированный грунт, заливка, пунктир

(или пуантель). В реставрационный грунт методом подбора вводили цветной пигмент и тщательно вымешивали. С помощью мастихина грунт подводился в местах утрат авторской живописи. После просыхания около двух часов грунт выравнивали с помощью влажного ватного тампона, остатки грунта тщательно удаляли чистой водой с поверхности авторской живописи. После выравнивания подведённого грунта и его полного высыхания покрывали поверхности живописи даммарным лаком, разведённым в скипидаре (живичном). После высыхания лака приступили к процессу тонирования. На палитре подбирался нужный цвет путём смешения, жидкой акварельной краской наносилась тонкая заливка. После высыхания заливки на палитре замешивался нужный цвет и полусухой кистью № 2 наносились краски мелкими отдельными точками на небольшом расстоянии друг от друга в тон к общему колориту. Таким способом покрывается вся поверхность в местах утрат. Эти точки, визуальнo сливаясь на расстоянии, создают лёгкую, вибрирующую, красочную поверхность. Этот метод основан на оптическом смешении цвета и позволяет при внимательном рассмотрении легко определить тонированный участок.

На композициях 1885 г. — «Св. князя Борис и Глеб» и «Воскрешение Лазаря» — был применён один из методов тонировок, а именно подведение тонированного реставрационного грунта в местах утрат. Цвет для грунта был выбран нейтральный. Этот метод был использован на фрагментах стенописи с хорошей сохранностью и с визуальной целостностью изображений. Тонированным грунтом нейтрального тона были погашены белые пятна в местах утрат, что позволило выявить авторскую живопись.

Таким образом нами было протонировано 12 композиций. После окончания тонирования живописи и стабилизации протонированных участков акварелью на фрагменты стенописи был нанесён реставрационный защитный слой — даммарный лак, разведённый в скипидаре (живичном).

В результате проведённой работы на отдельных фрагментах стенописи площадью 3 569 кв. дм художниками-реставраторами музея-заповедника был выполнен завершающий цикл реставрационного процесса по реставрации и сохранению настенной масляной живописи XIX в. из Спасо-Преображенского храма.

*Христос и самаритянка, 1885 г.
а) до тонирования; б) после тонирования*

*Святой Георгий, 1885 г.
а) до тонирования; б) после тонирования*

а)

б)

*Чудо в Кане Галилейской, 1837 г.
а) до тонирования; б) после тонирования*

а)

б)

*Св. великомученик Феодор Тирон, 1885 г.
а) до тонирования; б) после тонирования*

КАНЦЭПЦЫЯ І РЭАЛІЗАЦЫЯ ВЫСТАВАЧНАГА ПРАЕКТА «ЖЫВЁЛЬНЫ СВЕТ У ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ» У МУЗЕІ ТРАДЫЦЫЙНАГА РУЧНОГА ТКАЦТВА ПААЗЕР'Я

Шыпіла Н. А.

вядучы навуковы супрацоўнік

Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я — філіяла НППКМЗ

Экспазіцыя Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я дэманструе тэкстыльныя вырабы канца XIX — другой паловы XX ст. Сярод наведвальнікаў асаблівай увагай карыстаюцца арнаментаваныя вырабы са старажытнымі геаметрычнымі і больш познімі жывёльна-расліннымі ўзорнымі матывамі. Геаметрычныя арнаменты прывабліваюць наведвальнікаў сваёй архаікай, а жывёльна-раслінныя — прастотой і зразумеласцю, даволі часта можна пабачыць арганічны сімбіёз першых і другіх.

Падчас працы з аўдыторыяй супрацоўнікамі была адзначана пэўная цікавасць у розных катэгорый наведвальнікаў да сімвалічнага значэння жывёл і птушак, якіх можна пабачыць на тэкстыльных вырабах у экспазіцыі музея.

З адукацыйнымі мэтамі супрацоўнікамі музея была запланавана выстаўка, на якой былі прадстаўлены прадметы з зааморфнымі матывамі, а таксама паказаны міфалагічныя ўяўленні беларусаў, звязаныя з прадстаўнікамі жывёльнага свету. Падчас падрыхтоўкі матэрыялу стала відавочна, што выявы жывёл не абмяжоўваліся толькі тэкстыльнымі вырабамі, іх выкарыстанне значна шырэй і ахоплівала амаль усе сферы жыцця чалавека традыцыйнай беларускай культуры. Адгалоскі культу жывёл захаваліся да нашых дзён у фальклорных паданнях, казках, песнях, а таксама ў прадметах дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Вобразы жывёл і птушак сустракаюцца на тэкстыльных, керамічных, драўляных, металічных вырабах.

Улічваючы, што музей этнаграфічнага накірунку, а галоўная тэматыка — гэта традыцыі ткацтва, пры стварэнні выстаўкі прыярытэт быў аддадзены тэкстыльным вырабам, якія былі прадстаўлены болей шырока і стварылі аснову выставачнага праекта, а прадметы з іншых калекцый былі выкарыстаны больш фрагментарна, але таксама занялі сваё пачэснае месца на выстаўцы «Жывёльны свет у традыцыйнай культуры беларусаў».

МЭТЫ:

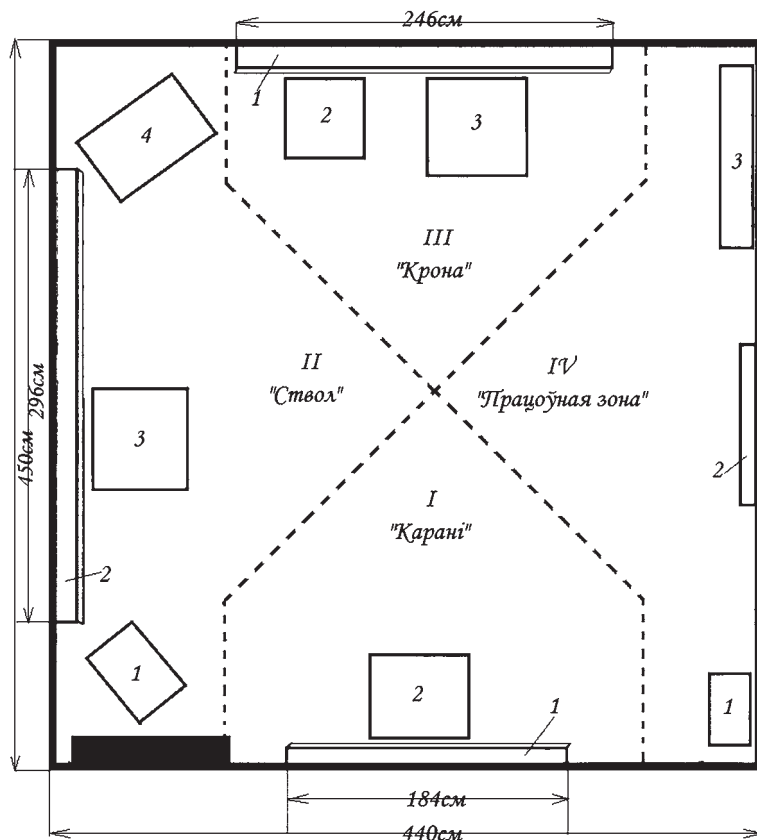
Прадэманстраваць матэрыяльны і духоўны вобраз жывёльнага свету ў беларускай традыцыйнай культуры.

ЗАДАЧЫ:

- 1) прэзентаваць прадметы з выявамі жывёльнага свету ў народных рамёствах і промыслах;
- 2) пазнаёміць з сімвалічным значэннем прадстаўнікоў жывёльнага свету ў міфалогіі беларусаў;
- 3) актуалізаваць інтарэс да духоўнай культуры беларусаў праз традыцыйныя песенны фальклор, беларускія казкі, паданні, якія звязаны з культурам жывёл;
- 4) раскрыць асаблівасці выяўлення прадстаўнікоў жывёльнага свету ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве;
- 5) папулярызаваць веды пра традыцыйныя рамёствы і духоўную спадчыну беларусаў сярод розных катэгорый наведвальнікаў праз правядзенне тэматычных майстар-класаў і заняткаў;
- 6) выходзіць павагу да гісторыі і культуры беларускага народа.

Для распрацоўкі канцэпцыі музейнай выстаўкі «Жывёльны свет у традыцыйнай культуры беларусаў» былі выкарыстаны працы айчынных і замежных навукоўцаў розных перыядаў. За аснову былі ўзяты наступныя даследаванні: «Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства» (1933 г.) Мікалая Міхайлавіча Нікольскага [9], у якім прадстаўлены дасягненні савецкай этнаграфіі ў галіне традыцыйнага светаўспрымання беларусаў; праца «Символика животных в славянской народной традиции» (1997 г.) Аляксандра Віктаравіча Гура [3], у якой выкарыстаны сучасныя метадалагічныя падыходы, падрабязна разгледжаны міфалагічныя ўяўленні славян, звязаныя з прадстаўнікамі жывёльнага свету і іх судачыненне з Дрэвам жыцця, шырока адлюстраваны беларускі фальклор. Акрамя агульных канцэпцый пра ўяўленне жывёльнага свету ў традыцыйнай культуры беларусаў, нас цікавілі міфалагічныя вобразы і характарыстыкі асобных жывёл. У энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў», выдадзеным у 2004 г., змяшчаюцца навуковыя артыкулы сучасных беларускіх даследчыкаў у галіне этнаграфіі, міфалогіі, фальклору, у якіх падрабязна разглядаюцца прадстаўнікі жывёльнага свету.

Малюнак. План-схема размяшчэння выставачнага праекта

ЛЕГЕНДА ДА ПЛАН-СХЕМЫ:

I. Зона «Карэнні»

- 1) Стэнд, на якім размешчана пано з выявай двух лебедзяў; Віцебская вобл., БССР, 1950—1960 гг.
- 2) Вітрына з прадметамі:
 - Ручнік з карункамі з выявай цмокаў і жанчын; БССР, 1920—1925 гг.
 - Клямка ў выглядзе змяі; Лепельскі р-н, Віцебская вобл., БССР, 1930—1940 гг.
 - Набойка з выявай жука; г. Гродна, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Фотаздымак ліштвы з выявай рыб; в. Дразды, Полацкі р-н, Віцебская вобл., БССР, 1940—1950 гг.
 - Фотаздымак ліштвы з выявай змей; в. Чапліцы, Лідскі р-н, Гродзенская вобл., БССР, 1940—1950 гг.

II. *Зона «Ствол»*

- 1) Посцілка з выявай аленьяў; Шаркаўшчынскі р-н, Віцебская вобл., БССР, 1948—1950 гг.
- 2) Стэнд на якім размешчаны:
 - Завесы дзвярныя ў форме рагоў; Лепельскі р-н, Віцебская вобл., БССР, 1930—1940 гг.
 - Дыван маляваны з выявай аленья і львоў; БССР, 1-я палова XX ст.
 - Калядная маска казы; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2016 г.
 - Калядная маска мядзведзя; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2016 г.
- 3) Вітрына з прадметамі:
 - Ручнік з выявай лася і жанчыны; БССР, 1970—1980 гг.
 - Цацка-свістулька «Конік»; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Цацка-свістулька «Конік»; г. Полацк, Рэч Паспалітая, 1601—1800 гг.
 - Цацка ў выглядзе барана; г. Полацк, Рэч Паспалітая, 1601—1800 гг.
 - Фотаздымак ліштвы з выявай вавёрак; г. Бешанковічы, Віцебская вобл., БССР, 1940—1950 гг.
 - Фотаздымак ліштвы з выявай катой; г. Мінск, БССР, 1950—1960 гг.
 - Карункі з выявай сабак; БССР, 1930—1940 гг.
- 4) Цацка «Конь»; г. Наваполацк, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.

III. *Зона «Крона»*

- 1) Стэнд на якім размешчаны:
 - Ручнік з выявай пеўняў; Рэспубліка Беларусь, 1993 г.
 - Дыван маляваны з выявай паўлінаў і ластавак; БССР, 1940—1950 гг.
 - Ручнік з выявай салаўёў; Полацкі р-н., Віцебская вобл., БССР, 1960—1970 гг.
- 2) Стол са збанком з выявай птушкі; БССР, 1-я палова XX ст.
- 3) Вітрына з прадметамі:
 - Карункі з выявай галубоў; в. Кавалеўшчына, Ушацкі р-н., Віцебская вобл., БССР, 1950—1960 гг.
 - Набойка з выявай голуба; г. Гродна, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Цацка «Птушка»; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Цацка-свістулька «Птушка»; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Цацка-свістулька «Качка»; г. Полацк, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Набойка з выявай птушкі; г. Гродна, Рэспубліка Беларусь, 2015 г.
 - Фотаздымак ліштвы з выявай галубоў; в. Курыловічы, Вілейскі р-н., Мінская вобл., БССР, 1940—1950 гг.

IV. *Зона «Працоўная зона»*

- 1) Тумба для дапаможных матэрыялаў.
- 2) Стылізаваная выява Дрэва жыцця.
- 3) Лаўка для інтэрактыўнай пляцоўкі.

Прааналізаваны матэрыял даў наступныя вынікі: большасць даследчыкаў выкарыстоўваюць канцэпцыю, згодна з якой свет прадстаўляе сабой Дрэва, што звязвае ўсе формы жыцця (адсюль і назва «Дрэва жыцця») [13, с. 152]. Кожная частка дрэва — карані, ствол, крона — адпавядаюць сваёй прасторы, на якой гарманічна размяшчаецца ўсё жывое, у тым ліку і жывёлы. Калі казаць пра жывёльны свет, то з нізам — «карэннямі» — суадносяцца дробныя млекакормячыя, рэптыліі, рыбы, гады; сяродзіна — «ствол» — капытныя, рогатыя жывёлы і млекакормячыя, верх — «крона» — птушкі [6, с. 171].

Абапіраючыся на міфапаэтычны вобраз Дрэва жыцця як культурны канцэпт, за аб'ядноўваючы стрыжань была ўзята стылізаваная выява дрэва, а выставачная прастора была падзелена на тры зоны, у судачненні з трохчасткавым падзелам Сусветнага дрэва (зоны размяшчаюцца паслядоўна, злева направа).

Анатацыю па выстаўцы было вырашана зрабіць у форме пазнавальнага даведніка, у выглядзе невялікай кніжачкі, дзе размяшчалася інфармацыя аб прадметах і міфалагічных ўяўленнях, звязаных з жывёламі, выявы якіх прысутнічаюць на гэтых рэчах.

Было падрыхтавана і музычнае суправаджэнне для выстаўкі — былі падобраны традыцыйныя беларускія песні з розных рэгіёнаў Беларусі, у якіх узгадваюцца прадстаўнікі жывёльнага свету.

Даволі значнае месца на выстаўцы займала інтэрактыўная пляцоўка, якая ўяўляла сабой прастору, дзе наведвальнікі маглі зрабіць паштоўку з выявамі жывёл і птушак, якую пасля забіралі з сабой на памяць. Вялікай папулярнасцю гэтая пляцоўка карысталася ў наведвальнікаў з дзецьмі. (гл. *малюнак*)

Для лепшага дасягнення пастаўленых мэт былі арганізаваны і праведзены тэматычныя заняткі і мерапрыемствы для розных катэгорый наведвальнікаў.

Майстар-клас «Жывёльны свет у выцінанцы» для наведвальнікаў усіх узроставых катэгорый. Выцінанка — гэта стварэнне ўзораў з паперы, якое было распаўсюджана ў канцы XIX і асабліва ў першай палове XX ст. [8, с. 33]. На жаль, вырабы азначанага часу не захаваліся, бо зробленыя з таннага нетрывалага матэрыялу (паперы), яны кожны год замяняліся новымі. Пасля некаторага перыяду заняпаду зараз гэты від народнай дэкаратыўнай творчасці зноў адраджаецца. Узоры дэкору выцінанак вельмі разнастайныя, сярод іх пачэснае месца займаюць і зааморфныя матывы [8, с. 37]. Падчас майстар-класа «Жывёльны свет у выцінанцы» майстар Алена Васільеўна Ходзікава адкрыла захапляльны свет выцінанкі для дзетак і дарослых, якія пажадалі навучыцца мастацтву стварэння ўзораў з паперы.

Музейныя заняткі «Жывёлы ў беларускіх казках і паданнях» мелі на мэце пазнаёміць з міфалагічным светам жывёл самых маленькіх наведвальнікаў (узроставае катэгорыя ад 3 да 6 год), якія толькі пачынаюць спасцігаць беларускую традыцыйную культуру. Беларускія казкі аб жывёлах — адна з каларытнейшых з’яў не толькі ў беларускім фальклоры, але і ў казачным эпасе ўсіх славянскіх народаў. Найбольш вядомыя персанажы — лісіца, воўк, мядзведзь, заяц, дзік, сабака, кот, каза, певень, пчала і інш. Вельмі важнай асаблівасцю казак аб жывёлах з’яўляецца тое, што амаль ва ўсіх творах за дзеючымі асобамі захоўваюцца найбольш тыповыя для іх якасці: асноўная рыса лісіцы — хітрасць, ваўка — прагнасць, ката — мудрасць і г. д. Такім чынам, з казак пра жывёл перад намі паўстаюць не толькі цікавыя, жывыя, з характэрнымі асаблівасцямі паводзін і знешняга выгляду вобразы са свету жывёл, але ў першую чаргу вобразы-абагульненні, якія раскрываюць перад слухачом у шматграннасці праяў сяброўства і здраду, бескарыслівасць і прагнасць, ашуканства і справядлівасць [1, с. 237].

Музейныя заняткі «Жывёлы ў беларускіх казках і паданнях» пазнаёмілі маленькіх наведвальнікаў з чароўным светам жывёл і птушак, якія здаўна суправаджалі нашых продкаў. Галоўнай жа дзеяй стала інтэрактыўная казка «Каза-манюка», у якой дзеці прымалі актыўны ўдзел, паказваючы галоўных герояў з дапамогай пантамімы, а таксама агучвалі саміх персанажаў. Напрыканцы заняткаў дарослыя разам з дзецьмі паўдзельнічалі ў майстар-класе па вырабе цацкі-скрутка «зайчык на пальчык», а жывое выкананне музыкі на гусях стварыла атмасферу сапраўднай казкі.

Для ўсіх зацікаўленых беларускім фальклорам была арганізавана спеўная вечарына «Вобразы жывёл і птушак у беларускіх народных песнях». Народная песня прыйшла да нас з глыбокай старажытнасці і на працягу сваёй доўгай гісторыі служыла чалавеку, выконваючы грамадска-сацыяльную і эмацыянальную функцыі [4, с. 3]. У традыцыйных беларускіх песнях вобразы жывёл і птушак захоўваюць сваю міфалагічную функцыю і звязаны з пэўнымі рытуаламі, абрадамі, святамі. Падчас спеўнай вечарыны была падрыхтавана экскурсія па выстаўцы, а ў кожнай тэматычнай зоне (карэнні, ствол, крона) Вольга Антонаўна Емяльянчык, кіраўнік фальклорнага гурта «Варган», развучвала з прысутнымі традыцыйныя беларускія песні, жывёльныя персанажы якіх суадносіліся з карэннямі, ствалом і кронай Дрэва жыцця. Першая песня-гульня «Сядзіць, сядзіць яшчур» звязана з міфалагічным персанажам Яшчурам, калядная гульня ў якога, зафіксаваная ў Пастаўскім раёне Віцебскай вобласці, была прымеркавана да перыяду Каляд і звязана са шлюбнай тэматыкай [11,

с. 580]. Другая песня «Го-го-го, каза...» дэманструе культ Казы — міфалагічнага персанажа, што сімвалізуе ўрадлівасць і плоднасць; выконвалася яна падчас абраду калядавання [5, с. 211]. Трэцяя песня «Як з дуба, з дуба...» звязана з птушкамі, з выраем, а менавіта з сюжэтам, як «Сокал спаймаў чырачку-краснакрылачку...», што адпавядае шлюбнаму сюжэту, як «Ванечка спаймаў Манечку», то бок узяў у жонкі [2, с. 397]. Песня зафіксавана ў в. Сенькавіца Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці. Напрыканцы вечарыны была развучана гумарыстычная песня «Служыла ў пана...», дзе пералічваюцца прадстаўнікі жывёльнага свету, якія традыцыйна былі ў сялянскай гаспадарцы (куры, гусі, індзікі, каровы, коні, бараны і інш.). Песня была зафіксавана ў в. Дубіна Валожынскага раёна Мінскай вобласці.

На прыкладзе тэкстыльных вырабаў добра бачна, што выкарыстанне на ручніках і поцілках арнаментаў з выявамі птушак і звяроў прыйшло да нас адносна нядаўна, прыкладна з сярэдзіны XIX ст. Звязана гэта з распаўсюджаннем спачатку сярод гараджан, а пасля і вясцоўцаў друкаваных выданняў, у якіх размяшчаліся модныя на той час схемы вышывак [7 с. 362]. Старажытныя геаметрычныя арнаменты былі паступова выцесненыя альбо сінтэзаваныя з жывёльна-расліннымі арнаментамі, але дзякуючы непарыўнай сувязі чалавека і свету прыроды, гэты пераход змог адбыцца мякка і амаль незаўважна для саміх носьбітаў традыцыйнай культуры.

Выстаўка не абыйшла ўвагай і дыскусійныя пытанні аб выкарыстанні нашымі продкамі выяў некаторых жывёл ў якасці абярэгаў, а таксама аб адсутнасці ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве выяў жывёл, міфалагічных вобразы якіх выразна прадстаўлены ў беларускім фальклоры.

Можна прасачыць, выявы якіх птушак часцей за ўсё сустракаюцца на тэкстыльных вырабах. Гэта птушкі, якія нясуць пазітыўны вобраз: певень — сімвалізуе ў беларускай міфалогіі агонь, пачатак новага дня; голуб — сімвал міру, кахання, сям'і [2, с. 397]. У той час як выявы птушак, якія не нясуць пазітыўнага вобраза, на тэкстыльных вырабах пакуль не былі зафіксаваны. Напрыклад, варона, якая паводле народнай класіфікацыі належыць да «нячыстых», нешанаваных птушак; ці зязюля — звязвалася ва ўяўленнях з тым светам, смерцю, хваробамі [10, с. 199]. Выявы жывёл, якія суадносяцца з сярэдзінай Дрэва жыцця (ствол) і звязаны з земляробствам, абярэгам хатняга ачагу, урадлівасцю, могуць сустракацца або ў выглядзе драўлянага афармлення пабудовы, цацак, або каваных прадметаў у выглядзе рагоў, якія з'яўляліся абярэгамі. Што датычыцца амаль адсутнасці выяў насякомых, рэптылій на прадметах дэкаратыў-

на-прыкладнога мастацтва, то гэта можна патлумачыць іх сувяззю з ніжнімі хтанічнымі светамі, цемрай, карэннямі Дрэва жыцця. Аднак прадметы ці выявы ў форме змяі маглі выкарыстоўвацца ў якасці аб'ектаў у выглядзе дзвярнай ручкі, аконнай ліштвы, то бок звонку хаты, але не ў самой жылой прасторы чалавека, у хаце. Гэта толькі невялікі прыклад тых супярэчлівых пытанняў, адказы на якія пакуль не маюць адназначнага адказу, але, безумоўна, выклікаюць увагу і патрабуюць новых навуковых пошукаў.

Такім чынам, хочацца адзначыць, што выставачны праект «Жывёльны свет у традыцыйнай культуры беларусаў» змог рэалізаваць пастаўленыя задачы, і мэта стварэння выстаўкі была цалкам дасягнута. Падчас яе стварэння былі выкарыстаны прадметы з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка і прыватных калекцый. Цікавым досведам стала знаходка выяў жывёл і птушак на самых розных прадметах дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва: на карунках ад ручнікоў і падзораў, на прадметах керамікі, тэкстылю і інш. Разам з тым, стала відавочнай і неабходнасць папаўнення калекцыі фондаў прадметамі, на якіх можна пабачыць выявы жывёл або зааморфныя матывы. Экспедыцыйныя пошукі могуць быць накіраваны на пошук прадметаў побыту, прыладаў і прыстасаванняў. Напрыклад, каваных вырабаў: завесаў у выглядзе рагоў, дзвярных ручак у выглядзе змяі, як з прыватнай калекцыі Васіля Шкіндзера з в. Вялікі Поўсвіж Лепельскага раёна Віцебскай вобласці. Калекцыя можа быць дапоўнена і драўлянымі вырабамі: ліштвямі, вільчыкамі і іншым аздабленнем пабудовы, якія былі прадстаўлены на выставе ў выглядзе фотаздымкаў, а таксама штампамі для набівання ўзораў на тканіне, якія прадставіла на выстаўку майстар Ганна Шчука (г. Мінск). Разам з тым, дзякуючы выставачнаму праекту фонды НПГКМЗ папоўніліся новымі прадметамі — цацкамі з бяросты ў выглядзе качачак, якія традыцыйна рабілі ў Верхнядзвінскім раёне Віцебскай вобласці.

Выстаўку «Жывёльны свет у традыцыйнай культуры беларусаў» наведала 130 чалавек (індывідуальныя наведвальнікі, удзельнікі заняткаў і мерапрыемстваў). Свае водгукі аўдыторыя пакідала ў сацыяльных сетках Вконтакте, Facebook, Instagram. Напрыклад, пасля спеўнай вечарыны адна з удзельніц адзначыла ў сваім акаўнце ў Instagram: «... Идея мероприятия — как можно шире раскрыть тему животного мира в народной культуре белорусов. Путешествие по выставке открыло мне и другим гостям музея мифологическое представление о мире наших предков, это было очень увлекательно и познавательно, но моя «вишенка на торте» —

это традиционные песни. В этот день мы разучили песни, которые в своей обыденной жизни пели ещё наши прабабушки. Однажды попробовав петь сама — поняла, что это невероятное удовольствие для души и тела. Это как терапия, белорусская народная йога... Одним словом, кто ещё ни разу не пробовал петь в старинной белорусской традиции — обязательно попробуйте. Всё-таки не зря наши предки столетиями и тысячелетиями сохраняли эту культуру. Эти песни и их исполнение помогали переживать им потрясения и эмоции на протяжении всей жизни. И судя по ощущениям, которые ты испытываешь, когда поёшь — это очень действенный и эффективный метод. Петь как наши мудрые бабушки сможет любой — это вам обязательно объяснит и покажет руководитель гурта «Варган» Ольга Емельянчик...». Падобныя водгукі сапраўды адлюстроўваюць эмоцыі і ўражанні, якія заставаліся ў людзей пасля наведвання выстаўкі, а таксама прывабліваюць новую аўдыторыю наведвальнікаў у музей.

Выставачны праект цалкам мабільны і можа экспанаватца на базе іншых музеяў. Распрацаваныя музейныя заняткі могуць дапоўніць існуючую музейную праграму або стаць добрым падмуркам для распрацоўкі новых этнаграфічных праграм на базе Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я і іншых філіялаў НППГКМЗ.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Беларуская вусна-паэтычная творчасць: падруч. для філал. спец. ВНУ / К. П. Кабашнікаў, А. С. Фядосік, А. С. Ліс і інш.— 2-е выд., перапрац.— Мінск: Выш. шк., 1988.— 415 с.
2. Валодзіна, Т. В. Птушкі / Т. В. Валодзіна, Я. М. Сахута // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 397.
3. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции.— М.: Издательство «Индрик», 1997.— 912 с.— (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).
4. Гурскі, А. І. Тайны народнай песні.— Мінск: Універсітэцкае, 1994.— 160 с.— (Універсітэт школе).
5. Драздоў, Ю. М. Каза / Ю. М. Драздоў, Л. М. Салавей // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 212.
6. Дучыц, Л. У. Жывёлы / Л. У. Дучыц, Я. М. Сахута // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 171.

7. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская.— Минск: Беларуская навука.— 2013.— 527 с.: ил.
8. Народныя мастацкія рамёствы Беларусі / уклад. Я. М. Сахута.— 2-е выд.— Мінск: Беларусь, 2001.— 168 с.: іл.
9. Нікольскі, Н. М. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства / Н. М. Нікольскі // Працы секцыі этнаграфіі.— Мінск, 1933.— Т. III.— 138 с.
10. Салавей, Л. М. Зязюля / Л. М. Салавей // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 200.
11. Салавей, Л. М. Яшчур / Л. М. Салавей // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 580.
12. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (складальнік), А. М. Боганева, М. А. Козенка [і інш.].— Мінск: Бел. навука, 2004.— Т. 2. Віцебскае Падзвінне.— 910 с.
13. Швед, І. А. Дрэва жыцця / І. А. Швед // Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш.— Мінск: Беларусь, 2004.— С. 152.

Навуковае выданне

МАТЭРЫЯЛЫ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

*(на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2017 г.)*

Укладальнік **Явіч** Таццяна Уладзіміраўна

Камп'ютарная вёрстка В. У. Гаўрылаў
Карэктар В. Я. Ашуева

Макет выкананы на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22

Падпісана да друку 10.06.2019. Фармат 70х100 $\frac{1}{16}$.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура «ПТТ Сери́ф».
Ум. друк. арк. 12,2. Улік.-выд. арк. 8,9.
Наклад 50 ас. Замова 10368.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014.
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.

ПОЛОЦКЪ.

Видъ съ Краснаго Моста на Городъ.

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі:
па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2017 г. / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск:
Медысонт, 2019. — 212 с.

*У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў
канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні
гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.*

*Выданне адрасуецца музейным спецыялістам,
гісторыкам, культурологам.*

Нацыянальны Полацкі гісторыка-
культурны музей-запаведнік
Рэспубліка Беларусь, 211400,
Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, 22
<http://polotsk.museum.by>

